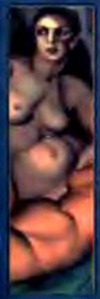
АЗБУКА

николай фробениус



застенчивый порнограф

николай фробениус

Застенчивый порнограф
Николай Фробениус

Аннотация
Николай Фробениус. Застенчивый порнограф
I
II
III
IV
текст задней обложки

Аннотация

События романа знаменитого норвежского писателя Н. Фробсниуса «Застенчивый порнограф» разворачиваются в фантастической стране Порнополис, где выпускается огромное количество порнографической продукции. Подмена естественной сексуальности виртуальными ощущениями — главная проблема романа.

Николай Фробениус
Застенчивый порнограф

николай фробениус

застенчивый порнограф

Санкт-Петербург
Издательство «Азбука»
2002

Bibliotheca Stylorum

I

1

На животе лежало пятно света. Солнце поднялось, и горячий обжигающий диск передвинулся на грудь. Он сидел на скамейке и смотрел на карман. Платье Сары было соломенно-желтое. Спереди красовался карман. Что в этом кармане? Она уставилась на крышу дома, а ее пальцы гладили платье, скользили по нему. Глаза у Сары были широко раскрыты. Над скамейкой распростерло ветки мертвое грушевое дерево. Небо поменяло окраску. Приближалась осень. В глазах Сары светились огоньки. По утрам она казалась ужасно таинственной. Интересно, что у нее в кармане? Он кашлянул и спросил:

— Ну и что у тебя там сегодня?

Солнце скользнуло с ключицы и переместилось на темную планету сердца. Грудь стало обжигать, он весь наполнился светом.

Сара закрыла глаза и потерла себя по карману. Казалось, она думает о чем-то до того хорошем, о чем не хочется говорить. Симон уставился на карман. Интересно, что же в нем? Если бы у него

были деньги, он охотно дал бы ей их, лишь бы это узнать. Над крышами домов пролетела, не издав ни одного крика, чайка. Небо в это утро было просто мечта для нее. Ночью он думал о жизни, о звуках хлопающих крыльев чаек над домами. Сара блеснула белозубой улыбкой. Ему становилось худо, когда она ослепляла его улыбкой. «Прекрати! — думал он. — Я сейчас просто лопну, если ты не перестанешь!» Что же такое у нее в кармане? Яркий свет обжигает кожу. Хоть бы солнце зашло за тучу! Он старался думать о чем-нибудь мрачном и печальном.

Было воскресное утро, половина восьмого. Взрослые беззвучно спали в доме Симон и Сара сидели на заднем дворе под мертвым грушевым деревом, под небом, представлявшим не что иное, как лоскут Вселенной. Лето подходило к концу. В кармане у нее лежало что-то, и ему было ужасно интересно на это посмотреть. И так происходило каждое утро. Они просыпались рано, набрасывали на себя одежду и выскальзывали из дома, чтобы не разбудить взрослых. Иногда она просыпалась раньше него, тогда его будил свист за окном.

Кровать была тяжелая, как давно забытые сны. Каждое утро они сидели на скамейке и болтали.

Под конец она показывала ему свой секрет. Симон смотрел на ее пальцы, на бледную шею, на темно-рыжие волосы, прикасающиеся к шее. Он заглядывал ей в глаза. Ее губы были похожи на улитку. Они сидели на скамейке под засохшей грушей рядом с велосипедным штативом, на заднем дворе дома двадцать четыре на Маркусгатен. Им была знакома каждая трещина на фасаде, каждый узор на кухонных занавесках. Из квартиры на первом этаже всегда доносился один и тот же запах специй. Им был знаком бой часов в квартире Виктора на третьем этаже, они знали, какого цвета каждая пара обуви у тетки Симона. Они знали, что один человек из П. однажды сфотографировал на скамейке под грушей голую девушку, но это было задолго до того, как с груши облетели листья. Они знали все об этом дворе и не могли представить себе, что когда-то он выглядел иначе.

Семь дней спустя все изменилось. Семь дней спустя им стало безразлично, выглядит ли все так, как прежде. Но в это утро они еще не знали, что должно случиться, и если бы кто-нибудь сказал им, они ни за что не поверили бы ему.

Сара сунула руку в карман. Симон взглянул на бледные пальцы, скользнувшие по ткани платья,

и ему до боли захотелось схватить ее за руку. В его глазах играли солнечные блики.

Это была открытка. Сара, прижала ее к груди и ни за что не хотела показать ему, пока он не скажет: «Please». Слово «please» было узенькой дверью в таинственный мир. Он, улыбаясь, склонил голову набок и решил, что ни за что не произнесет это слово. Сегодня ей не удастся уговорить его. Сегодня он сильнее, чем она, если только Сара не будет вот так улыбаться ему, словно вся светится, он ей не уступит. Каждый божий день он должен говорить «please», чтобы узнать ее секреты, но сегодня он этого не сделает. Ее лицо было такое красивое и безжалостное. Мол, скажи «please», и все тут. Он уставился на нее с видом супермена. Мол, не скажу ни за что. Ее губы беззвучно произносили это противное слово. Он уставился на открытку. И на лицо Сары.

Она повернула к нему открытку лицевой стороной и мгновенно отвернула. Он успел заметить круглое лицо, светлые волосы.

Она снова спрятала открытку. Он проследил взглядом, как ее пальцы опустились в карман.

Все было потеряно. Он проиграл.

Сара хитро улыбнулась и закрыла глаз. По ее лицу скользнула тень.

— Please…

Он знал, что теперь она откроет ему свою тайну. Не открывая глаз, она протянула ему открытку. Он выхватил ее из рук и перевернул.

Симон не понимал, почему ее так интересуют картинки. Каждый день Сара доставала новую открытку или фотографию из коллекции своего дяди. У него была тысяча фотографий одной и той же женщины. Из-за этой коллекции они однажды чуть было не подожгли дядину комнату в отместку за то, что тот дал Саре оплеуху и она отлетела в другой конец комнаты. Это были довольно ценные снимки, сделанные в 1945 году. «Саре нравится воровать у дяди Себастиана, — подумал Симон, — ей нравится воровать фотографии и открытки, потому что Себастиан так дорожит ими». Он посмотрел на открытку.

Снимок был сделан в 1953 году во время съемок фильма «How to Marry a Millionaire»[1]. На Мэрилин была ослепительно белая блузка, расстегнутая на груди. Казалось, от улыбки ее лицо вот-вот взорвется. Наверное, оттого, что глаза у нее такие темные. Симон уставился на ее родинку, на лоб и локоны. Кто-то написал, будто она

---

[1] Примечания: 1

«Как выйти замуж за миллионера» *(англ.).*

не умерла, а живет в другой стране и теперь уже состарилась, стала жалкой, глухой и полупомешанной.

— Красивая?!

Взгляд Сары скользнул по его лицу, словно теплая рука. Он кивнул. Сара надела очки, висевшие на шнурке у нее на шее, и через плечо Симона снова уставилась на открытку. У нее изо рта пахло яблоками, а за стеклами очков глаза блестели, как стеклянные шарики. Казалось, она хочет увидеть что-то особенное в том снимке. Сара положила руку ему на плечо. Yes. Им нравилось смотреть на Мэрилин Монро, на ее родинки, кремовую кожу, на локоны, нимбом окружающие лицо.

— Ее глаза сияют, — сказала Сара и послала ей воздушный поцелуй.

Симону захотелось наклониться и погладить лицо Сары, прикоснуться к красивым губам, но он, разумеется, знал, что не посмеет этого сделать, не посмеет никогда. Он лишь улыбнулся ей, это все, на что он мог решиться, но она в этот момент запихивала открытку в карман и не заметила его улыбки.

Они прошли через подъезд, в котором пахло потным и тяжелым сном. На улице залитая светом мостовая выглядела белой. Они останови-

лись и, задрав головы, посмотрели вверх. Симону казалось, что свет лег ему на лицо прозрачной маской. Он подумал, что в такой маске он смог бы быть кем угодно — преступником, или героем, или мальчиком, ставшим самым богатым человеком в мире. Когда веки у них сильно нагрелись, они пошли дальше.

Улица Маркусгатен была длинная и извилистая. Они миновали кондитерскую, фруктовую лавку, почту и кафе «Мороженое». Но без четверти восемь кафе еще было закрыто, на Маркусгатен царила глубокая тишина, все взрослые спали.

Они направились вниз по тротуару, проплыли по реке асфальта, потом поднялись и оказались возле магазина тканей Барбары.

У витрины стояла Юлия, разматывая рулон ткани, ее рыжие волосы, достающие до попы, медленно колыхались из стороны в сторону. Сара говорила, что все мужчины в Одере хранят по кусочку волос Юлии у себя в записной книжке и что они платят за них из расчета цены за метр. Внезапно она повернулась и увидела их, вздрогнула и поднесла руку к подбородку. Они улыбнулись ей, и она улыбнулась им в ответ, блеснув ослепительно белыми зубами, ничего не сказав. Юлия почти всегда молчала, а если и

говорила, то ужасно тихо. Тетка Симона уверяла, что если Юлия будет и впредь так вести себя, то Барбара ее скоро уволит, видно, потому ей и приходилось работать даже в воскресенье.

От футбольного стадиона — мимо стайки ветхих деревянных домов до низины у подножия скалистого хребта — тянулась посыпанная гравием дорога. За сосновой рощицей возвышались руины старой городской стены. Налево от руин стоял дом Симона и Сары. В низине кроме их хижины было только несколько ветхих сараев и скотных дворов, и дети, предоставленные здесь самим себе, делали что хотели. В доме у них было далеко не все в порядке. В крыше зияла здоровенная дыра, и во время дождя находиться здесь не годилось. По бедности им приходилось воровать все, что могло понадобиться в хозяйстве. Тетерь у них появились два стула, висящий на гвозде дуршлаг, четыре отдельных выдвижных ящика, в которых лежали вилки и ножи с красивыми ручками, несколько разрозненных кофейных чашек, вполне пригодный термос да еще плакат с голой дамой в джунглях. На полке стояли дешевые часы, а в углу комнаты — сломанный телевизор.

На бревне возле дома висел почтовый ящик. Симон вынул из кармана маленький висячий

замок и два ключа.

— Где ты это взял?

— Дома.

— На что нам этот замок?

— У каждого должен быть почтовый ящик.

— Спасибо, — сказала она и спрятала ключ в карман платья.

Симон нагнулся и повесил замок на почтовый ящик, на котором белой краской было написано: «Бивур». Так звали человека, жившего когда-то в этом доме. Но это было давным-давно. Скоро Симон напишет на ящике имя Сары и свое.

Они постояли, посмотрели на свой дом и вдруг, сами не зная почему, расхохотались.

Сара вошла в дом. В этот день была ее очередь готовить еду. Симон взял ружье и отправился на пустошь, чтобы подстрелить зверя. Ему было приятно, что Сара крикнула ему вдогонку:

— Подстрели кабана!

Симон понял: Сара думает, что он — самый храбрый охотник на свете. Но его дед был еще храбрее. Он был солдатом, сражался с немцами и получил секретное задание: должен был внезапно напасть на немецкого генерала и убить его. Крестьяне спрятали его в телеге с провиантом и привезли в расположение немецких войск. Он

укрылся в одном из домов и должен был убить генерала во время утреннего смотра солдат. Мать рассказывала Симону эту историю много раз, и он ясно представлял себе человека, сидящего за мешком зерна в ожидании рассвета и дрожащего оттого, что в любую минуту ему могут выстрелить в затылок.

Симон постоял, глядя на небо и свинцово-серую тень горного хребта. Деда тоже звали Симоном, и мать рассказывала, что он был в их роду единственным героем. «Все остальные лишь сборище слабаков и крыс», — со смехом говорила она. Однажды Сара рассказала ему секрет: она зарыла на пустоши камень, на котором они однажды нацарапали гвоздем свои имена. Он направился к тому месту, где был похоронен камень с их именами, постоял немного и пошел дальше. Камень с их именами. Низина, болотная вода прячет их тайну.

Это случилось несколько месяцев назад, зимой. Он проснулся среди ночи оттого, что кто-то тряс его за плечо. На краю кровати сидела Сара, ее взгляд скользнул по его лицу, словно тень.

— Можно мне полежать здесь немного? — спросила она. Потом забралась под одеяло и уткнулась лицом в подушку.

— Как ты сюда вошла? — спросил он.

Она не ответила. Симон попытался лежать спокойно, ее холодные плечи прикасались к нему. Во дворе кричала чайка.

— Что с тобой?

Она долго лежала молча, а потом рассказала, что сделал Себастиан. Она говорила тихонько хриплым голосом. Ему не хотелось ее слушать, хотелось уснуть, проснуться утром и увидеть, что Сара лежит рядом с ним, теплая, улыбающаяся, и говорит спокойным голосом. Себастиан заставил ее сидеть в ванне с ледяной водой, чтобы она попросила прощения. Она не сказала ни слова. Тогда он открыл дверь на улицу, пустил ей в лицо дым сигары и спросил, не хочет ли она кое-что сказать ему. Она покачала головой. Он высыпал в ванну кусочки льда и опять пустил ей в лицо сигарный дым. Она стала звать на помощь, но никто ее не услышал. Под конец ей пришлось попросить прощения. Симону не хотелось это слушать, он желал уснуть. Пусть ему приснится другой сон. Но Сара требовала, чтобы он дал ей обещание. Он пообещал никому об этом не рассказывать. А на следующий день они нацарапали на камне свои имена и дали друг другу клятву сохранить все в тайне. Она торжественно

произнесла слова клятвы. Они опустили камень в болотную жижу. Сара положила голову ему на плечо, и они крепко обнялись.

Симон спрятался за сосну. Опытный охотник чувствовал малейшее дуновение ветерка на равнине. Он знал: вот-вот покажется зверь.

Остается только ждать.

В квартире на Маркусгатен повсюду были трещинки. Симон видел их на розетке, на потолке и на оклеенных обоями стенах. Квартира была старше, чем Симон, его мать Вероника и тетка Элена, вместе взятые: 12+33+37. На троих им было 82 года, а квартире — 109. До того как сюда переехали мама и тетя Элена, здесь жил очень старый человек. Старик плохо видел и под конец почти ослеп. Он мог различать только темно-красный цвет. Для старика это, ясное дело, было плохо, зато хорошо для Симона, мамы и тети Элены. «От судьбы не уйдешь», — с довольным видом сказала тетя Элена и больше об этом речи не заводила. Квартира была уютная, хотя и темноватая. На шее у тети Элены высыпала красная сыпь, и она втирала в кожу крем на огуречном соке. Глядя в зеркало в ванной комнате, она крикнула Симону:

— Думаю, это аллергия!

Вся мебель принадлежала тете Элене — кожаный диван, персидские ковры, светильники, похожие на цветочные гирлянды, гипсовые статуэтки, книжные полки и шкафы темного дерева. Веронику мебель не интересовала. Больше всего она любила театр. Она вошла в комнату и сказала:

— Вот, возьми, мой мальчик.

— А что ты будешь играть?

— Это пьеса Стриндберга.

— Интересная? Веселая? — улыбнулся он.

— Нудная, — ответила она и засмеялась.

Потом поцеловала его в лоб и вышла из комнаты. От нее пахло духами «Хлоя». Глаза тети Элены не выносили яркого света, поэтому в комнатах царил полумрак. Горела только одна лампа. Тетя Элена говорила, что, если зажечь несколько ламп, ей придется постоянно носить солнечные очки. На потолке Симон заметил длинную тонкую трещину, вовсе не опасную. Он поднял с пола книгу и принялся читать дальше про Мэрилин. Оказывается, она чувствовала себя лучше при спущенных гардинах.

Ему очень хотелось стать миллионером, Millionaire. Он решил, что скоро придумает, как это осуществить. У Элены постоянно была ка-

кая-нибудь сыпь. Однажды какие-то маленькие фиолетовые пятнышки появились под коленками. Его мама была хорошей актрисой. Однако быть миллионером нелегко. Миллионеры могут делать все, что им вздумается. Если миллионер поднимется, чтобы что-то сказать, все умолкают. Даже если у миллионера писклявый голосок, никто не посмеет засмеяться. Вчера он видел в книжке портрет странного мальчика, у которого на лице нет рта. Просто кожа на том месте, где должен быть рот. Но есть ли у этого мальчика где-нибудь рот, в книге не сказано. Мэрилин была замужем за писателем по имени Артур. Они были довольно счастливы, и он написал для нее сценарий фильма «The Misfits»[2]. Одни думают, что она настоящий ангел, другие — что ее убили за то, что она слишком много знала про того, кого недолюбливала.

Квартира на Маркусгатен была уютная. Ему нравилось, что в комнате горела только одна лампа, ему не мешал полумрак. Его позвала тетя Элена, и он отложил книгу. Они сидели в кухне и ели пеклеванный хлеб с вареньем. Из кухонного окна ему были видны квартиры тех, кто жил по

---

[2] Примечания: 2
Зд.: «Неприкаянные» *(англ.).*

другую сторону заднего двора. Симон склонил голову набок и уставился в одно из окон. Мужчина и женщина медленно танцевали взад и вперед по комнате. Женщина была в купальном халате, с мокрыми волосами. Потом они остановились, и мужчина засмеялся, но его лицо не показалось Симону счастливым. Женщина подошла к окну и распахнула его. Она закрыла глаза и открыла рот. Она была молодая. Симон смотрел на ее мокрые волосы и закрытые глаза. Он понял, что она плачет. И тут тетя Элена спросила:

— Исчезла сыпь?

Симон повернулся и посмотрел на ее вытянутую шею. Пятнышек на шее не было. Он покачал головой и снова уставился в окно.

— Ты так и будешь все время молчать? — недовольным тоном спросила она.

2

Когда Симон и Сара вышли утром из дома, двор, скамейка и грушевое дерево были окутаны туманом. «Стоит мне что-нибудь соврать, как на другой день все будет плохо», — подумал Симон. Тетка Элена обычно говорила: «Не живи ложью, будет по-Божьи». Симон и Сара перекликались с разных сторон двора. Ничего не видя, они пошли

через двор, вытянув вперед руки, наткнулись на велосипедный штатив, упали друг на друга и захлебнулись счастливым смехом, по-прежнему ничего ни видя.

Была пора летних каникул, школа спала, и ей снились беспокойные сны о хитроумных проказах учеников. Но Симон и Сара не думали о школе. Оставалась еще целая неделя до начала занятий. Был понедельник, взрослым предстояло идти на работу, а они могли сидеть дома и делать что вздумается. Шарить в выдвижных ящиках, открывать шкафы, которые им не позволяли открывать. А сейчас они сидели на скамейке и ждали, когда взрослые исчезнут. Первой вышла Элена, тетка Симона. На ней были туфли в цветочек, она напевала и улыбнулась Симону и Саре. Тетя Элена работала в магазине одежды с восьми утра до часа. Чуть погодя они увидели на лестнице дядю Сары. Он что-то рявкнул им, давая какие-то указания, а они в ответ промямлили: «Ладно, ладно, да, да». К скамейке потянулся шлейф сигарного дыма. Они с быстротой молнии натянули противогазы. Мать Сары с удивлением взглянула на них, но не сказала ни слова ни про противогазы, ни про сигарный дым. Она сняла велосипед со штатива, как всегда строго посмот-

рела на Сару и уехала.

Сара жила в подвальном этаже вместе с матерью и дядей Себастианом. Ее мать была уборщицей в ратуше. Все знали, чем занимается ее дядя, но вслух об этом не говорили. Когда Симон в первый раз спросил Сару, она ответила, что он продает журналы и игрушки, только не для детей. Когда же Симон спросил, что это за игрушки и за журналы, она не ответила.

Но Симон решил, что Себастиан продает что-то запретное из-под полы.

Позднее он узнал больше о фирме Себастиана, о его журналах и игрушках. Сара рассказала ему кое-что про этого темнилу. Время от времени она показывала ему вещи, при виде которых его начинало подташнивать и кружилась голова. Это были картинки с похотливыми мужчинами и непристойными надписями. Ему вовсе не хотелось смотреть на эти картинки и читать похабные слова Иногда Вероника произносила похабные слова и при этом широко улыбалась. Симон никогда не говорил таких слов, эти поганые слова жгли ему рот, а на губах выступала пена Горели собачьи глаза, х… — и молния сверкала на небе. П… — и он тонул в ней. Это бездонный колодец. На небе сверкала молния,

во рту горело огнем. Люди ничего не понимают, они думают, что слова не имеют силы. Слова колют грудь и обжигают рот. Слова превращают мозг в слова. Язык превращается в слова. А мир превращается в слова, которые ты выплюнул в него. Когда Симон увидел свою мать на сцене голой, он не нашел это чем-то неприличным. Его спросили, как он к этому относится, и он ответил, что не видит в этом ничего особенного, ведь она выглядела на сцене красивой. И волосы, и шея, и тело — все было красиво. И ничего плохого он в этом не увидел. Но когда она выругалась, он закрыл глаза, отвернулся и сделал вид, будто ничего не слышал. Она повторяла похабное слово снова и снова. После этого он не захотел ходить в театр. Он вообразил, будто это слово выросло у нее во рту, а ее тело превратилось в то, что она сказала. Он заболел, у него был жар, он лежал в спальне матери, пил сок и фантазировал. Она превратилась в огненнокрасную п… Из ее ушей текли ручьи слизи.

Однажды он вместе с Сарой смотрел телепередачу. Это был репортаж из страны П., из столицы. Покупатели сновали мимо стен с картинками красных половых органов. На торговых улицах были развешены плакаты с апельсинами и губа-

ми. Автор плакатов сидел в конторе и болтал о покупателях, о товарах, экранах, но о непристойных словах не упомянул. На экране красовались п… и х…, а художник улыбался и трендел о покупателях и прогнозах. Сара ухмылялась, указывала пальцами, краснела, толкала Симона в бок. Симон то отводил в сторону глаза, то тупо смотрел в телевизор, но видел одни злополучные буквы, заполняющие экран.

Отец Сары умер. Его похоронили на кладбище в другом городе. Она была на этом кладбище и рассказала Симону, что там полно увядших цветов. Когда отец умер, Саре было пять лет. Он умер от болезни почек. Они жили тогда в другом городе. На лице у отца появились фиолетовые пятна, похожие па маленькие монетки, долго пролежавшие в воде. Лицо у него было круглое и добродушное. Он любил гулять с Сарой и их собакой, которую звали Кандинский. Отцу становилось все хуже и хуже. Под конец у него уже не было сил на прогулки. Он рассказывал Саре истории про Марию Кюри[3] и Александра Фле-

[3] Примечания: 3

Склодовская-Кюри, Мария (Sklodowska-Curic) (1867–1934) — выдающийся ученый, физик и химик, член академий наук многих стран, лауреат Нобелевской премии 1903 и 1911 гг.

минга[4], про то, что пенициллин — это грибок, растущий на плесени. Отец Сары был исследователь, биолог. Каждое утро он отправлялся в университет. Он любил петь за рулем арии из опер. Сара рассказывала, что он любил поесть, ел слишком много, очень толстым не был, но был все же слишком полным. Возвращаясь после работы, он часто приносил ей игрушки. Утром он целовал Сару в лоб и прижимал к себе так крепко, что она взвизгивала. А потом он умер… А Симон ничего не знал о своем отце, поэтому они никогда о нем не говорили. Он был человеком из страны, которой нет.

Сара читала о Вселенной все, что ей попадалось. У нее была целая полка книг об астероидах, планетах, галактиках, суперновых и черных дырах. Симон думал, что вся Вселенная у нее в голове. Ему нравилось слушать ее рассказы о Вселенной. Она говорила низким голосом, серьезным тоном, словно учительница. Симону хотелось закрыть глаза и положить голову ей на грудь. Может, ей это будет приятно. Нет, не будет. Она разъярится. Точно. Ее голос был глухой и певучий. Он не знал,

---

[4] Примечания: 4

Флеминг Александр (Flemming Alexander) (1881–1955) — английский микробиолог, открыл пенициллин, лауреат Нобелевской премии 1945 г.

смотреть ему на нее или в окно на Вселенную.

— Под конец Солнце станет гигантской красной звездой, в сотни раз ярче, чем теперь. И тогда Земля и другие планеты вокруг Солнца погибнут. Они сгорят и исчезнут…

Они сидели на кровати в комнате Сары. Наконец-то взрослые ушли со двора, отправились на работу. Сара продолжала говорить. Симон видел, что ее лицо просветлело. Она махала в воздухе руками, усыпанными веснушками. Время от времени она останавливалась и смотрела ему в глаза, чтобы убедиться, что он понял ее слова. Она хмурилась, и морщинки делали ее похожей на старуху.

— А потом Солнце потеряет свой огненный плащ и станет мертвой звездой. Ты знаешь, как оно будет называться?

Симон сделал вид, что вспоминает и не хочет отвечать сразу. Она положила руку ему на плечо и сжала его:

— Белый карлик. Через некоторое время весь свет, все тепло уйдут из Солнца, и оно станет черным карликом, мертвым и холодным шаром.

Сара печально улыбнулась. Симон кивнул:

— А ты не можешь рассказать про черные дыры?

— Не могу, устала.

Симон склонил голову набок. Он знал, что это ей нравится.

— Приходи, расскажешь еще что-нибудь.

Она одним прыжком соскочила с постели и подула на бумажный фонарик, болтавшийся на прибитом к потолку шнурке. Он закружился, как нахохлившаяся птичка, которая вот-вот рухнет на землю.

— Я хочу пить. У тебя есть деньги на сок?

Симон пошарил в брючном кармане и выудил монетку. Они сбежали по лестнице, выскочили на улицу и быстрым шагом направились по Маркусгатен к площади, к киоску, к старику в солнечных очках с буквами NBA на кепке, продавцу мороженого.

К приходу матери Саре полагалось быть дома. Она должна была помогать матери, хотя Симон не знал, что именно ей приходилось делать. Но Саре велено было непременно находиться дома в это время. Симон отправился к себе. Мама спала. Проходя мимо ее двери, он услышал, что она тихонько стонет, лежа в постели. Это было не грустное, а веселое хныканье. Так хнычет человек, когда ему снится, что он парит высоко в небе на воздушном шаре. Симон вошел в свою ком-

нату. Посмотрел на книжную полку и на книгу о Мэрилин, лежащую на письменном столе рядом с комиксами о Супер-Дуде. Мэрилин улыбалась. Волосы обрамляли голову словно нимб. Симон уселся в старое дедушкино кресло, подаренное ему тетей Эленой. Сидя в этом глубоком кресле, он чувствовал себя взрослым. Он закрыл глаза и представил, что читает финансовую газету, потом открыл глаза и уставился в окно. По Маркусгатен в сторону гавани шла Сара с матерью. В гавани у Себастиана была контора, и Сара говорила, что из окна видно море далеко-далеко. Симон встал и подошел к окну. Сара и ее мать несли какие-то мешки. Похоже, тяжелые.

Сара шла на несколько метров позади матери. Мать обернулась и сказала что-то Саре с кислой гримасой. Кожа на ее лице была серой. Она слишком много курила. Волосы у нее были длинные, темные. Вероника говорила, что она их красит, а еще она говорила, мол, довольно странно, что она живет со своим родным братом.

— Но ведь ты живешь со своей родной сестрой, — возразил Симон.

— Это совсем другое дело, — отрезала Вероника и вышла из комнаты.

Сара поставила мешки на землю. Мать снова

обернулась, взяла у Сары мешок и дала дочери один из своих. Сара кисло улыбнулась. Симон открыл окно. Ему хотелось окликнуть ее, помахать. Но он сдержался и закрыл окно. Ему было стыдно махать. Это неприлично. Каждый раз, когда кто-нибудь махал, ему становилось неловко за того человека. Махать — стыдобища. Он никогда не будет махать. Это неприлично. Он подумал, что мешки у Сары набиты старыми газетами. Зачем им эти газеты? Может, они хотят разжечь костер и спалить контору дяди Себастиана? Может, им осточертел ядовитый дым его сигар? Две фигуры на Маркусгатен медленно удалялись в сторону гавани и наконец исчезли.

Позднее, после полудня, Симон стоял у двери маминой спальни. Он пытался вспомнить, какую роль она будет играть. Вечером — генеральная репетиция, а у мамы главная роль, но, в какой пьесе, он забыл. Она говорила ему название пьесы и фамилию того, кто ее написал и какую роль она будет играть. Симон закрыл глаза, пытаясь вспомнить, ему очень хотелось войти к ней, пошутить, пожелав ей «сломать ногу»[5], как говорят у них в театре, и назвать роль, которую

[5] Примечания: 5
Игра слов. По-норвежски «нога, кость» означает также «трудность».

она будет играть. Это что-то на «Е»… что-то на «Е»… «Е»… Симон ходил с Вероникой в театр еще совсем маленьким, но, когда начал учиться в школе, перестал бывать в театре. Иногда она приглашала его и тетю Элену на премьеру, но очень редко. «Е, Е…» Он открыл глаза и уставился на дверь. Доносился голос Чета Бэйкера. Он прислушался. «Let's get lost»[6]. Он нажал на ручку, открыл дверь и подошел к ней. «Let's get lost». Она сидела перед зеркалом за туалетным столиком. От лежащей в пепельнице сигареты тянулась к высокому потолку тонкая струйка дыма. Он огляделся, посмотрел на разбросанные на столике вещи — маскара, губная помада, бюстгальтеры, корсеты, черное платье и накладные ресницы. «Let's get lost». Она подняла глаза. Он улыбнулся ее отражению в зеркале и попытался не смотреть на ее грудь под прозрачным лифчиком. Потом подошел к ней совсем близко и положил руки ей на плечи, ее кожа была влажной от лосьона с лавандой. Она закрыла глаза, фальшивые ресницы оставили на лице легкий след. Он заметил на веках полоски цветных теней. «Let's get lost in

[6] Примечания: 6
«Давай забудемся» *(англ.)*.

each others arms»[7]. Он осторожно сдвинул лямки лифчика и стал массировать ей плечи. Она нагнула голову, так что подбородок уперся в грудь. Ее волосы были завязаны в узел. У корней он увидел несколько тоненьких седых прядей. Массируя плечи, он смотрел на узел волос. «And though they think us ruther rude»[8]. Всего лишь несколько тоненьких седых прядей. Пальцы Симона впились в ее кожу, и он почувствовал, какие сильные у нее сухожилия. «Let's tell the world we're in the crazy mood»[9]. Она наклонила голову влево и сказала:

— Ой, как приятно.

Он молча кивнул.

— Только не надо так сильно.

Он уставился на флаконы духов.

— Это «Хлоя»? — спросил он.

— Ужасно приятно, — повторила она.

— В самом деле приятно? — спросил он.

— Да.

Она посмотрела на отражение его рук в зер-

---

[7] Примечания: 7

«Давай забудемся в объятиях» *(англ.).*

[8] Примечания: 8

«И хотя они считают нас довольно грубыми» *(англ.).*

[9] Примечания: 9

«Давай скажем миру, что мы обезумели» *(англ.).*

кале. «Let's defrost in romantic mist»[10]. «Они небольшие, но аккуратные, — подумал он о своих руках, — может, она считает, что они слишком маленькие и слабые, да, слишком маленькие, но пальцы ловкие».

— Не так сильно! — еще раз повторила она.

— Извини. А так лучше?

— Прекрасно, прекрасно, ох, замечательно!

Ему не хотелось смотреть на свои руки. Он посмотрел на ее лицо в зеркале, похоже было, что она спала. Расслабилась. «Let's get crossed off everybody's list»[11]. Он посмотрел на свое отражение. Попытался вообразить, что это какой-то незнакомый парень. Начал массировать предплечья. Выписывать руками букву «О». Он знал, что ей это нравится.

— Ммм… Приятно?

— Да, — ответила она, — просто замечательно.

Казалось, будто она спит, склонив голову на грудь.

— Мне надо делать макияж, — сказала она.

— Причипурилась — и але! — пошутил Симон.

Она посмотрела на него в зеркале и улыбнулась,

---

[10] Примечания: 10

«Давай растворимся в романтическом тумане» *(англ.).*

[11] Примечания: 11

«Давай отгородимся ото всех» *(англ.).*

потом взглянула на лежащую на горке пепла сигарету. Большим и указательным пальцем левой руки она взяла то, что осталось от сигареты, и поднесла фильтр к губам. «Мм, let's get lost».

Открыв дверь в свою комнату, он вдруг вспомнил, что забыл пожелать ей удачи. Ему захотелось вернуться. Но пойти назад он уже не мог. Это выглядело бы глупо. Нельзя же снова подойти к ее двери, постучать, сунуть голову в комнату и сказать:

— Желаю тебе сломать ногу!

Ведь он только что был у нее и не может вернуться лишь для того, чтобы сказать это.

Он резко повернулся.

В дверях стояла тетя Элена.

— Не хочешь ли немножко супа?

Он взглянул на ее круглое лицо и кивнул.

Когда Вероника ушла, он решил лечь в постель, закрыть глаза и подумать о том, что сказать. Было уже семь часов, и ничто не мешало ему лечь. Он пошел в ванную, почистил зубы, вернулся в комнату, лег в кровать и укрылся одеялом до подбородка. Чуть погодя в комнату вошла Элена. Он закрыл глаза и сделал вид, что спит. Он услышал, как она засмеялась.

— Что ты еще задумал?

Он продолжал лежать с закрытыми глазами. Она села на край кровати и наклонилась над ним. Он почувствовал запах конфет и огуречного крема.

— Симон!

Он открыл глаза:

— Я сплю.

Она покачала головой и засмеялась:

— Ведь еще только семь часов.

— Хочу спать.

— Почему?

— Я устал.

— Вид у тебя вовсе не усталый.

Он подумал и ответил:

— Я просто хочу полежать и спокойно подумать.

Она погладила его по голове:

— А ты не хочешь пойти в гостиную и немного поиграть со мной в карты?

Он пожал плечами.

— Ну пожалуйста, Симон.

Наконец он встал с постели и быстро натянул брюки. В гостиной тетя Элена уже раздала карты.

— Ромми?[12]

— О'кей, — согласился он.

Они начали играть, он смотрел на проворные пальцы Элены, перебирающие карты, и думал о Саре, о том, какой у нее красивый подбородок, о том, что хочет сказать ей завтра утром что-нибудь приятное, что-нибудь хорошее, но так, чтобы она не решила, что он в нее по уши втрескался, ведь тогда ему будет неловко.

Он выиграл запросто: 560 против 320. Тетя Элена улыбалась, но ему казалось, что она еле сдерживает слезы. Вероника говорила, что тетя Элена ненавидит проигрывать, и была права. Но Симон не понимал, почему тогда она так любит играть в карты, хотя все время проигрывает.

Наконец-то он улегся под одеяло. Теперь можно спокойно подумать о том, что сказать Саре. Он начал представлять себе разные ситуации. На скамейке. В доме. На площади. Например, он мог сказать, что она здорово знает астрономию. Но это ей и так известно. Он должен придумать что-то другое. Наверное, стоит сказать, что у нее красивый подбородок, но ей наверняка это покажется идиотским. Или похвалить ее пла-

---

[12] Примечания: 12
Название карточной игры.

тье, сказать что-нибудь приятное о волосах или бледных пальцах, о руках, о шее, о походке, о звучном голосе, о голубой тени, которая падает иногда на ее лицо и придает ей печальный вид. Он так ничего и не решил и вскоре уснул. Ему приснились электрические штепсели. Они торчали повсюду на стене. Когда он нагнулся, чтобы рассмотреть их, то увидел, что у них внутри, в маленьких дырочках, прятались глаза, которые смотрели на него.

Симон спустился по лестнице и вышел на задний двор. Там никого не было. Он взглянул на скамейку и велосипедный штатив. Который теперь час? Он забыл взглянуть на часы.

Наверное, начало девятого. Он посмотрел на небо: светло как днем. А на самом деле было еще раннее утро. Он сел на конец скамейки. Мокрая от росы скамейка намочила ткань брюк. Он почувствовал холодное, влажное прикосновение к коже. Он посмотрел на фасад дома, на окна. Во всех окнах было темно. Его интересовали темные окна. Он стал пристально разглядывать их. Он был уверен, что увидел кого-то в одной из темных квартир. Там что-то поблескивало. Он повернул голову и посмотрел на окна квартиры на втором этаже. В кухне кто-то стоял, прижав лицо к

оконному стеклу. Нет, там нет никого. Это просто цветочный горшок на окне. Капустная рассада. Сидеть на скамейке было неуютно и холодно. Он встал и пошел в дом. Он поднимался по лестнице, собираясь снова лечь в постель, когда услышал внизу какой-то звук. Он остановился и вернулся назад, перегнулся через перила и посмотрел на дверь квартиры в подвальном этаже, потом стал осторожно спускаться. Подойдя вплотную к двери квартиры Сары, он вновь услышал этот звук. Сначала он подумал, что это скрип двери, но тут же понял: это какой-то странный плач, всхлипы, словно кто-то хнычет. Он нажал ручку, вошел в квартиру и постоял в темной, захламленной прихожей, не решаясь идти дальше. Открывая дверь, он ни о чем не думал, но теперь ему стало страшно. Здесь стоять нельзя. Он шагнул вперед и заглянул в гостиную. Темно и пусто. Хныканье послышалось снова. Может, звуки раздаются из комнаты Сары? Нет, не оттуда. Из комнаты Себастиана. Симон подошел к его двери. Она была закрыта. Он встал на колено и приник глазом к замочной скважине, как в старых фильмах, и увидел лицо Себастиана. Он спал. Нет, не спал, он открыл глаза. По его лицу катился пот. Он стонал и хныкал. Кто-то наклонился над ним и шептал.

Себастиан стонал. Кто-то что-то шептал. Это был женский голос. Симон попытался прислушаться. И разобрал:

— Я люблю тебя, я люблю тебя.

А он стонал и хныкал, словно его били.

— Я люблю тебя, — повторяла она.

Это была мать Сары. А Себастиан все хныкал. Симон оторвался от замочной скважины и медленно, беззвучно поднялся.

3

Он шел на цыпочках. Земля хлюпала под ногами. Наступила осень, шли дожди. Небо промокло. На болотистой низине образовались дыры. Он остановился и посмотрел на солнечный диск в пространство между светлыми облаками. Солнечный диск по краям заржавел. Небо было мокрым, а земля еще мокрее. Он пошел осторожнее, чтобы кабан не услышал его. Когда он поднимал ногу, в земле оставалась дыра. Он обернулся и посмотрел на все дырки, которые оставил позади. Он — охотник. Может, кабан уже сунул рыло в его след и идет по его следам, обнюхивая их. Он посмотрел на сосны, на холмы вокруг их дома, но кабана не увидел. Кабаны хитрее, чем думают люди. Иногда они нападают на спящих, могут даже

подкрасться к охотнику и напасть на него. Симон прищурил глаза и стал подозрительно озираться вокруг. Он взял с собой ружье и вышел из дому до того, как проснулись взрослые. Лицо Вероники: воплощенная ночная безмятежность, хотя утро уже наступило. Сонное лицо тети Элены. Она открыла глаза, посмотрела на него и сказала:

— Давай займемся этим завтра, Виктор.

Он хотел было сказать, что его зовут иначе, но она еще не проснулась. Тетя Элена говорила во сне. Что происходит в голове во время сна? Он посмотрел на развалины, на дом, на следы, которые оставил. У тех, кто видит сны, особое выражение глаз. Сон сказал Элене, что он — Виктор. Симон не увидел зверя и пошел дальше. На небе белели облака. За холмом стоял кабан и жевал мох. Его ноги погрузились в болото. Симон осторожно снял с плеча ружье. Кабан замер и принюхался. Он почуял человека. Охотник прицелился. Кабан повернулся к безжалостному охотнику. У кабана были крошечные глазки, от страха они загорелись. Охотник взвел курок. У кабана выросли крылья, он расправил их и попытался взлететь. Охотник прицелился в сердце. Кабан с победным хрюканьем взлетел с холма. Охотник выстрелил. Кабан упал в тину, его крылья свернулись, стали

черными, как зола, и исчезли. Охотник медленно подошел к зверю. Пуля попала кабану прямо в сердце. Он лежал и смотрел на охотника мертвыми глазами. Охотник связал ноги большого зверя веревкой и перебросил его через плечо. Топая по болоту домой, он насвистывал мотив старинной охотничьей песни.

Целый день он ждал, когда Сара придет со своей шпионской работы. Сначала он подвесил тушу кабана на просушку. Потом немного прибрался, нашел несколько досок и заделал дыру в крыше. Когда туша подсохла, он разделал ее и положил в котел хорошие куски мяса с можжевельником и сливками. Теперь оставалось потушить его несколько часов на медленном огне. Он уселся возле котла и стал ждать ее, то и дело поглядывая в окно на сосны и гравиевую дорогу. Иногда он закрывал глаза. Охотнику все нипочем, но бывает, что и охотник чувствует себя усталым.

Когда она распахнула дверь, свинина уже стояла на столе. Он ждал, что она скажет что-нибудь про охотника, про охоту, про кабана, но, взглянув на лицо шпионки, понял, что у нее был трудный день. Он похлопал ее по спине:

— Устала?

— Есть немного.

Они сели за стол. За едой охотник спросил шпионку, как прошел у нее рабочий день. Тело у них обоих занемело от усталости, как у взрослых, но они продолжали болтать.

— Твой шеф опять был не в духе?

— Он всегда не в духе.

— Шеф не должен так вести себя.

— Просто зло берет, до того противно.

— И ты, поди, просто не знаешь, как себя с ним вести.

— Ума не приложу. Он только и знает, что бубнить и ругаться. Ходит взад-вперед с сигарой, вопит и пинает дверной косяк.

— Из-за всякого дерьма?

— Да.

— А что ему сегодня было надо?

— Он должен был встретиться с полицейским.

— С каким полицейским?

— У нас в городе иностранный полицейский.

— *Полицейский,* у которого дела с твоим *шефом?*

— Он любит фотографировать. А сегодня вечером они собираются делать какие-то снимки в ателье шефа. Когда они говорили по телефону, я потихоньку сняла трубку параллельного аппарата и подслушала их разговор.

Сара улыбнулась, и ее глаза засияли, как черные камешки.

Симону захотелось сказать, что у нее красивая улыбка, но вместо этого он произнес:

— Может, пошпионим за ними?

Когда он сказал это, в животе у него стало горячо и солнце влилось в грудь.

Они лежали на животе. В щель между гипсовыми панелями и стальными балками, поддерживающими потолок, им было видно фотоателье Себастиана Прямо под Симоном стоял нагнувшийся над камерой полицейский. Его волосы слегка поблескивали. Полицейский был высокий, худощавый, с гривой светлых волос. Симон посмотрел в его глаза. Тетя Элена говорила, что в глазах можно увидеть целый мир. В радужной оболочке глаз полицейского плавал целый мир. Симон увидел, как в них загорелся огонек. Он подумал, что этот огонек имеет магнетическую силу, хочет притянуть его к себе и сжечь. Глаза у полицейского были серые. Он передвинул штатив и стал прилаживать камеру, его движения были осторожны, он обращался с камерой словно с хрупким насекомым. Симон посмотрел сбоку на его рот, напоминающий согнутый палец. Кожа на его лице была сухая, казалось, будто это маска, ко-

торую приклеили на настоящую кожу. Себастиан стоял на другом конце комнаты, переминаясь с ноги на ногу. Он снял твидовый пиджак и повесил на спинку стула На бетонном полу лежала Юлия. Ее выгнали из магазина тканей. Одежды на ней не было вовсе. Теперь она работала у Себастиана фотомоделью. Он сказал, мол, не важно, что у нее такой тихий голос, словно она не говорит, а шепчет, важно, что она красива.

Она лежала не шелохнувшись на бетонном полу. Полицейский говорил тихо, Симон прислушался. Полицейский тихонько запел.

Под светом ламп Себастиан вспотел. Казалось, он не знал, на кого смотреть — на Юлию или на полицейского. Он вытирал пот с глаз короткими пальцами. Взгляд растерянно блуждал. На нем были черные ботинки со слишком длинными шнурками. Возле штатива фотокамеры полицейского лежала монета Полицейский постукивал ногой в такт песне. Кончиками пальцев он налаживал камеру осторожными движениями, поворачивал линзу и следил за медленным вращением.

Юлия уставилась на потолок. Казалось, она воображает, будто находится где-то в другом месте. На берегу. Или на космическом корабле.

Ее волосы лежали под головой, словно подушка. Соски грудей были красные, как и ногти на ногах. Ноги у нее были маленькие, аккуратные.

Полицейский перестал петь. В комнате воцарилась тишина. Симон слышал собственное дыхание. Полицейский посмотрел на Себастиана. Себастиан нервничал, поглаживал себя по щеке. Полицейский взглянул на Юлию и с отчаянием в голосе сказал:

— Когда я вышел в аэропорту, они окружили меня. Маленькие дети, подростки, старики. Я говорю это не в порядке критики. Ты понимаешь, я люблю Одер, потому-то и приезжаю сюда каждый год. Но нищие просто невыносимы. От них воняет. Они лезут ко мне, извиваются у меня под ногами, дышат прямо в лицо, шепчут, шипят. Что они говорят?

Полицейский на мгновение обернулся и посмотрел на Себастиана, но тот не успел ответить. Полицейский резко повернул голову в сторону, и это движение говорило о том, что он волнуется и чего-то боится.

— Юлия! — Он посмотрел на ее живот, на пупок, на ляжки. — Ты прекрасна, Юлия, — сказал он таким же унылым голосом.

Юлия улыбнулась ему, обнажив все тридцать

два зуба. Себастиан сел на стул и вытянул ноги. Юлия улыбнулась еще шире. Себастиан засмеялся.

Полицейский посмотрел в камеру, снова ласково подкрутил линзу вправо, влево, его пальцы двигались неторопливо, он терпеливо изучал фотоаппарат.

— Я ненавижу подобострастные взгляды побитой собаки, — продолжал он. — Я поселился в отеле и в тот же вечер завел об этом разговор с шефом полиции. Сказал, что попрошайничество — одна из ваших проблем. Это ужасная проблема. Шеф полиции согласился со мной. Он пояснил, что решить ее мешает отсутствие политической воли. Он считает, что это трагично, и я согласен с ним.

Полицейский выпрямился и подошел к Юлии. Его ботинки проскрипели по полу. Он сел на корточки рядом с ней.

— Суй туда три пальца взад и вперед, — тихо сказал он.

Себастиан кашлянул.

Юлия кивнула и опустила веки, казалось, будто она спит.

Симон видел только спину и белобрысую голову полицейского. На полу блестела монета. За

окном было темно. Он осторожно повернулся и посмотрел на Сару. Она сидела на корточках, зажав голову коленями, и казалась такой маленькой. Сара смотрела на полицейского и на Юлию и не обращала внимания на Симона. Можно ли считать этого полицейского жестоким? Мог ли он сам нагнуться над Сарой и просить делать то, что ей не хочется? Он посмотрел на ее волосы, падающие на лицо, и ему захотелось дотронуться до ее ноги, но он не смел пошевелиться. Полицейский вернулся к фотокамере. Его волосы поблескивали, полоска света упала на живот Юлии.

— Вот так, да. — Его голос звучал веселее, — видно, он рассчитывал на успех.

Камера щелкнула.

— Великолепно, — сказал он.

Юлия улыбнулась.

Полицейский поменял пленку. Отснятую положил в карман и подвинул штатив поближе.

— Быстрее, ну же, Юлия!

Полицейский поднял голову и посмотрел на Юлию. Она улыбалась.

— Попытайся сделать вид, что тебе невтерпеж, что ты вот-вот лопнешь.

Юлия скорчила гримасу. Внезапно полицейскому перестало нравиться то, что она делает.

— Нет, нет, не так! — прошипел он.

С каждым «нет» лицо полицейского искажалось. Себастиан поджал ноги и погладил себя по щеке. Симон замер, он уже не слышал собственного дыхания. Он уставился на здоровенные руки полицейского и думал о том, что эти руки могут делать. Они могут ломать деревья и дробить камни.

— Суй туда всю руку!

Лицо Юлии вытянулось.

— Тебе больно? — спросил полицейский.

— Немного, — прошептала Юлия.

— Похоже, тебе это нравится. Суй руку туда и обратно, вот так, еще! Хорошо, Юлия.

Себастиан закашлял, но, когда полицейский взглянул на него, перестал. Симон посмотрел на сильные пальцы полицейского. Ему захотелось, чтобы тот стал делать ими какие-то таинственные знаки в воздухе. «Почему он не движется? Почему не чертит таинственные знаки? Ведь он — злой бог. Он властвует над людьми и животными, над сушей и морем», — думал Симон. У него было муторно в груди, в животе, он был больше не в силах лежать неподвижно. Лицо под светлой гривой волос заставляло трепетать все тело Симона. Хотелось дрыгать ногами, махать руками в

воздухе. Симон прижался щекой к гипсовой панели, чтобы немного отдохнуть, и закрыл глаза. Он стал думать про мел, про грифельную доску, про школу. Он думал про изображения астероидов в книжке Сары. Он крепко зажмурил глаза и стал вспоминать астероид-243, Иду. На картинке Ида походила на скорчившегося человека, лежащего в полотняном мешке. Он это отчетливо видел, различал голову и согнутую спину в полотняном мешке. Некоторые углубления в теле астероида походили на дырки в коже, но Симону казалось, что они делали Иду еще красивее. Ида плавала в темной, бесконечной Вселенной. Она лежала и спала в полотняном мешке. Снова щелкнула камера. Симон открыл глаза и посмотрел в комнату под ним. Юлия все еще лежала на полу, от света ламп она вспотела. Себастиан стоял в углу и смотрел на нее. Под мышками у него расползлись круги пота. Полицейский был недоволен. Вот он отошел от камеры. Симон посмотрел на его худое лицо. Глаза полицейского были устремлены на потолок. Прямо на Симона. В радужной оболочке горели злые огоньки, и внезапно Симону показалось, что полицейский видит его. Но полицейский повернул голову в другую сторону, сжал переносицу большим и указательным пальцами

и застонал. Себастиан оторвал взгляд от Юлии и с беспокойством посмотрел на полицейского. Симон услышал тяжелое дыхание стоящего внизу человека.

Сделай что-нибудь, скажи что-нибудь, мямля, трус. Крикни ему: «Я здесь, попробуй поймай меня!..»

Эта мысль сверлила ему голову. Но Симон не сдвинулся с места Тело онемело и стало бесчувственным, словно полицейский приказал ему не двигаться. Он лежал неподвижно и смотрел на лицо человека внизу, под ним. Полицейский снова пошел к камере, он вдруг начал двигаться как-то неуклюже, как будто с трудом, словно какие-то новые идеи оказали влияние на его мускулы.

— Последний раз!

Симон не понял, прозвучала в его голосе ярость или надежда.

— Представь себе, ты была одна в пустыне целый год. Ты целый год не видела ни одного мужчины. Больше года в тебе не был член. Тебе до того охота, что ты сходишь с ума.

Юлия взглянула на него и сделала какое-то странное движение на полу. Полицейский замер за штативом. Потом он отодвинул штатив и на-

чал ходить взад и вперед перед Юлией. Подошвы его ботинок царапали бетонный пол. Один шнурок развязался и тащился за ботинком по полу. Шагая взад и вперед, он как-то-нараспев стонал. Вдруг остановился и наклонился над Юлией, посмотрел на ее мокрую руку. Потом его взгляд скользнул по ее животу, груди и вспотевшему лицу, полицейский посмотрел ей прямо в глаза и снова застонал. Юлия закрыла глаза. Симон тоже закрыл глаза. Он хотел пошевелиться, но не смог. Полицейский вынул из кармана платок, быстро обернул им запястье и ударил ее по лицу. Это произошло так быстро, что она не успела защититься. Она ударилась головой о пол. Наступила тишина. Полицейский издал стон.

Юлия схватилась за челюсть, взглянула на него, снова закрыла глаза и заплакала. Полицейский постоял, посмотрел на нее и опять ударил ее кулаком, обернутым платком. Изо рта у нее потекла кровь, но она уже не плакала, только дрожала Полицейский смотрел на ее красное лицо. Позади него Себастиан закашлялся, словно задыхаясь. Он встал со стула, потом снова сел. Полицейский застонал. Он смотрел на рыжую голову. Потом достал револьвер, помахал им перед лицом Юлии и ударил ее по лицу револьвером. Что-то тяжелое

легло на Симона и прижало его к гипсовой панели. У него не было сил пошевелиться. Он хотел посмотреть на Сару, но был не в силах поднять глаза. Полицейский вернулся к камере.

— А теперь мы сделаем несколько хороших снимков, — прошептал он.

Себастиан встал, потом сел и закрыл лицо руками.

Симон закрыл глаза и тяжело задышал. Ему было дурно. Казалось, будто плита под ним рухнула. Он хотел замахать руками, чтобы как-нибудь удержаться, но не мог пошевелиться и тихо проплыл по воздуху. «Словно падаешь в воду», — подумал он.

Его окружала темнота.

«Сейчас я упаду на пол», — подумал он, но упал не на пол.

Секунда, и он почувствовал, что оказался в космосе и свободно парит между астероидами.

Вокруг было холодно. Он медленно проплыл между облаками пыли, поднял голову и увидел солнце. И тут только заметил, что ему больше не холодно. Ослепленный светом, он летел все быстрее в сторону обжигающего диска. Свет поглотил его. Все вокруг было белым-бело. Все застыло. Симон стоял у стены с пистолетом в руке. Это был

водяной пистолет. Он смотрел вниз. Сара лежала на полу. Она взглянула на него и заплакала. Он посмотрел на пистолет. «Почему ты плачешь?» — прошептал он. Она покачала головой. «Не плачь, не плачь. Слышишь?» Он нажал курок, и струя воды полилась ей на ноги. «Не надо! Пожалуйста, не надо! Позволь мне уйти!» Он подошел к ней вплотную и снова нажал курок. Сара извивалась на полу. Он прицелился ей в живот и снова нажал курок. Она дрожала всем телом, и ее глаза потемнели от страха.

Он вздрогнул всем телом и проснулся. У него на затылке лежала ее теплая рука.

— Проснись, Симон!

Лицо Симона изменилось. Оно сморщилось и походило на засохшее яблоко. Он слегка приподнялся с гипсовой плиты. Щеки у нее были мокрые. Она беззвучно плакала. Первый раз Симон видел, как она плачет. Он пытался вспомнить, почему она плачет, но не вспомнил. Ему хотелось сказать, чтобы она перестала, но голос его не слушался. Он закашлялся.

— Они ушли?

Он не мог хорошенько разглядеть в темноте ее лицо.

— Они взяли ее с собой.

Он придвинулся к ней. Лицо Сары подергивалось.

— Что они сделали?

Она не ответила. Симон положил руку ей на колено:

— Что они сделали?

Сара всхлипывала.

— Она больше не шевелилась. Они унесли ее. В мешке.

Симон посмотрел на сморщенное лицо Сары. Он не мог поверить. Они не могли убить ее. Он приник к щели. В комнате под ними было темно. Посредине стояли штатив и камера. На бетонном полу он различил пятно крови. Симон посмотрел на свои руки. Теперь он почувствовал, что дрожит. Сара снова начала всхлипывать. Ему захотелось уйти отсюда. Вместе они отодвинули в сторону гипсовую панель. Сара прыгнула вниз и упала навзничь. Лежа на полу, она схватилась за лодыжку. Симон тоже прыгнул. Он наклонился над ней:

— Тебе больно?

Она не ответила. Они сидели и смотрели на кровавое пятно. «Я должен что-то сделать, — думал Симон. — *Почему ты ничего не сделал, трус, почему ничего не сказал?*» Он понимал,

что должен что-нибудь предпринять, хотя не знал, что именно. Он встал на ноги. Взглянул на стул Себастиана. На камеру и штатив. Сара издавала какие-то странные звуки. Ему хотелось, чтобы она перестала всхлипывать. Он подошел к штативу и посмотрел на камеру. Полицейский дотрагивался до нее очень осторожно. Симон положил руку на блестящий аппарат. На линзе было написано: «Хассельблад». Он осторожно покрутил линзу. На полу хныкала Сара. Потом она встала и невнятно спросила:

— Что ты делаешь?

Не ответив, он продолжал смотреть на аппарат, потом провел рукой по крышке. *Трус.* На оборотной стороне была наклейка: «Релекс. Фото». Он снял камеру со штатива.

— Что ты делаешь?

Симон перевернул аппарат. Крышка открылась со щелчком. Он вынул пленку, зажат ее в руке, закрыл крышку и поставил камеру на штатив.

Сара снова начала плакать.

Он погладил ее по голове и, почувствовав, что она дрожит, прижал к себе.

— Мы должны подвинуть плиту на место, — сказал он твердым голосом взрослого мужчины.

Симон влез на стул и задвинул назад пли ту.

Теперь никто не заметит, что они были здесь.

— Идем!

Он помог Саре забраться на подоконник. Она пролезла в открытое окно. Симон вылез вслед за ней. Оконный проем был тесный и влажный. Совсем стемнело. Фонари здесь, похоже, никогда не зажигали. Сначала Сара полезла вверх по пожарной лестнице со стороны улицы. И тут он услышал, как подкатил автомобиль. Симон поднял глаза и увидел за рулем белого автомобиля лицо полицейского. Симон замер. Полицейский распахнул дверцу. В конце улицы была гавань с контейнерами, грузовыми судами и похожими на бараки конторами экспедиционных фирм. В противоположную сторону улица вела к возвышенности, на которой стояли универмаг, кинотеатр и заброшенная библиотека. Полицейский медленно поднялся с сиденья и наклонился над дверцей автомобиля. Он открыл рот, словно хотел что-то сказать Симону, но звуки превратились в улыбку. Симон помчался вверх по улице, прочь от гавани. Он слышал, как за ним, хромая, бежала Сара. Он сжал в руке пленку. Вот он услышал, как хлопнула дверца машины. «Он гонится за мной, — он усмехнулся, — значит, обо всем догадался», — думал Симон, и его мысли

неслись наперегонки с ногами. Он завернул за угол у входа в старую библиотеку. Он не оборачивался, все бежал и бежал, сжимая в руке пленку, боясь уронить ее, и, не оглядываясь, ворвался в библиотеку.

У каменной лестницы Симон приостановился. Он знал, что одно из окон было разбито. Потом влез в разбитое окно и вошел в вестибюль. На задней лестнице, ведущей в читальный зал, было совсем темно, и человеку, который здесь не ориентировался, было опасно врываться в библиотеку. Вверх бегом, перепрыгивая через две ступеньки! Наверх в читальный зал. Ничего не слышно. Симон был уверен, что полицейский явится сюда. Наверняка. Он постоял в темноте, прислушиваясь к шагам или голосу полицейского.

Ни звука. И тут он подумал о Саре. О ее вывихнутой лодыжке. О полицейском в машине. Он подошел к лестнице и прислушался. Из противоположного конца комнаты донесся какой-то царапающий звук. Он мгновенно сунул пленку в карман брюк и что было сил помчался между стеллажами. Внезапно он понял, что не знает, где находится, но продолжал бежать в темноте. Добежав до конца читального зала, он заметил

дверь лифта, повернулся и побежал туда. Наступая на лежащие на полу книги, Симон подумал: «Если я буду бежать быстро, то не споткнусь». Упал, ударился головой о каменный пол и потерял сознание.

Мать стояла над ним.

— Где Сара?

Симон понял, что он в Одере, на Маркусгатен, в своей комнате. Но он не помнил, как очутился здесь, в своей постели, и не знал, почему тело у него такое тяжелое.

— Симон, где Сара?

Он не знал.

— Тут какие-то люди хотят с тобой поговорить.

— Какие люди?

— Двое из полиции.

— Где Сара? — пробормотал он.

У него пересохло во рту.

Мать нагнулась и посмотрела на него печальными глазами. Она положила ладонь ему на лоб:

— Попытайся вспомнить.

— Я не помню.

Он перевел взгляд с матери на стоящих в дверях мужчин. Они уставились на него. Их лица походили на бумажные маски. Симон закрыл глаза. Он решил никогда больше ни с кем не

разговаривать.

В этот вечер он смотрел телепередачи. Тетя Элена, Вероника и Симон сидели в темной гостиной. Экран телевизора светился. Тетя Элена поднялась и пошла в кухню. Вероника обняла Симона за плечи. Он снял с плеча ее руку. Экран телевизора освещал трещинки на потолке. Вероника окликнула его. Он посмотрел на нее и закрыл глаза. Она встала, потом снова села. Зазвучала радостная мелодия новостей. Вошла тетя Элена с подносом, она принесла печенье, чай и вазочку с орехами. Она произнесла его имя, а он улыбнулся ей такой улыбкой, будто держал в зубах нож.

— Он не хочет разговаривать, — сказала Вероника.

— Ничего, — произнес рот Элены.

Он смотрел на телекомментатора, на репортажи, но не слышал, о чем шла речь. Вероника налила чай, он стал пить, и вдруг ему захотелось смеяться или плакать. Он набил рот орехами. И туг на экране показалось знакомое лицо. Полицейский из фотостудии Себастиана. Его лицо было словно приклеено к экрану. Симон уставился на белобрысую гриву, не смея отвести глаз от телевизора. Полицейского звали Петер Фем. Он говорил о сотрудничестве с местной полицией.

Восхвалял шефа полиции. Загорелый Петер Фем. Он улыбнулся с довольным видом. Симон уставился в его серые глаза.

— Я люблю Одер, — сказал он.

Телеведущая улыбнулась и сообщила, что Петер Фем уже возвращается на работу в П.

Симон сильно зажмурился, и лицо полицейского исчезло.

Привет, трусишка. Привет. Между прочим, вся твоя семья трусливая. Ты так и не сумел ничего сделать. Please, please. Ты маленький трусливый засранец. Это ты виноват во всем. А знаешь почему? Нет, не знаешь. Почему ты ничего не сказал? Я не знаю. Please. Что я мог сказать? Неважно. Ты и пискнуть не осмелился. Ты трус. Ты должен был что-нибудь сказать. Да. Если бы не ты, этого не случилось бы. Если бы не ты, Юлия загорала бы сегодня в парке. А ты и Сара играли бы в своем домике на болоте. Это твоя вина. Все дело в тебе. Ты во всем виноват.

Теперь он знал: все дело в этой усмешке. Полицейский открыл рот, чтобы что-то сказать, а вышла лишь усмешка. Симон этого не понял. А

надо было понять. Усмешка была злая и коварная. Усмешка говорила о том, что он все знает. Когда Симон бросился бежать, полицейский стоял, облокотясь на дверцу машины, и усмехался. Симон зажал пленку в кулаке и бросился прочь изо всех сил. Но чем дальше он бежал, тем меньше оставалось надежды на спасение. Он попался на эту хитрую ухмылку, это была западня. Полицейский открыл рот и сожрал его сердце. Полицейский облокотился на автомобильную дверцу. Симон представил себе эту позу. Теперь он понял. Полицейский и не думал гнаться за ним. Он снял руку с дверцы машины и отошел на несколько шагов. Она вывихнула ногу и не смогла пошевелиться. Полицейский опустился на корточки и осмотрел ее ногу. — «Тебе больно?» — спросил он уныло. Сара не смогла ответить, она закашлялась. «Идем, — сказал он, — я отвезу тебя домой».

В голове у Симона было тихо-тихо. И он знал: эта тишина никогда не исчезнет.

Он сидел под выдвижной конторкой, зажав голову коленями. Симон превратился во что-то ужасно маленькое. Он закрыл глаза.

Он думал о Супер-Дуде. О лице Супер-Дуде. Лицо Супер-Дуде никогда не менялось, не выдавало никаких чувств. На самом деле лицо Супер-Дуде

было просто кругом. Когда кто-нибудь стрелял в него, он таращил глаза, но не сильно.

Симон не хотел ничего слышать. Ни писклявый голос матери, ни бормотание полицейских.

Под письменным столом было совсем тихо. Здесь ничто не шевелилось.

Когда он встал, его лицо стало круглым. Когда мать сказала ему, что Сара исчезла, его лицо было круглым, как мишень. Она повторяла это снова и снова, но Симон думал только о Супер-Дуде. Его губы лишь слегка дрогнули, но он не сказал ни слова.

Они ехали по темным улицам.

— Тебе все еще больно? — спросил он.

Она кивнула, застонала и постаралась не заплакать.

— Я помогу тебе.

Он посмотрел на ее лодыжку.

— Тебе нужна помощь хорошего врача. Но в Одере хороших врачей нет, — сказал полицейский, пожав плечами, — я люблю Одер, но на местных врачей положиться не могу.

— Я хочу домой, — простонала Сара.

Так оно и было, Симон это знал. Полицейский постоял и подождал, когда Симон скроется из виду. Потом подошел к Саре, хитро ухмыляясь.

Они поехали по улицам в белой машине.

— В этом городе врачи неважнецкие. Я отвезу тебя к знакомому врачу, — ухмыльнулся полицейский, крепко вцепившись в баранку.

Его руки могли дробить камень. Он газанул и помчался по улице в отблесках света ночного неба. И теперь она в стране П. Он увез ее, и она никогда не вернется.

Он встал ночью и пошел в спальню Вероники. Стоя у ее кровати, он посмотрел на лицо матери. В темноте оно казалось таким маленьким. Время от времени она открывала рот, словно хотела что-то сказать, но тут же снова закрывала. Он наклонился над ее лицом.

— Это я виноват, — прошептал он.

Вероника повернулась к нему. Она улыбалась во сне.

— Мама.

Ее ресницы дрогнули.

— Я должен найти Сару. Потому что я во всем виноват.

Вероника снова открыла рот. Он посмотрел в него. Язык был обложен белым. Она облизала губы. Закрыла рот, потом снова открыла. Она тяжело дышала.

Симон пошел назад в старую библиотеку и стал искать ее во всех комнатах. Он был уверен, что найдет ее где-нибудь между книг. Он ползал на четвереньках, искал заколки, обломок ногтя, волосинку, хоть какой-нибудь след. Но не нашел ничего. *Что, по-твоему, стал бы делать Супер-Дуде?* Симон спустился по лестнице. Стал искать в кустах вокруг библиотеки. Поцарапался о ветку, рыл землю ногтями. Но так ничего и не нашел. Он ходил в библиотеку каждый день. Искал во всех уголках, бродил по всем лестницам. По вечерам он отправлялся в гавань. Прокрадывался между контейнерами, заглядывал в мусорные ящики. Заглядывал в окна экспедиционных фирм. С моря дул сырой ветер. У причалов было холодно. Он увидел корабль с флагом страны П. Стоял и смотрел на корабль. Но Сару он так и не нашел.

Он отправился в дом на болоте. Быстро проплыл по асфальтовой реке. Пробежал мимо фасадов магазинов, запыхался, поднявшись на вершину холма. Оттуда посмотрел вниз на гравиевую дорогу и на две старые сосны за поворотом и пошел медленнее. Дом казался пустым. Симон заглянул в почтовый ящик. На нем белели буквы: «Бивур». Подошел к дому и распахнул ногой дверь. Вокруг вазочки с сахаром, жужжа, летали две мухи. От

дождя сахар превратился в слипшиеся комки. Мух надо было убить. Он стал бегать за ними с мокрой газетой, ударился о ножку стола, упал и скорчился на полу. Прошлой зимой на полу лежал снег. Нынче он заделал крышу. Но капли дождя проникали между досками. Он поднялся и пошел на болото. Сара любила смотреть на звезды. И любила читать в детских книжках истории про ученых. Про Эйнштейна, про Марию Кюри. Отец Сары тоже был ученым. Время от времени Себастиан заставлял Сару делать то, что она не хотела. Он заставлял Сару красить ванную. Она нарочно пачкала ванну. Себастиан заставлял ее оттирать ванну скипидаром. Изо рта у нее пахло яблоками, а от рук — скипидаром. Она любила смотреть на звезды, читать книжки про ученых, ей нравилось воображать себя кем-то другим… Он не мог больше думать об этом. О чем бы стал думать на его месте Супер-Дуде? Искать след, след.

Он снова пошел в гавань. Стертые ноги болели. Он сел на лестницу перед входом в какую-то экспедиционную контору и снял сапоги. На холодном воздухе от его ног пошел парок. Симон закрыл глаза и представил себе, что у него в голове горит и мигает лампа. Почувствовав запах табака, он открыл глаза. Перед ним стоял человек

в клетчатой рубашке. Человек усмехнулся:

— Что ты здесь делаешь, мальчик?

— Отдыхаю.

— Ты долго шел? — Человек широко ухмыльнулся, и его челюсти дрогнули.

— Довольно долго.

Симон поднялся на ноги. Позади человека в клетчатой рубашке, от которого несло табаком и потом, он увидел корабль, разглядел название и флаг П., страны Петера Фема. Симон взглянул на лицо пропахшего табаком человека. Вокруг глаз у него были темные круги.

— Куда он пойдет?

— Корабль? — Человек повернулся и внимательно посмотрел на корабль. — Хм. Да он возит товары туда-сюда. Экспортирует, ясно? Крутые штучки. Несколько контейнеров разгружает здесь, остальные — в других портах. У него рейс длинный. Из порта в порт, от причала к причалу… А потом домой. — Человек в клетчатой рубашке повернулся и посмотрел на Симона: — А теперь, сделай милость, пропусти.

Симон встал, позволив человеку войти в дом. Постоял, разглядывая корабль.

Он искал еще неделю, а потом устал. Теперь он лежал на кровати и дул в потолок. Струя воздуха

заставляла медленно кружиться свисавшую с потолка модель маленького самолетика. Стоило ему перестать дуть, как он начинал думать о том, о чем ему вовсе думать не хотелось.

Тетя Элена сказала, что в глазах таится целый мир. В глазах полицейского тоже был целый мир. Под радужной оболочкой плавал целый мир света. Глаза у него сверкали.

Ему не хотелось смотреть в глаза полицейскому, но они как магнит притягивали его внимание. Он попытался думать о Супер-Дуде. Что стал бы делать Супер-Дуде? Супер-Дуде прикончил бы его, сделал слепым, чтобы полицейский никогда не смог фотографировать. Он погасил бы этот свет в глазах полицейского. Погасил бы его. Сделал его слепым. Погасил бы этот свет.

А пока что Симон лежал в постели, уставясь на самолетик, и пытался не думать об этом свете в глазах, который скоро погаснет. Он не мог ни читать, ни есть.

Мать Сары приходила к ним несколько раз. Она сидела и смотрела на него. Вероника рассказала ей, что, когда они играли в библиотеке, он упал и сильно ударился.

— Он не помнит ничего о Саре, не помнит, что с ней случилось, — сказала Вероника.

Но мать Сары продолжала сидеть и смотреть на него. Она то и дело твердила:

— Почему ты не хочешь говорить со мной, Симон?

Он мотал головой.

— Он ни с кем не разговаривает. С тех пор как пропала Сара, не произнес ни слова. Я не могу заставлять его, — объясняла Вероника.

Стоя на пороге, мать Сары с кислой миной продолжала смотреть на него.

— Неужели ты не можешь рассказать мне, что случилось?

Она таращилась на него, потом начинала плакать. Симон закрывал глаза. Пытался не слушать, как она плачет. Вдруг он почувствовал, как на него пахнуло сигарой, и открыл глаза. Перед ним было лицо Себастиана. От его одежды несло кислым запахом сигары. На отвороте пиджака красовалась золотая булавка. Симон попытался прочитать буквы на булавке, но они были слишком мелкие. Голос Себастиана был злой, но Симон не слушал его, он смотрел на золотую булавку и думал: Себастиан наверняка знает, что ему все известно. Может, он знает и про пленку. Но он никогда не расскажет Себастиану, что пленка спрятана в старом телевизоре в их тайном доми-

ке на болоте.

Тетя Элена вошла в комнату, села на край постели, наклонилась над Симоном и поцеловала его. Она заявила, что он ни в чем не виноват. Он не ответил. Она добавила, что он должен думать о чем-нибудь другом.

— Сара вернется, — сказала она.

Симон покачал головой.

— В детстве я не раз убегала, — продолжала тетя Элена, — когда мне было девять, я решила убежать в Австралию. Упаковала одежду в пластиковый мешок и ушла ночью из дому. Но я настолько устала, что глаза у меня закрывались сами собой. Я дошла до парка и села на скамейку отдохнуть. И проснулась оттого, что рядом стоял отец и смеялся. Я до того рассердилась, что чуть не лопнула.

Симон улыбнулся.

Тете Элене понадобилось масло, чтобы испечь торт. И через несколько минут Симон потопал в лавку. Над горным хребтом нависли черные тучи. «На болоте идет дождь», — подумал он и вспомнил, что заделал досками дыру в крыше. Дело было после полудня, в лавке толпились хозяйки, и ему пришлось постоять в очереди.

Войдя в полутемный подъезд с маслом под

мышкой, он вдруг замер, почувствовав знакомый кислый запах. Ему показалось, будто он перестал узнавать самого себя. Он не знал, в чем дело, но чувствовал: что-то изменилось. Дело было не в запахе, не в цвете и формах предметов, не в лицах людей. Казалось, все походило на прежнее. И в то же время все изменилось. «Я очнулся в параллельном мире», — подумал он. Внешне все оставалось прежним — город, двор, семья. Но за формами вещей и лицами людей, за их спокойными голосами скрывался другой мир, и в этом мире тетя Элена никак не могла понять, что случилось с Сарой, она думала, что все в порядке, что с ней не стряслось ничего плохого. «Ясное дело, прожив пятьдесят лет, она видит все таким, как раньше, — думал он, — моя Сара просто убежала и скоро вернется». Когда ему будет столько лет, он тоже будет верить, что все остается таким, каким было. Он открыл дверь на лестницу и стал медленно подниматься. Он будет есть торт тети Элены и думать о том, что должен сделать…

На площадке первого этажа сидел Себастиан.

— Привет, Симон.

Симон обернулся и хотел убежать, но Себастиан схватил его за пиджак и притянул к себе.

— Садись!

Симон вертел в руках пакет с маслом.

Себастиан, ухмыляясь, положил руку ему на плечо:

— Так ты не можешь вымолвить ни словечка?

Симон помотал головой.

— Ах, будь любезен, поведай мне, почему ты не хочешь ничего рассказать?

Симон тупо уставился в пустоту.

В одно мгновение он оказался лежащим на полу. Себастиан навалился на него и сжал пальцами горло. Симон пытался сделать глоток.

— Я знаю, что тебе все известно. — Лицо Себастиана налилось кровью от гнева. — Задушу, если ты мне все не выложишь.

Белые и фиолетовые точки перед глазами…

Здоровенные руки.

— Задушу тебя, маленький засранец!

Выше этажом распахнулась дверь.

— Симон, это ты? — раздался голос тети Элены. — Мне нужно масло.

Симон уставился на пакет с маслом, лежащий на площадке.

Себастиан разжал руки.

— На этот раз тебе повезло, пащенок, — прошептал он и поднялся на ноги. — Завтра ты спустишься и расскажешь мне все.

В эту ночь он не спал, ему представлялись разные картины. В доме без крыши на полу лежала Сара. Полицейский, Петер Фем, стоял над ней и что-то говорил.

Его слов Симон не расслышал. Петер взял нож и стал махать им перед ней, проделывать всякие фокусы. Сара лежала на полу и смеялась.

Симон встал с постели, пошел в ванную и ополоснул лицо горячей водой, ошпаренная кожа заныла. «Не хочу больше думать о полицейском и ножах, — сказал он себе, — хочу думать о Саре и о том, что с ней случилось, не хочу думать о Себастиане, который убьет меня». Он посмотрелся в зеркало. И его губы беззвучно прошептали слова:

— Убегу. Убегу, убегу.

Странное слово.

Он посмотрел в зеркало на свои губы.

Было пять утра.

Он пошел в кухню и сделал несколько бутербродов в дорогу. Уложил в мешок продукты, термос и плед. Потом вошел в спальню к спящей Веронике. Нагнулся над ней, посмотрел на ее лицо, на рот, веки и влажные щеки. Ему хотелось обнять ее, но он боялся, что она проснется. Тогда у него не хватит храбрости.

— Скоро увидимся, — прошептал он и улыб-

нулся ей.

Он пошел быстрым шагом по гравиевой дороге к дому на болоте. На обратном пути он сжимал в руке пленку и оглядывался по сторонам, как детектив. Места, освещенные желтым светом фонарей, он старался проходить быстрее и прятался от проносящихся мимо машин. Добравшись до гавани, Симон улегся под мокрый брезент рядом с пристанью, к которой был причален корабль «Перформа», с флагом страны П.

Пока из брюха корабля выгружали контейнеры, он следил за командой, за тем, как они работают. Час спустя матросы сошли на берег и направились в какой-то маленький барак. На вахте остался молодой парень. Он спал сидя, зажав в пальцах горящую сигарету. Симон поднялся, на цыпочках пробежал по причалу шмыгнув мимо спящего вахтенного, и пробрался в брюхо корабля, вскарабкался на контейнер, открыл крышку и влез в него. Там валялась кипа журналов с фотографиями голых женщин с высунутыми языками и мужчин без волос. Корабль отчалил от пристани, а он барахтался на этих журналах. Море качало судно, журналы скользили по контейнеру, прилипали к Симону, наваливались на него. Он кое-как добрался до крышки и открыл ее, решив,

что лучше спать на голом полу. С пледом и термосом под мышкой, Симон спрыгнул с контейнера и нашел местечко в углу. Потом он обнаружил углубление в стенке и устроился за ящиком с деталями машин, и этот закуток защищал его от лютого холода, поднимающегося с пола.

Он думал о Саре, о ее щеках, пахнущих яблоками губах, закрытых глазах. Он продолжал лежать между контейнерами в трюме грузового судна, курсирующего посреди Северного моря. Корабль медленно покачивался. Стоял холодный январь, Симон три раза обмотался пледом, но все равно продрог. Он мерз и думал о Саре. Никогда еще она не возникала перед ним так отчетливо.

Их двор, засохшая груша, скамейка, велосипедный штатив, темные окна, солнце, скользящее над крышей, солнечный свет, падающий на ее лицо, вот она закрывает глаза…

Все это он видел так ясно, словно перед ним разложили целую серию фотографий и словно все залито солнечным светом.

Он не знал, что случилось с Сарой. Он не хотел об этом думать. Но собирался написать ей письмо, когда окажется в чужой стране.

Лежать на стальном полу большого корабля было холодно. Разумеется, в двенадцать лет он

не мог привыкнуть лежать на стальном полу. Время от времени раздавался скрип лестницы, звучали чьи-то голоса. Иногда ему даже казалось, что он слышит, как шумит море и как хлещет по палубе дождь. Но в первую ночь никто не пришел и не побеспокоил его, никто его не арестовал. Море под кораблем было спокойно. До него донесся отдаленный шум города: рев машин, крики. Корабль входил в порт. В конце палубы открылись паромные ворота. Симон скорчился. Закрыл глаза. Он слышал голоса, рев машин, скрежет металла. Когда наконец все стихло, он открыл глаза. Вокруг было темно. Контейнеры исчезли. В трюме было пусто. Он надеялся, что пройдет не меньше суток, прежде чем его обнаружат, ведь тогда они не смогут узнать, когда и где именно он пробрался на борт. Он знал, что граница страны, куда он направляется, закрыта, и, если они поймут, откуда он, его вернут домой с первым самолетом. А он надеялся, что корабль возвращается в П.

Симон лежал в маленьком закутке и обдумывал план, что он будет делать в чужой стране. Он найдет полицейского и освободит Сару. Симон закрыл глаза и представил себе бурное темное море. Где-то далеко маячил берег страны П.

4

Многие считают, что дети ни в чем не разбираются. Например, не понимают, что такое любовь. Не стану ничего говорить, но мои глаза замечают иногда то, чего другие не видят.

Знаю, письмо должно начинаться не с этих слов.

Письмо должно начинаться словами: «Дорогая, привет! Как ты поживаешь? Хорошо или нет?»

Милая Сара, привет, где ты?

Я не знаю, где ты, но скоро найду тебя и отдам это письмо, чтобы ты прочла его. Я не знаю, где ты, и потому не могу послать его. Но мне хочется написать тебе, и скоро я найду тебя.

Когда ты исчезла из дому, я не хотел ни с кем говорить, ничего никому не сказал, а после убежал. Себастиан пригрозил задушить меня, если я не расскажу ему обо всем что знаю. Но я ничего не выдал этому гаду. Сначала я решил найти тебя. Я пробрался на борт корабля, который плывет в страну П., ведь мне тоже надо туда. Я убежал, чтобы найти тебя и Петера Фема и ослепить его. Сделаю его слепым, так и знай. Корабль всю ночь качало, я думал, что он перевернется и пойдет ко дну. Я лежал скорчившись между высокими

холодными контейнерами, красными от ржавчины. Я спал, просыпался и снова засыпал, под конец перестал понимать, утро это или вечер. Я проснулся и увидел двух человек в комбинезонах. Они нагнулись надо мной, от них пахло солеными огурцами. Они уставились на меня, вытянув и без того длинные рожи. Мне казалось, будто они стояли так целую вечность. Потом вдруг начали орать. Нагнулись надо мной и кричали, но я ничего не понял и тихонько заплакал. Потом повели меня по длиннющему стальному трапу. Мы пришли в каюту капитана, в красивой форме с золотыми и серебряными нашивками. Капитан долго молча смотрел на меня. Оба караульных стояли уставясь в пол, а капитан думал. Вдруг глаза его замигали, словно он собирался заплакать. Он стал ласково говорить со мной, но я не понял ни слова, а если бы и понял, то все равно ни словечка не сказал бы этим свистунам. Ты ведь знаешь, Сара, меня не так легко провести. Капитан моргал и показывал на какую-то комнату, вздыхал и ласково смотрел на меня. Дневальные отвели меня в комнату с большим телевизором. Они заспорили и стали вырывать друг у друга пульт, пока более сильный не победил. Сильный поглаживал и постукивал по этой штуке, а тот,

что послабее, смотрел на него с кислым видом. Но оба они ухмылялись и, видно, были довольны. Я сидел и смотрел на большущий экран, на котором одна голая женщина натирала другую маслом. А потом они лизали друг друга между ног, покуда не начали закатывать глаза и гримасничать. Меня чуть не стошнило, до того было противно на это глядеть.

Вахтенные как-то странно смотрели друг на друга и громко хохотали, они поворачивали мою голову к экрану и заставляли смотреть, как женщины играют с какой-то палкой и стонут и лица у них делаются все более странными. Потом они закончили возиться, легли рядом, начали спокойно гладить друг друга, и лица у них опять стали нормальные. Тот вахтенный, что посильнее, подошел к столу, положил пульт и выключил телевизор. Он сказал мне что-то и потрепал по голове. Другой ухмыльнулся, глядя мне в лицо, в углу рта у него выступила слюна.

Я не скучаю по своему городу. Я решил никогда не скучать по Одеру, не думать о маме и тете Элене. Буду думать про облака и камни, ведь облака и камни во всем мире одинаковые.

Когда меня нашли, грузовое судно было в островном фарватере, и они не могли избавиться от

меня, не зная, откуда я. Они так и не узнают! Я только улыбался и думал о полицейском, из-за которого я сбежал из дому, чтобы найти и ослепить его, о Петере Феме, повторяя про себя его имя — Петер Фем.

Страна П. похожа на многие другие страны, которые я видел по телевидению. Это остров, большущий, море видно не отовсюду. С корабля я разглядел темную бухту и гавань с кранами и контейнерами, автомобильную парковку и здание таможни. Позади порта высится белый город. Была зима, и на крышах лежал снег. С того места, где я стоял, казалось, что это город без людей. Окна темные, улицы пустые. Уличный светофор все время мигал. На одном доме я увидел флаг. На сильном ветру флаг развевался и скручивался вокруг флагштока. Между домами плавали снежные хлопья. Я стоял рядом с капитаном, а судно медленно ползло к пристани. И тут я увидел красный автомобиль. На крыше лежал снег. Он остановился возле таможни. Из машины вышел человек в белом пальто. Он протер глаза. Лишь теперь я заметил, что еще только раннее утро. Город спал под белыми крышами. В одном окне зажегся свет. Я подумал, может, в этой квартире живет мальчик, который любит вставать

очень рано и смотреть на корабли, ползущие к причалам.

Потом я пошел вместе с капитаном по коридорам, длинным-длинным. Когда мы подошли к трапу, я решил вернуться. Ведь я кое-что забыл: термос и плед. Не мог же я их оставить! Пришлось идти назад. Капитан ласково поглядел на меня и похлопал по спине. Словно догадался, о чем я думаю. Мы вернулись в его каюту, а там стоял человек из машины, припаркованной к таможне. Он больше не выглядел усталым. Человек говорил с капитаном бодрым голосом. Пальто тяжело висело у него на плечах. Он листал какие-то бумаги и вдруг бросил на меня быстрый взгляд.

Я устроился на заднем сиденье машины. Мы ехали по городу, на улицах было темно. Мужчина с бледным лицом стоял и ждал автобуса. В одном окне я увидел женщину с закрытыми глазами. Я устал. Ночью я мало спал, неудивительно, что веки у меня были тяжелые, — казалось, вот-вот упадут на щеки и свалятся с лица. Человек в белом пальто вел машину молча, его лицо напоминало мертвую звезду. На пальто у него красовалась бляха с надписью: «K-y-s-t-v-a-k-t-e-n»[13]. Стран-

[13] Примечания: 13
Береговая охрана *(норв.).*

ное имя. Я сидел и смотрел в окно, зная, что не должен засыпать.

Мы проехали мимо парка, и в парке я увидел собаку. Человек в белом пальто поглядел на меня в зеркало, глаза у него были злые.

Он остановил машину перед домом из стекла. В одном из окон я заметил медсестру, которая держала на руках грудного ребенка. Береговой охранник потащил меня через автомобильную парковку. Запихнул в лифт, мы поднялись на шестой этаж, и он вытащил меня из лифта.

Со мной стала говорить спокойным тоном медсестра. Я схватил ее за локоть. Знаешь, Сара, мне показалось, что я ни у кого не видел такого мягкого, нежного локтя. Медсестра улыбнулась, но я понял по ее лицу: ей не понравилось, что я держу ее за локоть. Она поморщилась. Тут же стоял врач и ждал. На руках у него были резиновые перчатки. Он повернулся и насмешливо посмотрел. Я хотел было убежать, но медсестра крепко схватила меня за руку. Врач притянул меня к себе за голову и заставил лечь на кровать. Потом он с довольным видом посветил мне в глаза карманным фонариком.

Врач ушел. Я остался один. Я лежал усталый на больничной кровати.

Кажется, я заснул.

Я лежал и смотрел в окно на низкое, серое небо. Шел снег. В комнату вошли незнакомые мужчина и женщина. Они что-то сказали. Мужчина показал мне мешочек с леденцами. Но я помотал головой. Они наверняка пришли из детской тюрьмы. «Не дам им заманить меня леденцами», — подумал я. У мужчины были кудрявые волосы, а женщина показалась мне красивой. Они наклонились надо мной, и я увидел у женщины на подбородке пятно. Я понадеялся, что они не мучат детей в этой тюрьме.

Дверь отворилась без звука. Мужчина и женщина пошли быстрым шагом, и их сапоги оставляли на снегу следы. Я оглянулся и посмотрел на больницу, которая торчала из снега, похожая на стеклянный шлем. Мужчина и женщина из детской тюрьмы были такие долговязые, что шли воткнув голову в небо. За несколько метров до автомобиля я остановился, почувствовав, что в левую кроссовку через дырку набился снег. Об этой стране я узнал лишь то, что иностранцам сюда приезжать не разрешается и что люди здесь все время улыбаются, а глаза у них серьезные.

Я поддал ногой слипшийся ком снега, и он покатился к машине, к мужчине и женщине. Они

оглянулись и мрачно посмотрели на меня.

Я поднял голову и увидел «слова». Ведь ты помнишь, Сара, что я называю «словами»?

Это был рекламный щит, а на нем много раз повторялось «слово», которое я ни разу не говорил. Ты знаешь, я никогда это «слово» не произносил. Я стоял вытаращив глаза и сказал им это. Между ног у них висели одиннадцать «слов». Одиннадцать человек стояли на снегу, на какой-то горе. Все они были голые, в лыжных ботинках и прикольных солнечных очках. Я посмотрел на их животы, на их светящиеся висящие «слова», их было одиннадцать. Я прочитал буквы, написанные у них на теле: Б-Е-Р-Е-Г-И-С-В-О-И-Г-Л-А-З-А.

Я поглядел на этот плакат, и мне захотелось, чтобы ты не попала на этот остров, Сара.

Женщина из детской тюрьмы уселась рядом со мной на заднем сиденье. Сиденье было плюшевое, удобное. Она не смотрела на меня, ее взгляд был неподвижным. У нее были высокие скулы и длинные уши. Воротник блузки касался мочек ушей. Я понял, что они пытаются обмануть меня. У мужчины тоже было «слово», но, к счастью, хорошо спрятанное. Руки он держал на баранке. Мы выехали из города. По пути я заметил здание, в котором было много окон. На здании красовалась

вывеска: «Телеком». В окнах я увидел, как наша машина скрылась в тени. На рекламном экране вдоль дороги я увидел огромное «слово» молодой женщины. Никогда не видел так много волос на «слове», не знал, что у женщин их так много. Я осторожно отвернулся от рекламы и посмотрел на женщину из детской тюрьмы. У нее были сонные глаза. «Может, это реклама», — подумал я, хотя не представлял, что же тут рекламировать. Женщина из детской тюрьмы сидела и смотрела на меняющийся пейзаж, она положила руки на колени и улыбалась в пустоту.

Я взглянул на светлые огни автострады, исчезающие за горным хребтом. «Повсюду показывают только голых», — подумал я и закрыл глаза.

Мужчина и женщина тихонько разговаривали. Я прислушивался к этому певучему языку. За окнами виднелись лишь белые поля, ни одной коровы. Только теперь я увидел хоть что-то красивое в стране П. В машине голоса взрослых превратились в шепот, я откинулся на спинку сиденья.

Холодный ветер пахнул мне в лицо, я проснулся и открыл глаза. Женщина сидела и смотрела на меня, зрачки ее глаз были похожи на маленькие дырки в земле. Дверца машины была распахнута.

Я повернулся и выглянул наружу, не понимая, где нахожусь. Я осторожно встал на снег.

Перед нами был трехэтажный каменный дом, на окнах стояли горящие свечи, видно для уюта. Но я знал, что это детская тюрьма. Мужчина поднялся с переднего сиденья и подошел ко мне, в руке он держал булавку с флажком страны П. Я попятился назад. В дырявую кроссовку набился снег. Он воткнул булавку в мой свитер, но боли я не почувствовал. Теперь этот флажок красовался у меня на груди. Взрослые засмеялись, не открывая рта.

Онникогдараныеневиделэлектрических-флажков.

Знаешь, Сара, они болтали так чудно, что я ничего не понимал, как ни старался.

Когда мы перешагнули через порог дома, заиграла музыка. Я остановился и уставился на стены. На стенах было много маленьких громкоговорителей, и из них звучала музыка. Вроде бы пела Пегги Ли[14], но голос ее доносился словно из компьютера. Я вспомнил, что мама любит Пегги Ли, она часто слушала Пегги Ли или Чета

[14] Примечания: 14

Пегги Ли (Peggy Lee), наст, имя Норма Долорес Эгстрём, вокалистка в знаменитом оркестре Бенни Гудмана, одна из суперзвезд на американской музыкальной сцене.

Бэйкера[15]. Мне Чет нравился больше, чем Пегги. Мы спустились вниз по коридору.

Здесь были красные ковры, красные стены и красный свет на потолке. На стене висели старые фотографии Памелы Андерсон[16] в позолоченных рамках. Я стал разглядывать их. Все они казались одинаковыми. Памела в купальнике улыбалась кому-то, кого не было на снимке. К ее шее прилипли песчинки. В конце коридора показалась дверь без ручки. Левый ботинок у меня совсем промок. Мы подошли к двери. Из стены выдвинулся экран. Я знал, что они пытаются обмануть меня. На экране я увидел женщину. Золотые волосы падали на ее «балкончики» и на светлое платье. Она сидела за письменным столом и улыбалась. Я думал, что они хотят превратить меня в кого-то, Сара, но не знал в кого. Она что-то говорила. Дверь открылась, и я услышал ту же мелодию Пегги Ли. За столом сидела дама с экрана. В комнате пахло духами, дама в светлом платье улыбалась глазами, что-то говорила мне,

---

[15] Примечания: 15

Чет Бэйкер (Chesney Henry Baker, или Chet, 1929–1988) — выдающийся американский джазовый музыкант, трубач и певец.

[16] Примечания: 16

Памела Андерсон (Pamela Anderson, род. п 1967) — американская фотомодель, киноактриса, секс-символ девяностых.

размахивая руками, и показала на диван. За ее письменным столом висела одна-единственная фотография Памелы — она лежала на полу ванной комнаты в пятнистом леопардовом наряде. Я решил, что эта женщина в светлом платье и есть главная в детской тюрьме. Я не шевельнулся. Не захотел подходить к ней. Мои ноги не хотели переступать через порог. Мужчина и женщина стали что-то ласково говорить. Но я не сдвинулся с места. Они надели перчатки и внесли меня в комнату. Мне хотелось кричать и драться, но я не шевелился. Сделал свое тело очень тяжелым. Они посадили меня на стул и ушли. Я остался один с этой, в светлом платье.

Боятьсявовсенечего.

Она говорила медленно, как-то вяло, ее губы двигались по кругу. Руки описывали в воздухе медленные круги. Она смеялась, и звуки этого смеха словно прижимали меня к спинке стула. Ее глаза тоже смеялись, и я не мог смотреть в них. Я уставился на лампу над ее головой и стал думать о телепрограмме, которую мы однажды с тобой видели. Помнишь, про страну П.? Фотограф говорил… Что он говорил? Я представляю его лицо… «*…Довольные покупатели, фотографии голых людей…*» — сказал он. Почему я не видел до-

вольных людей на улицах? Я пытался вспомнить телепрограмму, лицо человека, но не смог, ну да ладно. Это неважно. Я приехал сюда не для того. Я смотрел на лампу над лицом этой женщины. Не смотрел на ее губы. Я думал о Петере Феме, о линзе фотокамеры, которая вылезала из его лица. О его глазах, о том, как мне ослепить их.

Женщина в светлом платье встала, подошла ко мне, наклонилась надо мной. На меня пахнуло духами, и я прижался к спинке стула. А она сунула мне в лицо маленькую карточку. На карточке было написано: «Катрине Лю. ***Психолог***». Это слово я понял. Психолог кивнула. У нее было нежное лицо. Но мне не нравилось это нежное лицо и прищуренные глаза. Она поправила падающие на глаза волосы, нагнулась ближе ко мне и стала говорить на разных языках. На веках у нее были зеленые тени. Она поднесла два пальца к глазам и стала смотреть на меня в щель между ними, хитро улыбаясь. Губы у нее были красные, а зубы сияли, как фонари на автостраде. Она пыталась заворожить меня своим голосом. Но я не отвечал ей. Ясное дело, я знал, чего она добивалась. Хотела обманом заставить меня рассказать, откуда я приехал, и отослать назад. Но я решил, что никогда не буду говорить на своем языке в стране П. А уж

если я что решу, так и будет. Ты сама это знаешь.

Психолог ходила взад и вперед по комнате, но я не смотрел на ее бледную шею и «балкончики». Смотрел только на шрам у нее на виске. Она остановилась посреди комнаты, щелкнула пультом, и телеэкран выдвинулся из стены. Я увидел пляж, на котором лежала девчонка. Лег ей было скорее всего не так много. Худая, бледная. Она лежала с закрытыми глазами, при этом звучала суперслезливая музыка, солнце грело ее лицо, и кожа покраснела. Она положила руку на живот, и я услышал ее голос. «О-о-о! О-о-о!» — громко завыла она, и я повернулся к экрану спиной. Я примостился на краешке стула и смотрел в окно. «Только бы меня оставили в покое», — подумал я. На ветке за окном сидела серая кошка, она таращила на горушку большие зеленые глаза. Я подумал: правда ли, что кошки могут спать с открытыми глазами? Психолог наклонилась надо мной и сделала печальное лицо. Ее «балконы» почти касались моего плеча. Но я смотрел только на кошку на дереве и не обращал внимания на эту ведьму.

Психолог помрачнела, я подумал, что ей стало худо. Может, ей лучше было пойти домой, лечь и принять таблетку?

На другое утро ей точно будет лучше. Она выдвинула ящик, достала перчатки и подошла ко мне. Теперь она стояла за моей спиной. Это мне не нравилось. Больные люди могут делать странные вещи. На меня пахнуло запахом духов. Вдруг она схватила меня за плечи и начала тереть их. Я бросился на пол и стал брыкаться. А эта душительница стояла надо мной, размахивая в воздухе руками в перчатках, и делала вид, будто ничего не случилось. Мы прошли через зал, где перед киноэкраном стояло много стульев. Я закрыл глаза и подумал о том, какое синее небо у нас дома, и о том, как у меня однажды был сильный жар и мне казалось, что я вижу на потолке твое лицо. Мы вошли в лифт. «Меня повезут в подвал, где дети лежат и мерзнут в камерах, — подумал я, — может, наденут на ноги кандалы, как однажды надели Супер-Дуде». Психолог что-то напевала с закрытым ртом, а когда лифт остановился, молча вытолкнула меня в подвал. Здесь все было красное. Я не увидел ни тюремных камер, ни грязных тощих детей. Две медсестры с розовыми губами, улыбаясь, сказали: *«Приветприветпривет»*. Они схватили меня, а я вырывался, извиваясь. Мне был противен запах их одежды. Они заставили меня лечь на скамейку, связали ремнем руки

и ноги и положили на глаза какую-то металлическую штуковину, чтобы я не мог их видеть. Потом они сунули мою голову в ящик с разными картинками. Что было на этих слайдах, я тебе не скажу, Сара.

Картинки были не про Белоснежку и семь гномов. Я не помню точно, что было на этих слайдах, но иногда я просыпаюсь ночью и вспоминаю, что мне снились люди, которые лежали так близко друг к другу, что не могли дышать.

С приветом, С.

5

Привет, милая Сара.

Как ты поживаешь? Хорошо или нет?

Хочешь, я расскажу тебе еще кое-что, Сара? Ведь сейчас я узнал здесь больше обо всем.

Я тебе уже писал, что снаружи этот дом красный, что он стоит недалеко от дороги и окружен высоким забором. Но теперь я знаю, что он называется *Реабилитационный центр.* Здесь держат больше двадцати детей. В доме два флигеля: западный и восточный. Посредине — столовая. Женщина, которую называют *Хозяйка,* прикатывает вращающийся стол со здоровой пищей. На обед мы ели салат и хлеб с отрубями. Я уже

соскучился по пеклеванному хлебу и варенью тети Элены. Мы ели и смотрели телевизор. На ужин, была белая рыба, а по телевизору показывали женщину с мокрыми губами. В длинных коридорах находятся комнаты детей. На каждой двери — табличка с номером. На моей стоит номер семнадцать. Не знаю, счастливая эта цифра или нет. Я видел несколько детей в классе, на голове у них были серебряные шлемы, за ними следили женщины с табличками на груди. На табличках было написано: *Психолог, Терапевт, Медиапед.* При виде меня все женщины остановились, стали кивать, улыбаться и говорить на певучем языке. Но я-то знал: они просто-напросто хотят разоблачить меня, помешать выполнить мой план и выслать домой.

С тех пор как я убежал из дому, у меня творится что-то странное с глазами, они чешутся. Я тру их, но это не помогает.

Словно на моих глазах пляшут крохотные ножки. Кажется, это началось на корабле, надеюсь, скоро пройдет.

У всех взрослых глаза хитрые. Может, из-за воздуха или воды в Сандму, что значит «песчаная равнина». Не знаю, почему это место так называется, здесь ничего нет, кроме снега.

Я часто сижу у окна и смотрю на снег на равнине; на снег, который кружится над пустой дорогой; на снег, лежащий на крышах и на холмах, отчего кажется, будто все вокруг спит.

В доме много растений, вьющихся, с белыми цветами, орхидей и других растений из теплых стран, Сара. Психолог, Катрине Лю, показывала мне все в доме. Она то и дело останавливалась и записывала несколько слов в блокнот. «Сандму», — написала она и развела руками. Я сжал губы, чтобы не засмеяться. У нее был смешной вид. «Флаг», — написала она и показала на булавку с флажком. «Катрине», — сказала она и показала на свое сердце. Она, поди, думает, что я дурачок. В подвальном этаже есть бассейн. Она сняла с себя светлое платье, и я почувствовал запах ее кожи. Она пахла ванилью. Она прыгнула в бассейн, легла на спину и стала глубоко дышать, как большая рыба. Я стоял и смотрел на ее кожу, затем отвернулся. Она плавала с закрытыми глазами, пыхтела и фыркала, довольная, а потом запела песню Пегги Ли.

В первую ночь я попытался убежать.

Каждый раз, закрывая глаза, я видел лицо Петера Фема. Ты сидела у него на коленях, и он играл твоей юбкой. Прости, Сара, но мне показалось,

что он тебе нравится, ты целовала его глаза.

Я рассказываю тебе, что я видел, когда закрывал глаза в первый вечер. Поэтому я и решил убежать. Ты сама говорила, что мы не можем быть друзьями, если не будем по-честному рассказывать все друг другу. Потому-то я и пишу тебе обо всем.

Я лежал на кровати и озирался в темной комнате, которая теперь как будто моя. Кроме кровати здесь есть стул, письменный стол, окно и занавески с Памелой Андерсон. У изголовья кровати висит экран. Из комнаты персонала в конце коридора доносились звуки бурлящего в кофейнике кофе. Два ночных сторожа разговаривали и смеялись. Все стихло, я достал фотопленку из Одера. Когда я залез в контейнер, пленка была у меня во рту, и ни капитан, ни врачи, которые осматривали меня в больнице, ее не нашли. Правда, я хитро придумал? Ведь с пленкой во рту я никак не мог разговаривать. В щель между занавесками в комнату проникала тоненькая полоска света от фонаря за окном. Я лежал и просматривал пленку, прокручивая ее между пальцами. Я лежал, не шевелясь, хотел просмотреть все кадры.

В мыслях я представлял себе, что на самом деле ничего этого в Одере не случилось, мы с тобой вовсе не шпионили за Петером Фемом и не видели,

как он фотографировал.

Под конец я не мог больше думать об этом. Я встал с кровати и раздвинул занавески. За окном было темно. Я осмотрел окно. Мне повезло, Сара. На всех оконных крючках были замки, чтобы дети не могли убежать. Но средний ставень был приоткрыт. Я распахнул его. Мне захотелось улыбаться. На меня подул холодный ветер. Я был уверен, что Петер Фем живет в этом городе. Высоко в воздухе светил уличный фонарь. Сандму — это тюрьма. Но как просто убежать из нее, надо всего лишь открыть окно. Я оделся, натянул новые сапоги и залез на подоконник. И тут я вспомнил про электрический флажок, который мог заставить дом завестись, как машина. Я сорвал его и бросил на пол, спрыгнул на снег, пробежал по двору, перелез через забор и оказался на дороге. И только тут понял, как холодно. На бегу я почувствовал, что холод проникает в поры кожи, в кровь и течет с ней к голове. Мне не стоило здесь оставаться. Надо было добраться до города. Ведь я мог найти его только там. Лампы уличных фонарей показались мне похожими на лица. Они таращились на меня, может, кто-то сидел у экрана в Реабилитационном центре и все видел. Я думал лишь о том, как попасть в

город и найти его. Я бежал все быстрее и быстрее. Ни одна машина не проезжала мимо. Уличные фонари мигали. Может, они пытались предупредить меня о чем-то? Об опасности? Я остановился и посмотрел на фонари. Тут я заметил, что они мигают в такт. Это точно было предупреждение. Фонари говорили, что я умру, если побегу дальше. По этой дороге не проедет ни одна машина, снег будет падать все сильнее и засыплет меня, прижмет к земле. Я замерзну и умру. Я опустился на колени прямо в снег. Снежные хлопья слепили мне глаза. Холод леденил кожу. Под конец я поднялся и пошел назад к красному дому.

Прошлым утром я завтракал вместе с остальными в большой столовой. Там было не меньше двадцати детей. Все смотрели по сторонам, можно было подумать, что они не знают друг друга. В углу столовой стоит телевизор. Телекомментатор говорила о погоде на завтра, а сама была в купальнике. Она играла с мячом. Я ел йогурт с кусочками яблока. Ничего не говорил, просто смотрел в чашку. Мальчик, который сидел напротив, что-то шепнул мне. Я посмотрел на его бледное лицо и длинные моргающие ресницы, но ничего не понял.

В комнате меня ждали мужчина и женщина.

Мужчина воткнул в мой свитер электрический флажок, мы пошли по коридору с фотографиями Памелы Андерсон и остановились у кабинета психолога. Она сидела и улыбалась, показывая ровные зубы, и я не смог противиться. Она снова протянула мне свою карточку. Я взглянул на нее. Там было написано: «Катрине Лю. ***Психолог***».

Это была та же самая карточка, которую она показывала мне накануне.

Я посмотрел на лицо психолога. Может, она пыталась заигрывать со мной, не знаю, Сара. Но я не улыбнулся ей в ответ.

Весь день я провел в ее кабинете. Она болтала, сновала по комнате, просто из кожи лезла! Показала мне тот же самый фильм, и чуть погодя я услышал, как девчонка стонет: «О-о-о, о-о-о». Я взглянул на угол экрана и сделал вид, что улыбаюсь. Катрине Лю говорила со мной суперласково, но не подошла и не дотронулась до меня. Она сидела, без умолку болтала и пристально смотрела на меня. Никогда не отвечу ей, никогда. Ей наверняка хотелось закричать на меня. Но когда я взглянул ей в глаза, то понял, что она ни за что этого не сделает. Она не будет кричать, дергать меня за волосы или трясти за плечи. Я не собирался доводить ее до того, чтобы она стала драться.

Хотя я упрямо молчал и сидел не шевелясь, вовсе не жаждал увидеть, как психолог плачет.

С приветом, С.

6

Он лежал в маленькой комнате номер семнадцать, в западном флигеле Реабилитационного центра, в чужой стране, где все для него было незнакомым: свет, запахи, стены, простыня, обои, лица взрослых, их презрительные усмешки или безразличные взгляды детей. И все же он, лежа в этой комнате, на незнакомой простыне, ощущал во всем теле удивительный покой. Он лежал, скрестив руки на груди, уставившись в потолок. Его взгляд медленно обшаривал потолок, можно было подумать, что он размышляет, терпеливо обдумывает способы решения проблемы. Но он ни о чем не думал, ни о чем. Уже несколько недель, как он перестал думать. Он разбился на мелкие куски. И эти куски плавали, как метеоры, во Вселенной, но в самом центре этого круговорота гнездился большой покой, внутри которого мыслей не было. Там царила тишина. Это началось, когда он вошел в подъезд с пакетом масла под мышкой. Он остановился и огляделся. «Все не так, как было прежде. И я уже не тот, каким

был». И тогда он решил, что не позволит обманывать себя. «Они делают вид, будто я такой же, как раньше».

Он-то знал, что может перемещаться из одного мира в другой, а они этого вовсе не замечали и не говорили об этом ни слова. Но теперь ему это безразлично. Теперь он в другой стране, и какая-то частица его, какой-то кусок уже забыл Одер, и тетю Элену, и его красивую маму Веронику, и лучшую подругу Сару. Ему, разбитому на куски, это было безразлично. Куски обитали в другом пространстве.

Но когда он встал с постели, подошел к маленькому письменному столу и поглядел в окно на фонарь и снег, то тут же начал думать о человеке, которого должен найти и ослепить. Мысли сплелись в голове в комок, напряглись, и он начал с остервенением тереть глаза. Он не боялся этих мыслей, ножа и пары глаз. Эти мысли вспыхнули огнем, осветили его тело и всю комнату. Он чувствовал себя прекрасно, но мысли наполнили его и перелились через край.

Когда он сел на кровать, тело его снова начало болеть. Он встал, пошел в туалет помочиться. Постоял и посмотрел, как последние капли мочи падают с головки пениса в унитаз. И вдруг

ему в голову пришла мысль: «Я такой маленький, что непременно исчезну». Он стал ходить взад и вперед по комнате. «Я хочу домой, я хочу домой», — бормотал он. Он лег на кровать и заплакал. Чтобы заставить себя успокоиться, он должен был писать письмо. Письмо, которое не мог отослать, но которое старательно прятал в укромных уголках комнаты.

7

Милая Сара, привет, привет, привет, привет, привет.

Где ты? Дома? Пришла ли весна на Маркусгатен? Плотно ли лежат доски на крыше нашей хижины? Появились ли у Вероники под глазами морщинки? Мучит ли тебя Себастиан? Много ли на небе чаек?

Я не знаю, где ты, Сара, но уверен, что когда-нибудь ты прочитаешь это письмо. Я уверен, что никто не сделал тебе ничего плохого и что ты помнишь меня. Когда-нибудь мы будем сидеть в доме на болоте, говорить об этих письмах и смеяться.

Лишь бы мне найти его, тогда-то уж я точно выясню, где ты. И узнаю, что случилось, все станет ясно. Тогда мне не надо будет больше думать

об этом.

Психолог села рядом со мной на диван, совсем близко. Ее руки были влажные, от нее пахло травой. Может, это такие духи. Она что-то говорила мне, а я смотрел на ее пальцы. Голос у нее теперь звучал вовсе не ласково. Он напоминал мне скрипучий звук, какой издавали старые почерневшие ножницы тети Элены, когда она что-нибудь резала. Я не отрывал глаз от ее пальцев. Она осторожно перелистывала книгу. Время от времени смотрела на меня и снова принималась перелистывать страницы. Пальцы у нее бледные и тонкие. Она брала каждый лист большим и указательным пальцами и переворачивала. Колец на пальцах не было. На безымянном пальце левой руки я заметил плоскую родинку и попробовал было смотреть только на нее, но другие пальцы закрыли безымянный. Сначала мне показалось, что эта родинка величиной со спичечную головку, но потом решил, что она совсем малюсенькая. Зуб даю, что она с половину спичечной головки, а может, и того меньше. Она совсем плоская и сидит на левой стороне пальца у самого сустава. Из нее торчат два-три волоска. Психолог произносит какие-то свистящие слова: «вишь, свишь, чуис». Она лижет указательный

палец и листает книгу. Я уставился на родинку. Все остальные пальцы у нее прекрасные: на них нет ни пятнышка, ни волоска. Они просто идеальные. Ногти блестящие, длинные. Но немного загибаются. Если посмотреть на них чуть прищурив глаза, то они кажутся похожими на когти. Интересно, что она думает о своих ногтях и что говорит сама себе, когда красит их лаком. Она перевела взгляд на мою правую щеку. Мне пришлось заглянуть в книгу. Я знал: если я не буду время от времени смотреть туда, она снова отправит меня в подвал, где меня заставят сунуть голову в машину, рассматривать картинки, от которых меня уже тошнит. Книга была мировая. Фотографии напечатаны на хорошей бумаге. Я посмотрел на замечательные краски, на груди девушки. Психолог улыбнулась и наклонилась ко мне, я снова почувствовал запах травы, даже еще сильнее. «Прекрасно», — прошептала она мне в ухо. Я подумал о ножницах. Книжка была толстая. Мне нравилась каждая фотография, на которую я смотрел. Но когда я отводил взгляд, глаза у меня чесались. Это были фотографии девушки с маленькой грудью. Она сидела на санях и играла с рождественским гномом. Сидела на яхте. Ела абрикос, и сок тек ей на шею. «Анья», — ска-

зала психолог и показала на нее. Я кивнул. Она кивнула в ответ. Она улыбнулась. Я улыбнулся. Она перевернула страницу. Анья лежала на полу, плыла, уткнувшись лицом в ладони.

Когда я вернулся к себе в комнату, у меня болели глаза, они ужасно чесались. Я лег на кровать и подумал, что завтра скажусь больным и наплюю на психолога в светлом платье.

Ну да хватит, больше не буду писать о ней, Сара Тебе наверняка надоело это читать, правда, ты еще не получила мое письмо.

Мне вообще-то не хочется писать про Сандму, в следующий раз напишу о чем-нибудь другом. Про Одер, про тебя, про маму и тетю Элену — обо всем, что помню, хотя, может, там многое переменилось.

Разве только страусы думают, что, если не видишь какую-то вещь, значит, она не существует? Может, ты считаешь, Сара, что я не в себе? Может, я стал суперстраусом?

Я пишу, а в Реабилитационном центре уже повсюду погашен свет. Вокруг — тишина. А в мою комнату свет просачивается в щель между занавесками, поэтому я могу писать. Я прячу листы под дном нижнего ящика письменного стола, где их никто не найдет. Каждый день проверяю,

так ли лежат листы, как я положил их. Входя в комнату, я всегда волнуюсь. Выдвигаю ящик и думаю: «Ну вот, наверное, они нашли их». А после мне становится легче. Ложусь на постель и ухмыляюсь: никто не знает, что я пишу письма.

Вот я закрыл глаза и увидел черную дыру. Многие боятся черных дыр, но мы с тобой, Сара, знаем, что они не опасны. Ты много раз говорила, что в них хорошо спать.

С приветом, С.

8

Из воды медленно поднялась тень. Она поднялась со дна реки и беззвучно проломила водную гладь. Тень распрямилась, подняла ногу и ступила на берег. Она широкими шагами прокралась к белому автомобилю, стоящему на обочине дороги. На переднем сиденье расположился мужчина с очень светлыми волосами. За стеклом машины горел яркий свет.

Симон лежал, вытянувшись во весь рост, на кровати. Одеяло валялось рядом на полу, он скинул его. Через щель в занавеске комнату прорезал голубой солнечный свет, полоска света упала на зеркало над умывальником и отразилась на потолке. Он лежал и смотрел на пятно света на

потолке. Он не думал про свой сон. Однажды Супер-Дуде охотился за убийцей, а тот умер от запора. Симон беззвучно засмеялся. Он закрыл глаза, потом открыл. Поднимать одеяло с пола не стал, мол, пусть лежит. Он начал думать про Одер. В светлом пятне на потолке он увидел свой город: площадь, Маркусгатен, их двор со скамейкой и засохшей грушей, окно в его комнате, лестницу, перила, красный коврик возле двери фрау Вильнии, дверь в их квартиру, прихожую, кухню, его комнату, запыленное оконное стекло и вид на Маркусгатен, на площадь.

Он думал о том, что хотел вспомнить, и пытался разглядеть предметы. Супер-Дуде всегда искал следы. Часто ему приходилось проверять уйму следов, пока он не находил один настоящий. А может, и не находил. «Терпение — самое большое достоинство», — говорила тетя Элена. В Сандму все хотели, чтобы он ничего не помнил. Катрине Лю хотела, чтобы он забыл прошлое. «Этого-то она и добивается. А могу ли я быть уверен в том, что не забуду все? Как сделать так, чтобы не забыть? Может, надо все рассказать? Рассказать все самому себе. Все, что случилось. Много, много раз. Наверное, это поможет».

Но он не знал, с чего начать. Надо начать рас-

сказывать о дедушке, который когда-то был коммунистом, а позднее, после большого наводнения в городе, открыл лавку, где продавал театральный грим и парики, или про бабушку, которая умела очень хорошо считать и до того любила своего толстого мужа, что, когда долго смотрела на него, у нее на глазах выступали слезы. Он мог бы рассказать, как встретились дедушка и бабушка во время большого крушения поезда. Был такой удар, что казалось, будто сердце земли разорвалось на куски.

В купе чемоданы и люди, пакеты с едой и кофейные чашки, шляпы и газеты, пачки сигарет и живая курица повалились на пол вперемешку и мотались взад и вперед. Сначала они кричали, дедушка оказался на хрупком теле бабушки, они не в силах были шелохнуться. Одна стенка купе рухнула и придавила его к полу. Они лежали друг на друге и не могли пошевелиться. Дедушка был уверен, что у него переломаны все кости, а она еле дышала, лежала, уставясь на его круглое лицо и светло-голубые глаза, не в силах вымолвить ни словечка. Они лежали так три часа, покуда спасательная команда пыталась прорезать к ним путь в искореженном поезде. Они лежали и ждали, не шевелились, просто ждали, она с совершенно

незнакомым мужчиной, он — на совершенно незнакомой хрупкой женщине. Во время всей спасательной операции дедушка и бабушка не сказали друг другу ни слова, но позднее, в больнице, она подошла к нему и представилась; и уже тогда у нее на глазах выступили слезы. Она сама не знала почему, но круглое лицо и светло-голубые глаза трогали ее до слез. Да, они любили друг друга без памяти, даже слишком сильно. Вероника говорила, что иногда они просто забывали, что у них есть две дочки, и отправлялись в долгие путешествия, как в медовый месяц. Им очень нравилось путешествовать.

Он может много рассказать об этом и о том, как они погибли в автомобильной катастрофе, когда какой-то трейлер съехал с колеи и рухнул на их «фиат». Они познакомились во время железнодорожной катастрофы и погибли вместе в катастрофе автомобильной. «Это было путешествие двух влюбленных», — сказала тетя Элена и посмотрела на потолок, словно мать и отец сидят на небе и смотрят на нее сквозь облака и крышу дома. Голову дедушки оторвало от тела; она вылетела в открытое окно и остановилась у края тротуара, по которому прогуливалась с мамой маленькая девочка. Увидев катящуюся

голову с улыбающимся ртом, она закричала. А в автомобиле сидели мертвые бабушка и дедушка, держась за руки.

Или Симон мог бы рассказать про своего отца, который умер до того, как он родился. Но это было бы не очень интересно, а говорить о неинтересном, даже о том, что нелегко забыть, трудно. А еще он мог бы рассказать, что тетя Элена была забавным ребенком, она влюблялась в незнакомых мужчин в коричневых пиджаках, даже словом с ними не перемолвившись, — в шофера автобуса, в продавца лотерейных билетов, в артиста, которого увидела в лавке отца. Вот об этом, например, он мог бы рассказать. Но сначала ему хотелось рассказать о чем-то совсем другом.

Симон смотрел не отрываясь на пятно света на потолке. У него зачесались глаза, но он не стал тереть их, а продолжал смотреть.

Первое, что он вспомнил, были незнакомые женщины. Дело было летом. Он сидел в повозке и ехал по торговой улице. Все, что он видел, — это ляжки и задницы женщин. Стояла жара, и на них почти ничего не было, а за их здоровенными задницами, ляжками и сиськами ему даже неба не было видно. Но Симон не помнил ни неба, ни того, кто усадил его в повозку; помнил лишь

задницы и ляжки, которые подпрыгивали, ударялись о сиденья и толкали его. Его окружало мясо незнакомых женщин, он едва дышал. Сначала ему было смешно, потом стало страшно.

Перед ним быстро замелькали картины: их квартира, мама и тетя Элена; его комната с моделью самолета, свисающего на веревочке с потолка; кровать и письменный стол; книга о Мэрилин и старое дедушкино кресло, которое ему подарила тетя Элена; скрипучая дверь, темный коридор, кухня, высокая скамейка и окно, выходящее во двор.

Вот так начинался рассказ, который он должен был поведать самому себе, снова и снова, тихонько, чтобы никто не услышал.

Элена присматривала за ним, когда мама уходила в театр. Мама была артисткой. Она почти все время проводила в театре. Иногда он думал, что тетя Элена для него больше мать, чем Вероника, но родила его все-таки Вероника. От тети Элены пахло тюльпанами, и иногда она казалась ему странной. Ее почему-то интересовали кишки Симона. «Работа кишечника», — говорила она серьезным тоном, и он представлял себе, как кишки двигаются в животе, словно длинные змеи. Она старательно следила за работой кишечника.

Каждый вечер, когда он выходил из туалета, она записывала в тетрадь.

— Симон, — спрашивала она шепотом, — мало или много?

Его бросало в жар, он не знал, что ответить.

— Опять мало? Тебе надо есть больше пеклеванного хлеба.

Когда это было? Он улыбнулся. Посмотрел на светлое пятно на потолке и улыбнулся. Ясное дело, он знал, когда это было.

Когда это было?

Это было до того, как Сара переехала в подвальный этаж, до того, как он познакомился с ней, и до того, как тетя Элена заболела аллергией.

Тетя Элена интересовалась искусством. Она часто водила его в городской музей. Особенно ее интересовал нижний этаж, где стояли всякие старые скульптуры, уставясь в потолок. Тетя Элена ходила вокруг и смотрела на их белые каменные тела, прищурив глаза. Он не знал, почему они ее так интересуют, но теперь подумал, что, наверное, потому, что они голые и не целые. У многих из них не хватало руки или ноги, и тетю Элену это почему-то притягивало. Она рассматривала эти половинки тел и половинки «слов», и шея и лицо у нее краснели.

Симон был уверен, что она мечтала о каменных мужчинах.

Он не знал, о чем мечтала Вероника.

А что нравилось Симону?

Симон любил тишину.

Тишину?

Он любил быть один.

Совсем один?

Да.

Симон стоял на городской стене и смотрел вокруг. Он не разглядывал что-то конкретное, а просто стоял и смотрел на Одер. Стена тянулась на несколько километров. Над ней всегда висели облака, они отбрасывали тени на холм. Камыши склонялись под ветром. Под ними лежала мшистая низина с коричневыми лужами. Иногда он вставал на колени возле старой стены, прижимал лицо к камням и ощущал запах штукатурки и дождя. Он поднимался на ноги, тучи исчезали, их разгонял ветер, и тогда он замечал на небе маленькую белую дыру. Он закрывал глаза и чувствовал, будто что-то ходит в нем волнами взад и вперед, словно мускул, и думал, что этот мускул превратит его однажды в героя.

Они прозвали его Крысой. Это было его школьное прозвище. Нет, он ошибается. Неправда.

Вспомни хорошенько. Ошибиться очень легко. Только один мальчишка так называл его. Другие никак не называли. Остальные делали вид, будто он вообще не существует. Один мальчишка прозвал его Крысой и говорил, что от него пахнет крысами. Но от него пахло вовсе не крысами, а болотом. Ему было наплевать на то, что они говорят. Он не любил играть с одноклассниками. Иногда он прогуливал уроки: ему нравилось быть одному.

Все это было до того, как в подвальном этаже поселилась Сара с матерью и дядей Себастианом, задолго до того, как Сара и Симон нашли свой собственный дом на болоте.

Это было раньше, когда Веронику еще считали звездой в театре.

О-о-о-о, почему она заставляла его ходить туда? Он ничего не говорил. Просто смотрел на нее. Мысленно произнося: «О-о-о-о». Но ничего не говорил вслух. Просто шел за ней. Туда. Это бывало после полудня, когда церковные колокола давно отзвонили, и он думал: «Зачем» и «О-о-о-о». И еще он размышлял о слове «театр». Почему он называется «те-а-тр»? Почему не «тетратер» или «тратата-тер». Они шли. Туда. Она — впереди, он — за ней, три шага позади прозрачных чулок. Ве-

роника в прозрачных чулках — впереди, Симон со своим «о-о-о-о» про себя — позади. Они шли по Маркусгатен, через площадь, мимо кафе, откуда пахло свежими булочками и кислым кофе, через переулок с подозрительными заведениями, где он всегда почему-то вспоминал, как Супер-Дуде бежал из тюрьмы в книжке «Супер-Дуде и Татуированный Лоб», мимо старика с сигаретой в окошке, который говорил: «Доброе утречко», хотя уже давно был день. В последний раз заворачивали за угол, за «трататерный» угол, и поднимались в «трата-театр». Симон сидел на полу в гримерной и играл в лудо сам с собой. Это было до чертиков скучно, ведь игра подвигалась жутко медленно. Он поглядывал на лицо Вероники, которая больше не походила на саму себя. Потом она поворачивалась к нему и говорила, что пора идти в зал, потому что генеральная репетиция вот-вот начнется, а Симон отвечал: «Можно, я закончу игру?». Но тут тон маминого голоса резко менялся.

Он сидел в третьем ряду на седьмом месте. Всегда на этом месте. В третьем ряду. Сиденья — большие, красные. Ему нравилось утопать в них. Симон пытался упираться коленями в спинку кресла впереди него, как делали режиссер и

сценограф, но он был слишком мал. Тетя Элена говорила, что скоро ноги у него будут длиннее маминых. Но он не хотел, чтобы на ногах у него были такие же прозрачные чулки. Он то и дело открывал глаза и смотрел на нее. Грим и костюмы — одно надувательство. Она лишь притворялась, что ее зовут Гертруда. На самом деле ее зовут Вероника, и то, что она говорила со сцены, — просто кто-то придумал. Это знали все. Но что театр — одна надуваловка, что в нем нет ничего настоящего, другие не догадывались. Никто этого не понимал. Это знал только Симон. Остальные не замечали, что Вероника подменяла реплики своими собственными словами. Она заменяла слова, составляла новые предложения с другим значением, и все получалось по-другому. Симон сидел и смотрел на ее рот. Ему было противно смотреть на ее размалеванное лицо и думать о том, что она рассказывает на публике свои секреты. Поэтому он закрывал глаза. И только слушал ее голос:

Зачем оплакиваешь ты с поникшей головой

Почтенного отца, лежащего во прахе.

Ведь жизнь сменяет смерть, придет твой срок,

Природа наша — вечности росток.[17]

Он отвел глаза от белого пятна на потолке, но продолжал лежать и думать об историях, которые рассказал самому себе. Уверен ли он в том, что ничего не напутал? Могла вкрасться какая-нибудь маленькая ошибочка, но ведь из-за маленькой ошибки изменится все, весь смысл. Точно так же со Вселенной. Если ты ошибся, определяя одну точку на небе, можешь забыть всю Солнечную систему. Это говорила Сара.

Только теперь он заметил, что дрожит от холода, и поднял с пола одеяло. Укрылся, но одеяло было холодное.

Он залез под душ, долго грелся под горячими струями. Закрыл глаза и круговыми движениями намылил лицо. Когда он стоял под душем, на весь дом зазвонил звонок. Каждое утро он просыпался до звонка и никогда не опаздывал к завтраку. Симон решил выполнять все правила в Сандму и больше не делать ошибок. Если он не будет нарушать правил, то скоро ему позволят выходить в город.

Он вошел в столовую. За столом под большим абажуром сидели три девочки. Он не помнил, как

---

[17] Примечания: 17

У. Шекспир, «Гамлет», перевод Н. Беляковой.

их зовут. Симон сел за соседний стол. Они весело болтали и смеялись. Было семь часов двадцать четыре минуты. Через шесть минут пришла хозяйка со столиком на колесах. Йогурт. Фрукты. Он посмотрел в окно. В стекла струился яркий свет. Весь двор был покрыт искрящимся снегом. Он вспомнил сон. Вода. Тень. Автомобиль. Полицейский и Сара. Ее лицо. Полицейский снял руку с ее плеча. Она обернулась и взглянула на него.

Симон встал, и три девочки повернули головы и посмотрели на него. Он постоял, не шевелясь. Одна из девочек захихикала. Он отвернулся и вышел из столовой. В коридоре он остановился, посмотрел налево и направо. Дверь в комнату вахтера была открыта. Он медленно подошел к двери. У порога Симон задержался и взглянул на телефон на письменном столе рядом с тетрадкой в красной обложке, в которой караульный отмечал крестиком, кто входил и уходил. Он подошел к аппарату, поднял трубку и приложил ее к уху. Он должен набрать номер из шести цифр: 173527. Он думал о ее лице, о лице мамы, представлял себе ее губы, произносящие слова «Кто это?». Но тут же положил трубку на рычаг. Ведь нужен код. Когда звонишь из одной страны в другую, нужно набрать код. Симон это знал, потому что одна-

жды Элена звонила родственнице в Германию и сначала набрала код 49. Но он не знал код Одера. Он стоял и смотрел на телефон, и тут зазвонил звонок, созывающий на завтрак, он повернулся и быстро пошел назад.

9

Сара!

Рассказать тебе что-то интересное?

Прекрасно. Но сначала я напишу тебе еще немного про психолога Катрине Лю.

Каждый день она заставляет меня приходить в ее кабинет и болтает всякую чепуху. Она сидит, уставясь на меня, и тараторит без умолку. Я уверен, что она хочет заболтать меня, пока я не обалдею и тоже не начну говорить. Но я не сказал ни слова. Иногда я смотрю на нее, но чаще всего смотрю на лампу или в окно. Кошка, сидевшая на дереве, исчезла.

С сегодняшнего дня, решил я, буду помнить только то, что было в Одере. Когда я один или когда пишу тебе. А не то все забуду. Все же я уверен, что никто здесь не сможет разоблачить меня.

Однажды утром она привела меня в комнату, где хранится разная одежда и серебряные шлемы. Но в этих шлемах нет отверстия для глаз. Когда

она надела на меня шлем, я заглянул в другой мир. Я услышал плеск волн, оказался на берегу. Но мне не хотелось там находиться, бегать среди голых ребятишек и голых взрослых, подкидывать мяч высоко в воздух или сидеть на плечах у женщины. Я стоял с закрытыми глазами. Звуки на берегу давили на уши, никто не мог заставить меня находиться в другом мире. Когда я вернулся, она перестала пустозвонить. Она сидела, не шевелясь, и смотрела на меня. Мы сидели молча, и я пытался не смотреть на нее. Чуть погодя я заплакал. Сам не знаю почему, Сара, заплакал, вот и все. Тогда она взяла меня за руку и отвела назад в мою комнату. На другой день я нашел на своем столе карандаши и все что надо для рисования. И я решил нарисовать что-нибудь для Катрине Лю.

Я еще не знал, что именно буду рисовать, просто дотронулся кончиком карандаша до белой бумаги, и он стал двигаться. Это был обыкновенный карандаш, но мне показалось, что он движется сам по себе. Полукруг. Штрих. Лицо. Рисовал не я. Карандаш рисовал сам. Он водил моей рукой по бумаге. Это было странно, Сара. Получился человек, светловолосый человек. Одно плечо. Одна рука. Он стоял в библиотеке и смотрел на что-то лежащее перед ним. В руке он держал

здоровенное «слово». Он стоял и сжимал «слово». Карандаш продолжал рисовать. На полу перед ним лежала открытая книга с фотографиями звездного неба.

Я смотрел на рисунок, не зная, почему нарисовал его. В самом деле, Сара, я не мог этого понять.

Когда я показал рисунок психологу, она в первый раз обрадовалась и похлопала меня по спине. «*Оченьхорошо*», — сказала она и улыбнулась, показав все тридцать два белых зуба, на которых блестела слюна.

На следующий день мне не пришлось сидеть у нее в кабинете. Она повела меня в класс.

Это овальная комната с маленькими окнами. Парты стоят в кружок. На полу ковер. На каждой парте компьютер. Грифельной доски в комнате нет. Учительницу зовут Амалиё. Она говорит приторно-ласковым голоском. Она научила меня обращаться с компьютером и показала программу. На ней была белая блузка, а на шее — украшение с крестом. Я не поверил, что она христианка, мне хотелось спросить ее про Иисуса, но я промолчал. Я ничего не понял в этой программе. В классе двадцать учеников. Одному из мальчиков наверняка лет пятнадцать. А девчонке с короткими волосами не больше семи.

Все сидели тихо и работали за компьютерами. На голове у них были наушники. Одна девочка встала, надела серебряный шлем и легла на ковер. Я посмотрел на ее рот, который сначала напрягся, потом расслабился. Амалие подошла ко мне и показала программу. Я выучил новые слова из программы, узнал, что они означают, а по телефону меня научили, как их произносить. Я двигал губами, будто бы произнося слова. Амалие смотрела на меня. Ее глаза бегали туда-сюда. Когда прозвенел звонок, мальчики и две девочки захохотали, держась за животики. Один парень, по имени Глен, скорчился на ковре, притворяясь, что ему плохо. Амалие стала журить его ласковым голосом. Когда она повернулась к нему спиной, он показал ей фигу. Я посмотрел на украшение Амалие. Во время большого перерыва мы должны были выйти во двор. Все надели «дутики». Шел мокрый снег. Мальчишки стали кидать в девчонок снежки, а те плевали Глену на спину. Вдруг мне в живот ударил снежок. Было больно. Я обернулся, чтобы посмотреть, кто его бросил, но все стояли ко мне спиной. Я услышал лишь, что кто-то смеялся, как в скучном фильме.

Я должен заканчивать письмо, — кажется, кто-то идет.

Продолжаю, потому что вчера не успел дописать до конца. Тогда постучали в дверь, и я поспешил спрятать листки. Я пошел посмотреть, кто стучит.

Это был всего лишь вахтер, он заходил проверить мое окно и закрыть его. Он повернулся, посмотрел на меня, пробормотал: «Вот так» — и улыбнулся. Я не понял, к чему он это говорит, но мне было наплевать.

Потом позвонил звонок на ужин.

Целый день я сидел на уроках языка, решая задачи, играл в компьютерные игры. Это было не так уж трудно.

Я начал понемножку говорить на новом языке.

Сказал «спасибо» Амалие, потому что скорее всего с ней надо дружить. Когда я поблагодарил ее, она так и засияла.

Язык изменил меня. Я смеялся, выговаривая новые слова, не понимая их значения. Воздух был наполнен звуками, согласными и гласными, которые взрослые вроде бы понимали. Но для меня они ничего не значили, и я не мог понять, почему взрослые кивали и улыбались. Для меня это были лишь бессмысленные слова.

Я натренировался произносить «спасибо» поразному, с разной интонацией, чтобы они не

догадались, на каком языке я говорил раньше.

После ланча мне сказали, что со мной хочет поговорить психолог.

Когда я пришел в этот светлый кабинет, вид у нее был подозрительно хитрый.

Мы довольно долго смотрели друг на друга. Никто из нас не произнес ни слова. Глаза у нее коварно блестели. Наконец она спросила:

— Хочешь чашку смородинового сока?

— Спасибо, хочу, — ответил я.

Она злорадно усмехнулась, и ее рот в этот момент стал похож на ломтик дыни.

Скоро я научусь говорить на новом языке, Сара, со всеми их гласными и согласными, и тогда мне будет гораздо легче найти Петера Фема и ослепить его.

С приветом —

тот, кого ты знаешь.

10

Шел дождь. Ветер швырял в стекло капли. Какая-то машина въехала во двор и остановилась у подъезда Симон стоял у окна и смотрел на следы колес на промокшей земле. Дождь лил целый день, и снег превратился в коричневую слякоть. Слякоть вползла на ступеньки лестницы, изма-

зала стены дома Дверца машины распахнулась, и мужчина поставил ноги в грязь. Он, поди, чертыхнулся, обнаружив, что промочил ботинки. Из другой дверцы вышла девушка в пальто. Мужчина запер машину и прошел на цыпочках по двору к подъезду, глядя себе под ноги. Ступив на лестницу, он поднял голову. В свете лампы над дверью его белобрысые волосы заблестели. А когда девушка в пальто повернулась к мужчине, Симону показалось, будто под капюшоном у нее сверкнули очки и что она немного хромает на левую ногу. Его охватили одновременно и дикое волнение, и радость. Но вот мужчина взглянул на окно Симона, словно почувствовав, что кто-то наблюдает за ним.

Его мозг и весь мир замерли.

Он лег на кровать. Его тело погрузилось в матрац. Плоть, сжавшись словно резина, подалась назад. При виде мужчины и девушки, которые оказались не теми, за кого он принял их в первое мгновение, он почувствовал себя черточкой, кружочком, а потом его тело стало вдруг невыносимо тяжелым. Это ощущение повторилось. Мужчина, девочка, невыносимая тяжесть тела, мужчина, девочка, тело, тяжесть, мужчина, тяжесть, резина, девочка, мужчина, девочка, тяжесть.

Это был круговорот возникавших перед ним образов. Он все время находил в них какие-то еле заметные изменения, нюансы надежды и отчаянного разочарования. Он думал, что все еще переменится, оставалась еще крупица уверенности, что мужчина и девочка — это полицейский и Сара, но потом мужчина оборачивался, и лицо его оказывалось совсем другим: прямая линия закруглялась и снова превращалась в круг, назад к продолжению и началу. Он был уверен, что это никогда не кончится, и все же знал: точно так это длиться не может, ведь он начинал забывать, как выглядят эти мужчина и девочка.

Он взял пульт и стал шарить по телеканалам, останавливаясь на каждом не больше секунды. И увидел то, что хотел. На одном канале показывали женщину, лежащую на столе. На животе у нее были полоски бумаги.

На другом — тела крупным планом, похожие на пейзаж под палящим солнцем. У Симона устали глаза: его утомили эти картинки и вспышки света при переключении программ. Он отложил пульт и машинально взглянул на экран. По телестудии, вдоль ванны, над которой поднимался пар, расхаживал маленький человечек в купальном халате. Он разговаривал размахивая руками,

словно разгонял пар. В ванне лежал молодой мужчина. Лицо у него было бледное и гладкое, он походил на ребенка. Симон засмеялся. Он встал с постели, постоял, облокотясь на стену, оклеенную обоями с Памелой Андерсон. Потом открыл дверь и вышел в коридор.

В конце коридора спал вахтер, сидя на стуле с книгой в руках. Симон прошел мимо. Он услышал какие-то звуки, смех и остановился в нерешительности — идти на звуки или вернуться в комнату. Он осторожно завернул за угол и направился к стеклянной стене. Там сидели шесть человек, персонал Реабилитационного центра. Они смотрели на экран большого телевизора, на меняющиеся цвета.

Телепрограмма называлась «Сексуальное здоровье». У ведущего были густые усы. На отвороте пиджака у него красовалась табличка с именем: «Макс Эйак».

— Дальше вам смотреть не обязательно! — крикнул он.

Симон не понял, почему взрослые засмеялись.

Он подумал сначала, что ведущий разговаривает с врачом. Они показывали репортаж про людей, которые стояли в красных боксах и хныкали. Но Симон тут же решил, что в этой программе

что-то не так. Потому что чуть погодя ведущий и женщина, про которую он думал, будто она врач, стали раздеваться и вошли каждый в свой бокс, где надели брюки и рубашки. Заиграла ласковая музыка. Симон прижал лицо к стеклянной стене, но теперь он смотрел не на экран, а на Катрине Лю. Она сидела не шевелясь, уставившись в телевизор с какой-то странной, потусторонней улыбкой.

Не раздумывая ни о чем, он пошел дальше по коридору, мимо спящего вахтера, открыл дверь и вышел во двор.

Был мягкий зимний вечер. Снег промок, и на нем отчетливо выделялись следы. Никто не следил за ним, никто не догонял его, не окликал. Никаких голосов в ночи. Ни сирен, ни мигающих фар автомобилей. Как и в прошлую попытку побега, он пошел вдоль проселочной дороги. Он не бежал. Он шел спокойным шагом и размышлял о том, что вовсе не опасно изменить решение. Многие меняют свои решения. В Сандму больше нет смысла оставаться. С него хватит, надоели ему и Амалие, и психолог, компьютеры, и занятия. Он — охотник.

Он шел по снегу, оставляя за собой километры дороги. На повороте, где стояло дерево с вывеской

«Пососи пепси-сиську», он остановил машину, вытянув левую руку с поднятым большим пальцем. В свете фар его лицо не казалось таким детским.

В эту минуту он выглядел вдвое старше. Это и помогло ему поймать в машину. Он не собирался обманывать, но сидящая за рулем женщина-ветеринар, с забавным курносым носом, в темных очках, приняла этого тихого паренька за взрослого. Она спросила, куда ему нужно, и он заплетающимся языком ответил, что собрался в гости к тете в ближнем городке.

— В Л.? — спросила она.

— Да, в Л.

Он сказал, что тетка его сумасшедшая и он рад, что выпала возможность навестить ее.

— Что? — спросила женщина и посмотрела на мальчика с лицом взрослого. — Что ты сказал?

— Я еду навестить свою сумасшедшую тетку, — повторил он.

В машине было темно, и она не заметила его тревожный, неуверенный взгляд. На минуту воцарилась тишина.

— Ты, наверное, хочешь сказать «нормальную»? — испытующе спросила она.

— Да, да, она нормальная. Нормальная.

— Это хорошо, — улыбнулась ветеринар.

— А в Сандму живут ненормальные.

— Где?

— В Сандму. Это Реабилитационный центр для детей и подростков. Они чокнутые.

— Я думала, там опытные специалисты помогают детям заботиться о своем теле, любить его, любить себя.

«Я должен отвечать осторожно», — подумал он.

— Да, — продолжал он, — я имел в виду, что в Сандму дети ненормальные. Потому-то они и находятся там. Чтобы стать лучше. Чтобы узнать обо всем, что есть прекрасного на земле. И на картинах. Я заезжал туда, чтобы навестить своего двоюродного брата Знаешь, я ведь не местный, просто приехал навестить брата.

— Понимаю.

Он рассказал про двоюродного брата, про то, что с ним стряслось. Сидя под светозащитным козырьком, он закрыл глаза и стал рассказывать про других несчастных детей в Сандму. Он говорил медленно, и в глазах у нее появилось странное выражение, будто она смотрит куда-то далеко-далеко! Свернув в Л., она взглянула на молодого человека с телом ребенка:

— Куда тебя подвезти? Я здесь не ориентируюсь.

— Я выйду у супермаркета, — с улыбкой ответил он.

Симон выскочил из машины, и когда она развернулась и рванула по мокрой земле в сторону крестьянской усадьбы, куда направлялась ветеринар, он, как взрослый, махнул ей вслед.

Он прошел через автомобильную парковку к маленькому супермаркету, в витрине которого рядами выстроились бутылки пепси и лосьона для бритья, пластиковые бутылки с моющими средствами на фоне плаката с портретом светловолосого артиста. В темноте, окружающей супермаркет, он стал думать о Саре, но вдруг остановился и сказал себе: *«Над нами небо, это новый мир»*. Это выражение он слышал много лет назад — одна из поговорок тети Элены, он не знал, откуда она взяла его и что оно означает. Но эта поговорка всегда действовала на него успокаивающе, может, потому, что тетя Элена так часто повторяла ее. Он прищурился, вглядываясь в темноту. Это был маленький городок с освещенной главной улицей. В свете фонарей он увидел ряд кирпичных домов и представил себе, что внутри них, в квартирах, сидят и смотрят телевизор спо-

койные люди. И вдруг ему захотелось побежать в этот маленький городок, обнимать стены домов, фонари, людей с их удивительным покоем. И он в самом деле побежал в сторону города. Он мчался вдоль автострады, через железнодорожный мост, через подземный переход и наконец оказался в городке Л. Он остановился на перекрестке у светофора. Наполнил легкие городским воздухом, который пах бензином и лосьоном после бритья. «А может, — подумал он, — покоем, струящимся из квартир…» Перед ним была станция автобусов дальнего следования. Темные автобусы заставили его остановиться. Он стоял неподвижно и смотрел на цветные плакаты, наклеенные на их боковые стенки. Это были фотографии фотомоделей. Одинаковые на всех автобусах. Стоял и смотрел на красоту и чистоту обнаженного тела. Одна из фотомоделей была похожа на Мэрилин Монро. У нее была такая же кремовая кожа, такие же родинки. Он стоял и смотрел на нее. У него начало щипать в глазах. Он повернулся и побежал в другую сторону. Наугад пробежал по подземному переходу и по железнодорожному мосту. Огни светили ему в глаза, на экранах менялись кадры. Он бежал и бежал, пока хватало сил. Ноги стучали по утоптанному снегу. Под конец он

был вынужден остановиться. Посреди парковки стояло кресло. Запыхавшись, он стряхнул снег с сиденья и спинки, присел на ледяное кресло, тяжело дыша. Потом поднялся и пошел прочь из города в сторону автострады.

Симон сидел в автобусе и ехал в столицу. Шофер трейлера довез его до станции междугородных автобусов. Он поспал в тепле автобусной станции, Симона разбудила старая женщина, задев его ногу палкой. Она несколько раз попросила у него прощения и справилась, не сделала ли ему больно. Он ответил, мол, не стоит беспокоиться, но она продолжала извиняться. Глядя на него, она спросила, не голоден ли он. Не успел он ответить, как она выудила из сумки пачку печенья и протянула ему. Пока он ел, она пристально смотрела на него, а когда ничего не осталось, протянула еще одну пачку. Он покачал головой, но она сунула печенье ему в руки. Потом дала Симону деньги на автобус. Он сидел в автобусе и дремал, в серо-синем утреннем полумраке плясали конусы света дорожных фонарей, и тут перед ним возникло лицо той старой дамы. Описать его было трудно. Симону казалось, что оно овальное и очень доброе, но потом вдруг представилось, что оно длинное и лицемерное. Когда он увидел

ее лицо и пачку печенья в руке, он решил, что явился ангел. Но ведь он не знал, как выглядит ангел, а после ему пришло в голову, что она из полиции и хотела его отравить. Автобус скользил по дороге, как по рельсам; за окнами мелькал пустынный, однообразный пейзаж. Он снова задремал, казалось, будто ему никак не удается вволю поспать.

Но вот он снова почувствовал озабоченность. Он уже не Симон, сидящий в автобусе, в чужой стране, где за окнами лед и снег, и он не на пути в столицу, куда едет, чтобы найти полицейского и ослепить его. Он не тот Симон, и едет он не по этой стране. Он в другом месте. Он другой. Он сидит на своей постели в детской, в подвальном этаже, в городе Одере, под розовым бумажным абажуром перед большой картой звездного неба. У нее длинные рыжие косички, очки она сняла. Она сидит, закрыв лицо руками, но не плачет. Она думает о нем. Она убивается, потому что не знает, что с ним сейчас, ей хочется прочитать еще раз его последнее письмо, но она спрятала его в их доме на болоте. Сидя в этой маленькой темной комнате, закрыв лицо руками, она видит перед собой Симона.

Миновав туннель, автобус вдруг выехал на

яркий дневной свет. Перед Симоном раскинулась столица. Автобус объезжает площадь. Симон смотрит на строительную площадку. Между бетонными столбами и металлическими конструкциями ходят рабочие в защитных шлемах. Здесь будет парк отдыха. Симон пошел по торговой улице. Повсюду были рекламные щиты, экраны, огни, повсюду фотографии женских половых органов или мокрой человеческой кожи, гладкой кожи, коричневой кожи, девушек с мокрыми волосами и выражением наслаждения на лице, мужчин, лижущих пальцы ног женщины. Одна реклама изображала поцелуй под дождем, губы были огромные. В витрине он увидел живые манекены почти без одежды. Перед витринами толпились люди, они глазели на манекены. Симон перевел взгляд с подмышек цвета ванили одной из манекенщиц на рекламный экран высоко над их головами, на котором открывались и закрывались губы молодого мужчины. Он побрел дальше. Здесь было тихо и спокойно. Мимо него прошли две женщины с покупками в пластиковых пакетах, и Симон взглянул на их лица. Они были веселы и довольны и спокойно смотрели на то, что показывали на экранах. Реклама была повсюду — на крышах домов, на

желтых стенах в окнах предприятий, похожих на обычные дома. В одном месте Симон увидел красную будку с крышей в форме цилиндра. Будка походила на телефонную, но стены были без стекол. Симон постоял и посмотрел на нее. Одна дверь открылась, убралась в стену. В будке стоял мужчина. В руках у него были шлем и рубашка. Он отложил их и вытащил кредитную карточку из автомата. Бережно положив шлем и рубашку, он с блаженным видом вышел на улицу и медленно зашагал по площади. Симон постоял на площади, посмотрел на удивительную рекламу и отправился дальше по улице, потом остановился и спросил у мужчины в пальто, где здесь полицейское управление, мужчина ему вежливо объяснил. Полицейское управление находилось в центре города. Он спустился с холма, миновал церковь. В глубине парка с заснеженными деревьями находилось здание полиции.

Симон подошел к входу и остановился. Сердце у него колотилось, как штамповальная машина. Он повернулся и зашагал назад в парк. Воздух был холодный, но он вспотел. Постоял за деревом и посмотрел на вход в здание полиции. Обливаясь потом, невзирая на холод, Симон пытался вспомнить лицо Петера Фема. Сердце колотилось

уже не так бешено, но он все еще ощущал в ушах его стук. Он решил, что если будет стоять здесь долго, то в конце концов Петер Фем или человек с его внешностью выйдет из этого дома и он узнает его.

Вот вышел мужчина с папкой под мышкой, а вот женщина с плачущим ребенком на руках, прошло много людей. Начало смеркаться. От голода у него закружилась голова. Он сжал в кулаке комок снега и стал есть его, воображая, будто это мороженое. Сердце перестало колотиться, во всяком случае он больше не слышал его. Симон направился к двери, делая негнущимися ногами маленькие шажки. Дверь отворилась, и на него пахнуло теплом. Повсюду были стеклянные стены и зеленые растения. На скамейках сидели в ожидании люди с бумагами в руках. За приемной стойкой сидел молодой человек в синей форме. Взглянув на экран, висящий у него над головой, он сказал в микрофон:

— Четырнадцатый!

Симон тихонько опустился на скамейку между двух мужчин в черном. Один из них сидел с закрытыми глазами, но не спал, внезапно он открыл один глаз. Симон оглядел сидящих. Старые женщины, молодые мужчины, мать с маленьким

ребенком, сосущим грудь. Он отвел глаза. Он не знал, откуда взять такие бумаги, какие держал каждый из присутствующих, и боялся спросить об этом дежурного. Видно, эти бумаги играли важную роль. Но как их раздобыть? Симон закрыл глаза, и у него закружилась голова. Потом резко поднялся со скамейки и подошел к дежурному, почувствовав, Что все уставились на него. Одна женщина стала что-то бормотать о нем другой. Дежурный сидел, глядя на экран. Симон облокотился на стойку. Ему хотелось закрыть глаза, но он знал, что не должен этого делать.

— Мне нужно встретиться с Петером Фемом.

— Что?

— Петер Фем. Я должен увидеть его.

Человек с удивлением посмотрел на него и покачал головой:

— Здесь нет никакого Петера Фема.

— Ты уверен?

Человек взглянул на экран:

— Абсолютно уверен.

— Он полицейский.

— Здесь нет полицейского с таким именем.

Симон уставился на дежурного. Тот медленно кивнул, но не сдвинулся с места — Могу я посмотреть на ваши бумаги? Симон не ответил.

Чуть погодя явилась женщина-полицейский и забрала его.

Он ехал на заднем сиденье полицейской машины, с трудом заставляя себя не закрывать глаза. Он погрузился в темное мягкое сиденье. Ему хотелось спать. За окном мелькал снег и огни главных улиц городов-спутников. Пестрые рекламные щиты вдоль дороги, пестрые плакаты — все слилось в беспокойный сон.

11

Милая, милая Сара!

Давно я не писал тебе.

Случилось уже так много всякого разного.

Я думаю о тебе, просыпаясь утром.

Мне удалось убежать. Я ездил по острову и искал его. Но еще не нашел. Сара, я ездил из города в город, города называются: Р., А. и С. В них есть супермаркеты и торговые улицы. Вид у людей печальный. Лица у них какие-то сонные. На одной станции я встретил старую женщину, которая когда-то была замужем за полицейским. Она рассказала мне, что полицейские очень несчастны. Один раз я заснул на автобусной остановке. Меня разбудил сторож. Он сел рядом на скамейку, стал говорить со мной и показал почтовую открытку с

портретом фотомодели, которую зовут Тана. Это его дочь. На веке у нее фиолетовое пятно. Однажды ночью шел дождь. Одна машина съехала с дороги, но людей на обочине я не видел. Автобус беззвучно катился по черному шоссе. Я был в полицейском управлении, и мне сказали, что он там не работает. Но я думаю, они врут. Наверное, у него секретное задание. Поэтому его так трудно найти. Я искал повсюду и надеюсь встретиться с ним, Сара. Я уже напал на след. Но под конец чертовы полицейские привезли меня сюда. Я хотел улизнуть, но они меня перехитрили. Это противный остров, Сара, и я хочу вернуться к тебе. Мне пришлось сидеть одному в комнате много дней, а потом Катрине Лю отвела меня в подвал. Теперь в моей голове кишмя кишат всякие картинки, но я пытаюсь думать о чем-нибудь другом. Они говорят, что, если я не исправлюсь и не буду хорошо вести себя на уроках, они отошлют меня в школу на соседний остров. Они показывали мне фотографии этой школы, и я вовсе не хочу, чтобы меня уволокли туда, Сара, это место скорее похоже на арестантский лагерь. Я спросил Глена про эту школу, и он сказал, что туда отправляют тех, кто не поддается реабилитации, исправлению. Я не знаю, что они подразумевают под «исправлени-

ем». Но Глен говорит, что знает одного паренька, который был там, и что он стал совсем другим. А одного парня послали туда на прошлой неделе. Ночью он ходил в комнату к одной девчонке. Не знаю, что он там делал, но на другой день он исчез. Амалие рассказала нам о запретах. Она говорит, что каждый человек — владелец своего тела. И что не разрешается трогать других, если тебя об этом не просят. «Тело — это церковь, — говорит она, — а в церковь врываться запрещено». Мы начали профессиональное обучение. Десять детей собрались в левом крыле, где живут старшие ученики. Один человек в костюме-тройке рассказывал нам о выборе профессии.

Теперь я довольно хорошо понимаю этот певучий язык.

Его слова не такие трудные, как кажется.

Человек в костюме сказал, что мы должны научиться понимать, что такое хороший продукт. Он показал нам разницу между хорошим и плохим продуктом. Потом спросил нас, чем бы мы хотели заниматься.

Все девчонки сказали, что они хотели бы стать фотомоделями, а мальчишки — производить товары.

Человек в костюме засмеялся.

Мы прошли курс занятий об обществе, Сара. В П. все жители — потребители и почти все работают в области производства. Они — создатели образов, плакатные художники, или плакатные дизайнеры, или плакатные секретари, или плакатные чиновники, или плакатные редакторы. Художники создают плакаты, образы, они фотографы, кинорежиссеры и дизайнеры. Затем посылают свои работы в визуальный департамент. Там сидят чиновники. Они сортируют фильмы и плакаты и посылают их к редакторам. Редакторы решают, какие плакаты и фильмы использовать. Монтажники устанавливают киноэкраны на улицах и в красных будках. А потребители пользуются ими. Мы узнали, что красные будки установлены для того, чтобы у наслаждения был свой дом. Когда нам исполнится шестнадцать, мы сможем их посещать. Но сперва мы должны научиться быть потребителями и производителями.

Вначале я вел себя совсем тихо. Мысли в голове шевелились медленно. Но постепенно они обнахалились и начали куролесить и буянить. Я уже сам не понимал их. Я не знал, правда ли то, что я думаю о тебе, об Одере, о Веронике. Под конец они до того озверели, что мне пришлось начать

разговаривать.

Каждый вечер, перед тем как я ложился в постель, раздавались звуки, и на экране над кроватью появлялся я сам. Я лежал и смотрел на самого себя в местах, где я никогда не был, Сара Сначала я испугался и залез под кровать. Я боялся, что экран обнаружит, откуда я приехал. Но теперь я знаю: экрану меня не обмануть. Я научился смотреть на него пустым взглядом, не думать в это время об Одере, чтобы никто не прочитал мои мысли.

На экране мелькали озера, скалы и крестьянские усадьбы. Зря теряли время, я их перехитрил. Вдруг вынырнула женщина со светлыми волосами. Ее губы шевелились так, словно она поет.

— Привет, меня зовут Мария.

Она болтала, а я смотрел на ее губы.

— Привет. Ты приехал в П. и, наверное, знаешь не так много о нашем прекрасном острове. Эти снимки сделали здесь, в Сандму, бывшие ученики Реабилитационного центра. Не правда ли, они прекрасны?

Понимать этот язык не так трудно, Сара, но иногда мне становится не по себе. Одно слово может означать очень многое, так ведь? Иногда мне кажется, что слова хотят обмануть меня. Я

старался не думать об Одере. Я смотрел на волосы женщины. Она наклонилась вперед, и голос ее стал звучать еще ласковее и хитрее. Я уставился на ее лицо.

Думаю, она никогда не потеет и не краснеет.

На экране показывали зеленые луга. Мария стояла на полянке, усыпанной цветами белой ветреницы. Потом она легла на цветы и закрыла глаза. Она улыбалась, кожа у нее нежная и блестящая.

— Все, что ты сейчас увидишь, сделали наши ученики. Понятно тебе? Надень перчатки и шлем.

Мария лежала на полянке с закрытыми глазами. Кадр подергивался на экране. Мне стало плохо, Сара. Это была западня, я уверен. Точно, ловушка. Если бы я надел перчатки и шлем, машина сразу определила бы мой родной язык. Я закрыл глаза и решил думать о новом языке.

С экрана продолжали говорить нараспев, но я уже не слушал.

Глен утверждает, что в отделении персонала Центра есть красная будка. Учителя будто бы надевают там специальные брюки и рубашку и эта одежда делает удивительные вещи с их кожей. А надев шлем, они видят такое… ну просто чудеса.

Будка стоит в специальной комнате в отделении персонала Туда позволено входить только взрослым. Глен уверяет, будто знает, кто из детей входил туда и что там показывают суперпорно. Однако он так часто врет, что я не знаю, правда это или нет. Он говорит, что Мария вешает нам лапшу на уши. Что этот фильм с ней сняли вовсе не ученики из Сандму. Снимки слишком похабные. Я киваю и смотрю с усмешкой на Глена: мол, я надевал шлем и смотрел фильм с Марией.

Я пытаюсь узнать его настоящее имя, но пока ничего не раскопал. Телефонного каталога здесь нет, Сара, все заложено в компьютер, но на самом деле это обычный телефонный справочник. Я искал по всему острову, но здесь нет никого по имени Петер Фем. Я много раз пытался выяснить, но под конец перестал. У него наверняка секретный номер телефона, а может, и секретное имя. Даже не знаю, как его искать, Сара, но не думай, что я брошу это дело. Просто я здесь еще не совсем освоился. Подожди немного, я все равно его найду.

Здесь все пытаются обмануть меня. Но я знаю, для чего приехал сюда. Им никогда не удастся меня провести.

Сара, на уроках математики и грамматики мы учим что-то странное. Мы проходим историю порнографии. Мы должны смотреть на экран, и с моими глазами творится что-то чудное. По вечерам они сильно чешутся. Это ужасно противно, приходится все время тереть их. Я лежу в постели и тру глаза, будто по ним семенят тысячи крошечных, невидимых ножек. Но чеши не чеши — не помогает. Один раз Амалие увидела, что я тру глаза, и спросила, в чем дело. Она спросила так участливо, что я рассказал ей про эту чесотку. Через несколько дней в Сандму приехал глазной врач, высокий человек с кустистыми бровями. От него пахло мужским одеколоном. Руки у него были влажные. Он потрогал мое лицо и глаза и задал много вопросов. Я смотрел на таблицу с разными буквами, но думаю, дело тут вовсе не в моем зрении. Он сказал: «Прекрасно, прекрасно». Он велел мне смотреть в тонометр и окулометр. Это было не больно. Врач все время что-то бормотал. Он сказал, что роговица не воспалена, хотя я мало что из этого понял. Мои роговица и радужная оболочка — в порядке. От cantus lateralis до cantus medialis[18]. Он засмеялся и потрепал меня

[18] Примечания: 18
От внешней до внутреннем границы *(лат.).*

по голове. И все-таки глаза у меня чешутся, просто сил нет терпеть. В тот вечер я лежал и думал, как мне избавиться от этой хворобы. Я думал об этом долго и под конец понял. Я должен найти Петера Фема, даже если для этого мне придется совершить преступление. Стоит разыскать его, как все будет по-другому.

Однажды утром во время завтрака я спросил одного мальчика из нашего класса, когда растает снег. Он как-то странно посмотрел на меня.

— Растает? — спросил он. — Нет, он никогда не растает.

— Но ведь придет весна.

— Нет, весна не придет, но это не беда, ведь со снегом тоже хорошо. Зима — мировое время года.

Я не знаю, Сара, правда ли, что может быть такая страна, где снег никогда не тает?

В Одере почти никогда не бывает снега. Не думай, что я это забыл. Сначала выучу хорошенько язык, найду этого полицейского и ослеплю его.

А потом вернусь к тебе.

Ты вспоминаешь иногда о том вечере, Сара? Наверное, не вспоминаешь.

Я вспоминаю об этом за тебя, так лучше. Я должен помнить обо всем, что случилось. Чувствую,

как у меня ноет под ложечкой. Кажется, это называется «интуиция»- когда ничего точно не знаешь и все же уверен, что это именно так и есть.

Я уверен, что есть какой-то знак, который поможет мне найти его.

Привет, С.

12

Что это он делает?

Стоит на голове.

Прижимает ступни к стенке, а живот к Памеле Андерсон.

Он стоит на голове и бормочет. Его губы шевелятся. Футболка сползла вниз и висит мешком на груди. Лицо побагровело. Губы шепчут.

Он рассказывает.

Говорит обо всем, что думает.

Прислушивается к собственному голосу. Стоит на голове, рассказывает и слушает.

Он — слушатель. И рассказчик.

— Стой спокойно, — говорит он, — сейчас я тебе расскажу.

«Когда-то, давным-давно, на заднем дворе появилась незнакомая девочка. Она смотрела на мое окно. На носу у нее были очки с толстыми стеклами. А я стоял и смотрел на ее ясные глаза

и темно-рыжие волосы. Она взглянула на меня, а я застеснялся и уставился на веревки для сушки белья и на небо.

Это была Сара».

Симон старается сохранять равновесие, он двигает ногами по обоям, стоит упираясь головой в пол. Ему видна обратная сторона столешницы и загорелое тело на обоях вверх ногами.

— Разве ты раньше никогда не встречал ее? — спрашивает он.

— Нет.

Сара только что поселилась в подвальном этаже со своей матерью и дядей Себастианом.

Мать была уборщицей в ратуше, а чем занимался Себастиан — знали все.

— И чем же?

— Он продавал журналы и игрушки.

— Что за журналы?

— Порно.

— Расскажи еще.

— О чем?

— О Саре.

— Что рассказать?

— Ей нравились порножурналы?

— Я не знаю.

— Что она делала, когда вы листали эти жур-

налы?

— Смеялась. Только глаза у нее смеялись. А потом злилась. Сначала смеялась, потом злилась.

А иногда наоборот — сначала злилась, потом смеялась.

— А не было так, что она смеялась, а после не злилась?

— Нет. Она смеялась, а после злилась. Или сначала злилась, потом смеялась.

— А почему она злилась?

— Не знаю.

— Что она говорила, когда злилась?

— Говорила: «Дерьмовые картинки». Ей не нравились фотографии женщин без волос.

— Почему?

— Не знаю.

— А ты?

— Что я?

— Ты любишь смотреть на такие фотографии?

— Иногда. Но после меня тошнит.

Симон знал, что кровь скопилась у него в голове, как дождевое облако. Он зажмурил глаза и снова стал говорить:

— Днем ее мать работала в ратуше. Мы с Сарой сидели за кухонным столом, складывали монопольку и листали ее книжки. Лицо Сары

морщилось в хитрой улыбке. Тогда она становилась похожей на симпатичную уродку.

— Симпатичную уродку?

— Да, на хорошенькую уродку.

— Всегда?

— Нет, только когда ухмылялась. А иногда мрачным тоном говорила: «Хочешь полистать журналы Себастиана?»

Она улыбалась так широко, что показывала все зубы. Я кивал. Каждый раз, когда она говорила про шкаф Себастиана, я умолкал. Я не знал, что ответить. Два раза она открывала этот шкаф, но мы не осмеливались брать журналы. Боялись, что ее мать придет с работы раньше и застукает нас. Ведь мать Сары иногда сильно злилась.

Симон открыл глаза и уставился прямо перед собой на перевернутую вверх тормашками комнату. Из его груди вырывался то резкий, то ласковый голос. Резкий голос звучал деловито и высокомерно. Он то повышался, то падал легким дождичком. Ласковый голос прятался под гласными, поворачиваясь спиной к резким углам согласных. Симон, снова зажмуривая глаза, зашептал. Вначале звучал резкий голос, всегда вначале.

— Хочешь?

— Чего?
— Посмотреть.
— Немножко.
— Что с твоим животом?
— Ничего.
— Не жжет?
— Немножко.
— Крутит в животе?
— Чуть-чуть.

Мы прокрадывались на носках из гостиной в спальню ее матери и Себастиана. Сара знала, где лежит ключ: в ящике прикроватного столика, под картиной с Моисеем на Синайской горе. Мы садились перед коричневым шкафом. Смотрели друг на друга. Когда она поворачивала ключ в замке, я чувствовал, как у меня внутри что-то сжимается. Левая дверца открывалась. Сара смеялась и покусывала нижнюю губу. Она всегда так делала, когда речь шла о чем-то муторном.

— А что было муторного?
— Я не знаю.
— Почему, почему?
— Потому, что меня начинало мутить.
— Ты был влюблен.
— Меня тошнило.
— Влюблен, влюблен.

— В животе просто огнем жгло.

— Ха-ха!

— Заткнись.

— Я смотрел на ее тоненькую веснушчатую руку, которая открыла шкаф, достала из него большущий конверт и положила на пол между нами.

Она осторожно вытащила два журнала. На первой странице одного из них была фотография рыжеволосой женщины со здоровенными «буферами».

Она стояла перед зеркалом и смотрела на свои причиндалы. Вид у нее был такой, словно она удивлялась, что это ее сиськи. Женщина улыбалась с открытым ртом, но я не мог понять, чему она улыбается, ведь она знала, что это ее «буфера». В середине страницы та же самая женщина лежала в лодке, раздвинув ноги. Между ног у нее сидел молодой парень ***с*** высунутым языком. Сара закрыла журнал и взяла другой. На первой странице фотографии были еще похлеще. На снимке вроде бы был кабинет зубного врача, хотя творилось здесь что-то странное. Врач сидел на стуле. Пациентка — веснушчатая женщина со здоровенной задницей — сидела верхом на враче. Она улыбалась, с зубами у нее, казалось, было все

в порядке. У нее были тоненькие, как мышиные хвостики, косички, и лицом она походила на маленькую девочку. Мы уставились на ее зад. Он был просто огромный. «Слово» зубного врача было нацелено на живот пациентки. Мы переглянулись. Сара перевернула страницу. На другом снимке пациентка сидела на стуле и показывала зубному врачу свое «слово». Ее «слово» было без волос, оно блестело. Зубной врач весь сиял, глядя на безволосое «слово».

— Фу, какое дерьмо.

Мы сидели и смотрели на фотографию, на черную бороду врача и на пациентку.

— До чего противно, когда у взрослых нет волос, — прошептала Сара.

Она деловито кашлянула, как взрослая женщина, и спрятала конверты в шкаф. Лицо у нее сморщилось, тоже как у взрослой, похоже было, что она побаивается. С минуту она посидела молча, потом повернулась ко мне:

— Как тебе это, Симон?

— Не знаю.

— Скажи по-честному.

— По-честному?

— Нельзя по-настоящему дружить, если не будешь честным.

Я кивнул. Она пристально смотрела на меня. Я ответил:

— Мне кажется, противно, когда у взрослых нет волос.

— Ты врешь.

Я опустил глаза и посмотрел на свои носки — один коричневый, другой синий. Утром я этого не заметил.

Она оттолкнула меня и встала.

Я посмотрел на нее. Она слабо улыбнулась.

Мы пошли в кухню и снова принялись играть в монополькy. Полчаса спустя мы сложили всего «Рыцаря Синюю Бороду».

Кровь прилила к лицу, ему казалось, что в голове у него бомба. Он закрыл глаза и ждал, что она вот-вот взорвется. Возможно ли такое? Может ли голова взорваться?

Он не мог перестать. Он еще не готов. Глотнул воздух, заставил его опуститься в легкие и снова принялся рассказывать.

Резкий голос прошипел:

— Это Себастиан фотографировал?

— Не знаю.

— А как ты думаешь?

— Думаю, он.

— И что ты на это скажешь?

— Ничего.

— Может, тебе было бы интересно посмотреть, как он это делает?

— Я об этом не думала.

— Честно?

— Я не думала об этом.

— Ведь ты предлагала шпионить за ним.

— Я не знала, что он такое делает.

— И все-таки ты предложила за ним шпионить.

— Ну и что с того?

— Ты, поди, долго над этим думала.

— Вовсе нет.

— Но ты чувствовала, как жжет в животе.

— Может, чуть-чуть.

— Жгло, обжигало, правда?

— Может, и жгло немножко, но не сильно.

Он оттолкнулся ногами от стены и упал на пол. Кровь в лице пульсировала. Он лежал и дышал спокойно. Перед глазами мельтешили белые пятна. «Сейчас я потеряю сознание», — подумал он и закрыл глаза. Но он не потерял сознание.

В коридоре послышались шаги. Звуки их приблизились к двери, потом зазвучали глуше и исчезли в противоположном конце коридора. Из другого крыла здания послышалась музыка.

Наверняка кто-нибудь из старших ребят отворил окно. До него донеслись приглушенные голоса. Окно закрылось, музыка смолкла.

Он подошел к стене. Памела Андерсон. На левом плече у нее прилипло несколько песчинок. Ногти длинные и острые. На правый глаз упал светлый локон.

Он встал на колени и прижался лбом к полу. От пола пахнет пылью. Сделал кувырок вперед, встал в стойку и уперся ногами в стену.

Он рассказывает.

Рассказывает все, что помнит. Он слушает свой голос.

Она все время читала про Вселенную. Два года она мечтала, чтобы ей на день рождения подарили телескоп. И наконец мать накопила денег и на тринадцатилетие купила ей старый телескоп. По вечерам перед сном я говорил себе: «Пусть у Сары будет телескоп». Мы были друзьями, и потому я хотел, чтобы у нее был телескоп и чтобы мы могли смотреть в него. Я вовсе не был влюблен в Сару, просто хотел, чтобы у нее был телескоп и чтобы мы могли видеть Вселенную. Мне хотелось, чтобы она получила все, о чем мечтает, а еще я хотел, чтобы она не жила вместе с этой скотиной Себастианом, у которого такие странные глаза.

Черная дыра — это самое странное явление в космосе.

Она хорошо рассказывает.

— Ведь ты знаешь, что такое сверхновая?

Она строго посмотрела на меня, и я ответил:

— Это взрыв звезды.

— Взрыв звезды?

— Да, или…

Я стал думать изо всех сил. Боялся ошибиться. Ведь тогда все пропало бы.

— Новая — это… когда звезда начинает светиться в тысячу раз сильнее прежнего. Но это продолжается недолго. На самом деле это означает, что она умирает.

Сара молчит, значит, я не ошибся.

— А сверхновая — это… это… двойная система.

— Бинарная.

— Ммм… или две звезды. Одна из них больше другой, поэтому она быстрее становится красным гигантом. Потом большая звезда начинает отдавать часть себя маленькой, и тогда маленькая становится большой, а большая маленькой. Маленькая становится красным гигантом и начинает уменьшаться, отдавая себя той, что сначала была больше нее. Под конец выделяется так много углерода и водорода, что они обе взрываются с

огромной силой и светят в четыреста миллионов раз сильнее, чем Солнце.

Я продолжал:

— Сверхновая другого вида просто умирает. Сначала…

— Ну хватит!

Она успела выпить пакет сока. Мы поднялись с поребрика и опять пошли вниз по Мар-кусгатен. Сара без умолку болтала:

— Представь себе звезду такую большую, что она не может взорваться, как сверхновая. Знаешь, когда она теряет силу, то постепенно уменьшается, съеживается, становится все меньше и меньше, плотнее и плотнее. И тогда она начинает вращаться все быстрее и быстрее, так ведь? И однажды она достигает скорости света, и тогда от нее уже не исходит свет, потому что быстрее света нет ничего в мироздании.

— А что с ней происходит потом, Сара?

— Я рассказывала тебе об этом уже сто раз.

— Ну расскажи еще, ладно?

Всегда одно и то же, я всегда должен уговаривать ее.

— Звезда создает вокруг себя запретную зону, понимаешь? Ничто, абсолютно ничто не может покинуть это пространство. Это просто нере-

ально.

Я смотрел на ее темные глаза.

— Звезда образовала черную дыру.

Мы постояли на месте.

— Но мы не можем видеть черные дыры. Мы только замечаем, что они существуют.

— Замечаем?

— Да, потому что они ***влияют*** на окружающие вещи. Понимаешь, если что-то перейдет границу черной дыры, оно никогда не вернется назад, а останется в черной дыре навсегда.

— А что там происходит?

— Этого никто не знает. Потому что внутри дыры законы природы не действуют.

Мы вернулись во двор дома, где жили. На лестнице она остановилась, вытянула шею, опустив худенькие плечи, и сказала, словно утешая меня:

— Но знаешь, Симон, кое-кто думает, что вещи, исчезающие в черной дыре, могут вынырнуть в белую дыру где-нибудь в другом месте галактики. Разве это не удивительно?

Я кивнул и улыбнулся, мне захотелось прижать ее к себе, хотя мы были только друзьями. Тут мать позвала ее резким голосом из подвального этажа, и Сара помчалась вниз и ни разу не оглянулась.

Вечером я думал о вещах, которые плавают

в черной дыре, и о том, как они выныривают в белую дыру где-то во Вселенной.

— О чем, по-твоему, Сара думает вечером?

— Наверное, о Вселенной.

— А может, о Себастиане.

— С какой стати ей думать об этом прохвосте?

— Может, она думает о нем, потому что он сел к ней на кровать.

— У него своя комната. Он спит там вместе с ее матерью.

— Может, ему одиноко. Может, ее мать работает вечером.

— Сара не станет думать о нем, даже если он сядет к ней на кровать.

— Но если он начнет приставать к ней, то ей придется думать о нем.

— Почему этот мешок с дерьмом будет приставать к ней?

— Потому что у нее такая красивая кожа. На коленях и на животе.

— Сам ты тоже мешок с дерьмом.

— Я просто говорю: «может быть».

— Может быть.

— Может быть.

Он отталкивается от стены и лежит неподвиж-

но.

Он пытается не думать. Он не хочет больше рассказывать. В этом нет никакого толку.

13

Саре.

Вчера и сегодня я долго думал. Мысли мои были унылые. Я думал, что, возможно, никогда не найду того, кого ищу; никогда не выберусь отсюда и не увижу тебя, маму и Одер.

Мысли у меня были печальные, но, к счастью, я не вспоминал о полицейском, о том, что произошло тогда в Одере, и о том, что случилось с тобой, когда мы от него убегали.

Я встал из-за письменного стола и подошел к плакату с Памелой, стоял и размышлял, что должен придумать, как остановить эти мысли. Я ударился головой о стену — три раза, четыре, но ничего не изменилось. Тут я понял: чтобы заставить старые мысли исчезнуть, надо думать о чем-нибудь новом.

Я стоял неподвижно, прижав лоб к ногам Памелы. Я почувствовал легкий запах песка. В коридоре послышались голоса двух учителей. Они говорили о том, что нужно натереть пол в их квартире. Мне хотелось забыть свое прежнее

имя. Тот, кем я был, должен замереть, а потом исчезнуть.

Я решил это стоя, прижимаясь к стене.

Я возьму другое имя. Не хочу быть Симоном.

Амалие научила меня работать на компьютере. Я играю с разными программами. Теперь я уже довольно много знаю о П., о знаменитых телестудиях, о фотографах и фотографиях, которые они делают и продают по всему миру. В одной программе я видел фасад Визуального министерства, посмотрел на все отделы и узнал, как работают чиновники и редакторы. В другой программе я увидел фасад полицейского управления. Прежде чем войти в здание, я должен был закрыть глаза. Там много отделов. Целый отдел занимается преследованием за неразрешенную порнографию. Я прошел по коридорам, прочитал имена на табличках, посмотрел на фотографии, послушал интервью с начальниками и шпиками. Они говорили очень спокойно — похоже, у них нет никаких проблем.

Я не нашел его.

Каждый раз, когда включаю компьютер, я вижу лицо Марии. Кожа у нее светлая, мочки ушей длинные.

— Добро пожаловать в Телеполис.

Мария улыбается. Телеполисом она называет компьютерный мир.

— Телеполис справедлив, чист и современен, — шепчет Мария. — Ты готов? — спрашивает она.

Я пристально вглядываюсь в ее лицо. Под конец я вижу только красивый рот, шевелящиеся губы. Слушать ее голос приятно.

В Телеполисе люди могут беседовать, спорить и любить, не вставая со стула, говорят губы Марии.

Чуть погодя я перестаю слушать ее болтовню. Она уговаривает меня надеть шлем и перчатки, но я не подчиняюсь. Она повторяет одно и то же много раз. Я отворачиваюсь.

В Телеполисе рекламируют красные будки. На каждой будке стоит номер. Ты можешь выбирать по своему вкусу, получить любое удовольствие. Стоит тебе напялить на себя специальную одежду, надеть шлем, и ты будешь счастлив. Глен объяснил мне, что там происходит. Он говорит, что эти развлечения очень дорогие, побывав в таких будках, можно запросто обеднеть. Я перевожу взгляд с экрана на Амалие. Она сидит посреди классной комнаты. С ее наушников, извиваясь, свисают провода. Они падают ей на живот. Амалие молодая, у нее большие уши. Мальчишки шепчутся. Они смотрят на ее задницу.

— Настоящее стойло для жеребца, — шепчет Глен, когда она плавно проходит между рядами парт мимо нас.

Каждый раз, заметив, что кто-нибудь из учеников разговаривает, она ставит черточку в классном журнале. Если получишь три черточки, тебя потащат в подвал и сунут твою голову в ящик с картинками. Никто из нас не любит сидеть в подвале, сунув голову в эту машину. Это не больно, но потом не можешь думать ни о чем, кроме этих картинок. Амалие хочет, чтобы нам нравились картинки, но не хочет, чтобы мы говорили про порнуху и щупали девчонок.

— Смотри, но не трогай, — говорит она.

И я вспоминаю тетю Элену и ее поговорки.

Амалие учит нас, как обращаться с компьютерами. Пальцы у нее мягкие. Если мы чего-нибудь не понимаем, она нам объясняет. А я многого не понимаю, ведь раньше у меня не было компьютера. Амалие часто подходит ко мне. Глен говорит, что я либо тупой, либо похотливый козел. Я не отвечаю и даже не смотрю в его сторону, но уши у меня начинают гореть. Амалие почти все время сидит за своим компьютером. Говорит полушепотом. Она дала мне ушные пробки и показала новую программу. Она помогает мне

учить новый язык. Вечером я лежу на кровати и повторяю слова. Амалие приглашает меня играть по вечерам в баскетбол вместе со всеми, но мне больше хочется рисовать или учить язык.

Сегодня я листал телефонный каталог Телеполиса и нашел имя, которое мне понравилось. На большой переменке я подошел к Амалие и еще одной учительнице и сказал, что я нашел имя. Они с удивлением уставились на меня, вытаращив глаза:

— Имя?

— Да, имя.

— Я хочу, чтобы вы звали меня Тобиасом, — сказал я и вышел из комнаты.

Мне нравится, как звучит мое новое имя. Ведь это первое имя, которое я для себя выбрал. Мне кажется, оно звучит как-то таинственно. Тобиас. Тоооообиииииаааас. Как завывание привидения. И это здорово.

Я стал рисовать свой портрет слабыми карандашными штрихами. Мне показалось, что он получился похожим. Я подержал листок с портретом против света. Глаза на портрете светились. Я подписал рисунок: «Тобиас». Затем показал портрет Амалие.

— Молодец, Тобиас, — сказала она и посмотре-

ла на меня.

Что означал ее взгляд — я не понял.

Теперь они никогда не узнают, как меня зовут на самом деле.

Я не очень-то часто играю с другими учениками. Двое мальчишек, Йон и Кристер, бросают в меня снежки. Когда мне неохота играть, я иду в свою комнату. Амалие стучит в дверь, но я не отворяю. Она знает, что я учу новый язык, и оставляет меня в покое. Я сижу в комнате и учусь рассказывать истории. Мне придется рассказать им что-нибудь, если они станут спрашивать, что я делал до того, как попал в П. Но я сумею наврать.

— Ты готов?

Однажды вечером я сделал то, о чем просила Мария. Когда она велела надеть шлем, очки и перчатки, я послушался, несмотря на то что не хотел это делать. Я должен рассказать тебе обо всем, Сара. Она лежала на кровати. Казалось, будто я нахожусь в одной комнате с ней. Я уставился на цветы, стоящие рядом с кроватью. Я дотронулся до ее ноги, она была теплая.

— Ложись рядом со мной, — сказала Мария.

Кожа у нее была блестящая, а «буфера» стояли как цеппелины, которые вот-вот взлетят в небо. Вдруг у меня сильно зачесались глаза. Я снял

шлем, положил его под подушку и не стал прислушиваться к ее голосу.

Я не знаю, Сара, почему остальных детей держат в Сандму. Некоторые мальчишки грубые и нахальные, в особенности Глен. Однажды он ударил другого мальчика ногой по голове; а у девочки, которую зовут Сив, болезнь мускулов. А про одну большую девчонку говорят, будто она была беременна от своего дяди. Как-то раз я играл с Сив в настольный теннис. Она не сильна в спорте и во время уроков физкультуры из-за своей болезни может играть только в настольный теннис, и кто-нибудь должен с ней играть. Вчера играл я. В настольный теннис я играю так себе, и она выиграла. Один учитель вышел из отделения персонала и спросил, нравится ли нам игра. Сив сказала: «Да», а я кивнул. Он спустился по лестнице в плавательный бассейн, забыв закрыть за собой дверь. Мы с Сив переглянулись, она улыбнулась, и мы вошли в отделение персонала, хотя это запрещается. Там мы увидели длинный коридор с кабинетами по обе стороны. Мы вошли в телевизионную комнату, в которой было окно, выходящее в коридор. Потом прошли через рабочую студию, где на стенах были развешаны фотографии в рамках. Я открыл красную дверь, и

мы вошли в какую-то комнату. Посреди комнаты стояла будка, и мы подошли к ней. Будка высотой в два метра тоже красная, с блестящей ручкой. Я потянул ручку, и дверь открылась. С потолка на шнурке свисал шлем. На вешалке были рубашка и брюки. Сив засмеялась, вошла в будку и надела шлем. Я смотрел на ее рот, видневшийся из-под края шлема. Он открывался и закрывался.

Потом машина засвистела, зажегся световой сигнал. Сив пулей выскочила из будки.

Мы вернулись в комнату с настольным теннисом. Никто нас не хватился. Мне пришлось дать Сив клятву, что я никому ничего не расскажу. Но я не обещал, что не буду писать об этом.

Не знаю, что Сив видела в шлеме. Но когда она выскочила из будки, лицо у нее было какое-то странное.

Я спросил у Амалие, как долго меня будут держать в Сандму, в ответ она лишь улыбнулась. Ее длинные уши шевельнулись.

Я устал, Сара, кончаю писать.

Привет астронавту. С.

14

Автобус стоял в тени левого крыла Реабилита-

ционного центра. На борту был наклеен плакат с фотомоделью Наной. В автобусе сидели дети, двадцать четыре человека. Долгое время автобус ехал по незнакомой ровной местности мимо лугов и полянок, на которых не было ни коров, ни птиц. Вдалеке виднелись крестьянские усадьбы с садами, огороженными заборами. Тобиас сидел и смотрел на черные проталины. Солнечный свет вызывал в зрачках крошечные взрывы. Он *думал* о своей маме Веронике, о ее гримерном столике, пахнущем кремом. Сквозь потрескавшееся стекло окна в спальню мамы в Одере проникали солнечные лучи. Они ложились светлыми полосами на пол. Он представил себе лицо Вероники, как она сидит за туалетным столиком и улыбается ему в зеркале.

Впереди него в автобусе сидели две девчонки с тоненькими косичками, в одинаковых облегающих футболках. Между брюками и футболкой у них виднелась полоска белой кожи. Он посмотрел на два пупка. Девчонки были абсолютно одинаковые. Животы у них тоже были одинаковые. Но пупок у одной был меньше, чем у другой. Его раздражали их усмешки. Тобиас был уверен, что им хотелось нагнуться, зажмуриться и поцеловать его. Он видел это по их глазам. Но у них не

хватало смелости. Трусливые девчонки. Вместо этого они сидели и смеялись над ним, перешептываясь так, чтобы только он мог их слышать:

— Ты нравишься ему…

— Нет, это ты нравишься этому растяпе…

— Да нет же, он на тебя глаз положил…

Он делал вид, будто ничего не слышит. Сидящий рядом с ним паренек играл на компьютере, вставив в уши пробки. В игре шла речь о рыцаре, драконе и исчезнувшем мече. Хихиканье девчонок было просто невыносимо. Тобиас заткнул уши, но они засмеялись еще громче. Катрине Лю обернулась и шикнула на них. У него защипало в глазах. Он потер их обеими руками. Может, он вовсе и не нравится девчонкам. Может, им даже хочется плюнуть в него. Тобиас уставился на спину шофера.

Он поглядел в окно, потом прищурил глаза. Пейзаж вибрировал — голая земля, шоссе, бурная река. Автобус повернул налево и пополз через мост со скоростью улитки. Вдоль дороги поодаль друг от друга стояло несколько деревянных домов. Катрине Лю встала, подошла к шоферу и что-то сказала ему. Потом взяла микрофон и начала рассказывать о живописной деревушке Ф., о местном музее, расположенном в березовой

роще на берегу бурной реки.

Они спустились вниз по склону поросшей травой горушки к деревянному дому, в окнах которого поблескивало солнце. На лесенке Катрине Лю остановилась и стала рассказывать о музее.

— Когда-то здесь был центр лесосплава. Сюда привозили лес и сплавляли бревна по реке в город, — сказала она с ностальгией в голосе.

Ученики тупо смотрели на Катрине. Симон стоял позади двух девчонок, которые ржали в автобусе. У одной из них он заметил на шее родинку. Она повернула голову и скорчила гримасу. Девчонки снова начали с ним заигрывать. «Я могу повернуться и уйти, — подумал он, — слинять и не вернуться». Но ему хотелось, чтобы сначала эти две девчонки обернулись и, закрыв глаза, поцеловали его. А он сделал бы вид, что ничего не заметил, что прикосновение их губ для него все равно что затхлый воздух.

— С древних времен, — продолжала Катрине Лю, — жители Ф. рождаются красивыми. — Она говорила нараспев, словно рассказывала сказку. — Дома здесь были такие же прекрасные, как окружающая их природа.

Катрине подняла руки, показывая на деревья, потом опустила их, указывая на реку, мелодично

журчавшую под ними.

— Торговля лесом прекратилась, моторные пилы ржавели в лесопильне. Жители Ф. пали духом, пришли в отчаяние. — Катрине посмотрела на учеников: — В одно прекрасное утро к местному инспектору пришел человек по имени Конрад Вейман. Он сказал, что хочет снять здесь комнату. На другой день он привез сюда компьютер и письменный стол. И в этой комнате Конрад Вейман написал книги, которые изменили эту деревушку и весь наш остров.

Катрине улыбнулась и подала ученикам знак, что они могут войти в музей.

Дети стали протискиваться в узкую дверь.

В темном помещении пахло деревом. Потрескавшиеся деревянные половицы мирно скрипели под ногами учеников, создавая ощущение глубокой древности. Тобиас провел ладонью по шершавой поверхности стены. Занозил палец, но это вызвало не боль, а приятное ощущение. Он посмотрел вверх. Под низким потолком висел экран. Ученики столпились в центре комнаты, у стола с компьютером. Катрине стояла с невозмутимым видом, скрестив руки.

Тобиас забыл про девчонок в футболках; он больше не думал о жировых отложениях на

спине, о родинках, о пупках, о плохом запахе изо рта. Он стоял рядом с Катрине и слушал.

— Мы послушаем его рассказы после того, как я закончу.

Ученики тяжело вздохнули, кое-кто даже тихонько застонал.

— С давних пор местные селяне жили обособленно, — сказала Катрине, глядя куда-то в пространство перед собой.

Тобиас посмотрел туда же и увидел, что она читает текст на экране под потолком.

— В одном из местных преданий говорится, что с самого начала человек в рыбацкой лодке был не таким, как нынче. Он был самим собой и одновременно кем-то другим; он был рыбаком и крестьянином, водой и камнем, морем и небом. Тем, кем хотел быть.

: Катрине повысила голос, и в старом, темном доме он приобрел иное звучание. Она читала текст на экране:

— Много сотен лет местное население кормилось рыболовством и лесоторговлей. Но постепенно река и лес изменились. Рынок требовал новых продуктов и услуг. Прошло несколько лет, и слухи о тяжелых временах стали действительностью. Теперь мы знаем, что большие

перемены произошли благодаря одному человеку. Сегодня его именем названы телеканалы и автострада! — Катрине моргнула и посмотрела на Тобиаса. — Конрад Вейман родился в семье, обычной для Ф. Он уехал в город, чтобы получить образование, сдал экзамены и поступил в университет. Некоторое время он путешествовал по Европе. В Амстердаме, в антикварной лавке, он прочел книгу, написанную человеком по имени Ньюман. Книга заставила Веймана забыть о себе. Читая ее, он ощутил, что мысли, приходящие ему в голову, кто-то внушает ему против его воли. Описание какой-то дороги, брошенной машины и неизвестного человека в роще было полно таинственных слов и непонятных названий. Невозможно было оторваться от этой, казалось бы, бессмысленной истории, и, прочитав книгу, он стал перечитывать ее снова и снова, утратив чувство времени, забыв, где находится.

Прошло немало часов, прежде чем он смог оторваться от этого небольшого рассказа. Вернувшись в свой отель на канале в Кайзерграхте, он сел за компьютер и напечатал: «Это нельзя запомнить. Смысл не в том, чтобы это вспоминать. Все так просто, что запоминать не следует. Нужно проглотить и забыть. Когда я понял это, действи-

тельность стала для меня сном». — Катрине Лю поглядела на учеников и снова уставилась на экран: — Конрад вернулся в родную деревню, в голове у него зрели ценные мысли. На острове все оставалось по-прежнему. Шоссе и мусоровозы, неподвижные рыбачьи лодки, запах ворвани в Красной гавани, пыль на окнах и затхлая вода в скрипучих кранах. Все было как прежде. Незаметно Конрад словно растворился во всем, что видел на острове. И под конец разница между тем, что он видел, и ним самим исчезла.

Конрад сидел вот в этой комнате и писал незатейливые рассказы. Они становились все более и более простыми. Под конец стали такими короткими, что состояли всего из нескольких предложений. Но те, кто читал его рассказы, не могли от них оторваться. Они перечитывали их часами. Однажды к Конраду пришел человек по имени Рубен. Он уговорил его продать эти рассказы. Они вместе основали общество. Рубен сказал: «Твои рассказы обладают силой притягивать к себе. Я их не запоминаю, но они оказывают на меня влияние, они трогают меня. Я хочу делать рисунки, снимки и фильмы, которые так же воздействуют на людей. Пусть на них смотрят и забывают. И вскоре весь этот остров изменится».

И перемена произошла. Появились экраны, новое освещение, магазины, фильмы и программы, начался экспорт рассказов. Жители Ф. уже не были больше рыбаками и лесорубами. Они стали производителями и потребителями.

Вскоре слава о преуспевании здешних поселян широко распространилась. Конрад и Рубен переехали в столицу острова и расширили свое общество. Теперь все захотели рассказывать истории. Столицу П. с этих пор стали в шутку называть Порнополисом, а жителей этого города — порнополисянами.

Ученики засмеялись.

Тобиас слушал Катрине Лю, но не верил ни единому слову. «Чепуха, — думал он, — это просто сказка, в ней нет ни грамма правды, одно вранье». Тобиас был уверен, что не было никакого Конрада Веймана, а если даже и был, то все, что он рассказывал, тоже вранье. Невозможно писать рассказы, которые никто не в силах запомнить.

Он подумал об этом и забыл, о чем думал. Ученикам позволили осмотреть экспозицию музея. Тобиас прочитал рассказ Конрада про женщину, которая вошла в какой-то дом, погладила сидящего на столе кота и увидела кого-то в зеркале. Тобиас перечитал рассказ про женщину, кота и

зеркало много раз подряд, но когда он вышел из музея, то помнил лишь шевелящуюся в зеркале руку.

По дороге назад в Сандму Тобиас уснул. Он проснулся, вздрогнув всем телом, и в замешательстве уставился на окна Реабилитационного центра. Рядом стояли те две девчонки и корчили рожи. Он привстал и почувствовал, что его брюки плотно обтянули тело. Он взглянул на живот и ляжки. Брюки прямо-таки прилипли к коже, и он был вынужден снова сесть.

У него закружилась голова, он закрыл глаза, лицо горело.

На ужин был суп с брокколи. В тарелке плавали кусочки овощей. Тобиасу не хотелось есть. Он смотрел в окно на сторожа у парковки, который стоял, прислонясь к стеклу машины. Тобиас поднялся и вышел в коридор, прокрался мимо конторки сторожа и открыл дверь. Сторож опять забыл запереть дверь. На столике у стены стоял телефон. Тобиас подошел к нему, посмотрел на кнопки, снял трубку и набрал код Одера, который узнал накануне по справочнику. Он набрал номер Сары. Прислушиваясь, он напряженно смотрел на аппарат. На линии что-то потрескивало. Он стоял на носках, наполнив воздухом

легкие. Послышался гудок. Кнопки на телефоне были белые и черные. Он попробовал смотреть на цифры, составляющие номер телефона Сары, на одну за другой. Сколько времени потребуется, чтобы молниеносно разобраться в них, переводя взгляд с одной цифры на другую? Две минуты? Десять? Что сказать ей, если она дома?

— Алло.

— Это Ян, из школы.

— Кто?

— Ян из школы.

— Сара еще больна.

Он стоял, прислушиваясь к голосу матери Сары. Что там еще за звуки? Работает пылесос или ревет проезжающая по улице машина? Может, у них открыты окна? Может, генеральная уборка? Мать Сары вечно что-то моет и стирает.

— Что?

— Она все еще больна.

— Что?

Он хотел спросить, не простудилась ли Сара, не грипп ли у нее. Может, у нее ангина или болят уши. Ему хотелось сказать, что он тоже болен. Что у него воспаление глаз или несварение желудка и тошнота. Нет, нужно придумать какую-то серьезную болезнь, может, даже смертельную.

Он открыл рот, но тут щелкнул рычаг, мать Сары положила трубку. Телефонный гудок отозвался болью в ухе.

Ночью он проснулся оттого, что у него было ужасно сухо во рту. Язык приклеился к нёбу, а зубы казались каменными. Он нагнулся над умывальником и стал пить воду. Выпил столько, что живот надулся, как воздушный шар. Он снова лег в постель, но заснуть не мог, думая о том, о чем не хотел думать. Только начинал засыпать, как перед ним возникало лицо Петера Фема. Он стоял перед камерой в своем ателье в Одере. На нем был темный костюм, начищенные ботинки блестели. В руке он держал птичье перо. На полу перед ним лежала Сара. Фем нагнулся над голым телом девушки и стал щекотать ее ноги и живот. Сара хихикала и увертывалась от перышка. На глазах у нее была повязка. Она не знала, кто ее щекочет длинным пером, и вертела задом. Потом Фем стал фотографировать ее обнаженное тело. Симон почувствовал жжение в ляжках, словно их нагрело солнцем, и сунул руку между ног: кожа была горячая.

Он поднялся с постели, подошел к умывальнику и ополоснулся холодной водой.

15

Привет, Сара.

Надеюсь, что ты здорова, что не болеешь. Я немножко прихворнул, но уже поправился. Теперь я в порядке. А ты? Как там выглядит все в твоей комнате? А в нашем доме на болоте? Остался ли Одер таким, как был? Не изменилось ли наше болото? Полно ли по-прежнему звезд на небе? Есть ли у тебя новая звездная карта? Купила ли тебе мама новый телескоп на день рождения? Получила ли ты его? Увидела ли какие-нибудь новые созвездия? Звездную туманность? Черную дыру? Что нового ты узнала?

Я редко думаю о Вселенной. Думаю о многом другом. К счастью, я скоро вернусь. Осталось недолго ждать.

Во время болезни я смотрел в окно и видел на небе твое лицо. Один раз я увидел твое лицо на голубом небе над Одером. А сегодня видел его снова. Это было лицо без губ, без ушей, без глаз. Но я был уверен, что это твое лицо. Я узнал твои брови, твои волосы. Волосы падали на голые плечи. Это лицо было твое и не твое. Небо над Одером — экран снов, которых никто не видел.

Я рад, Сара, что ты в Одере. Я скучаю по Одеру,

скучаю по тебе, по нашему дому на болоте, по тете Элене и Веронике, по твоей маме и по Себастиану, в особенности по нему, по этому мешку с дерьмом. Я рад, что ты в Одере, Сара, а не здесь.

О Сандму ходят разные слухи. Можно подумать, что люди здесь ничего не помнят. Я как-то раз писал тебе, что здесь круглый год зима. Это неправда. За последние дни снег начал таять, солнце сильно пригревает, и между ослепительно белыми снежными сугробами я видел траву.

Наступила весна, и мне не к чему здесь долго оставаться. Я уеду в город и опять стану искать его. Я напал на любопытный след, но думаю еще немного подождать.

Я жду удобного случая.

Когда вспоминаю о нем, то у меня начинают болеть глаза. Я внушаю себе, что мне на него наплевать. Но он у меня в мыслях, Сара, в глазах, в крови. Он плавает во мне, как поток солнечного света. Иногда я заставляю себя думать о том, что случилось. Лежу не шевелясь и вспоминаю все до последней мелочи. Мне все время хочется подняться и убежать от этих мыслей, но я заставляю себя лежать неподвижно. Каждый раз, когда я наконец встаю с постели, мне кажется, что ничего подобного вовсе не было, что картины, которые

представлялись мне, я видел в кино.

В этом письме я пишу тебе много странного. Выброси его, когда прочитаешь, и забудь.

Что нового в доме на болоте? Протекает ли крыша? Починила ли ты старый телевизор? Может, ты приклеила к потолку звездную карту и теперь, лежа на полу, смотришь на небо?

Ну, я должен закругляться, Сара. Глаза у меня слипаются, превращаются в щелочки.

С приветом, С.

16

Привет, Сара!

А теперь я расскажу тебе о переменах, которые меня ожидают.

Не обижайся на то, что пишу тебе всякую похабщину. Здесь ничего, кроме этого, и нет, Сара.

Однажды утром я вошел в бассейн в подвальном этаже, и мне вдруг в голову пришла идея. Я открыл дверь в женскую раздевалку. Я знал, что это запрещено, и все-таки проскользнул в душ. Я стоял между разными агрегатами и ждал. Чуть погодя в раздевалку вошли три женщины — две учительницы и терапевт. Они разделись и встали под душ. Из кабинок шел пар, а я стоял и смотрел на них. Женщины намылились, и я видел, как

мыльная пена стекала между их выпуклостями. Я закрыл глаза.

Ведь я сделал это не для того, чтобы смотреть на их «дыни», а чтобы шпионить, узнать, что они говорят про учеников. Думал, они что-нибудь скажут и про меня. Они намыливались, что-то напевали, посмеивались, потом стали вытираться. А говорили они только о телепрограммах.

Потом я вернулся в свою комнату. Спрятался под кровать. Вошла Амалие и сказала:

— Его здесь нет.

Я лежал и прислушивался к стуку шагов в коридоре, к голосам. Мне не хотелось ни о чем думать. Стоило мне закрыть глаза, как я видел задницы. Я старался отогнать эти мысли. Но каждый раз, когда я закрывал глаза, передо мной выныривали голые тела Под конец они все же нашли меня. Я обрадовался, когда увидел под кроватью лицо Амалие, которая таращила на меня глаза. Вид у взрослых был решительный.

Амалие и вахтер повели меня по коридору. Я был уверен, что они отправят меня в школу на соседнем острове.

Я подумал о тебе.

Катрине Лю, в светлом костюме, сидела в своем кабинете. Все было как в самом начале.

— Садись, — сказала она.

Наступила тишина.

Потом она откашлялась и сказала, что я больше не буду здесь находиться, больше я не буду жить в Сандму.

— Ты провел здесь полтора года. Этого достаточно.

Я сидел молча и смотрел в окно. Йон, один из старших учеников, залез на дерево. Он сидел на ветке и корчил мне рожи. Его лицо было похоже на отражение в кривом зеркале.

— Ты понимаешь, о чем я говорю?

Я посмотрел на нее. Ее лицо под пышной челкой было бледное.

— Да.

— И что ты на это скажешь, Тобиас? О том, что ты больше не будешь здесь жить.

Йон засунул в рот кулак, у него был такой вид, будто он задыхается. Он вытаращил глаза. Под деревом стояли несколько девчонок. Они смеялись. Я посмотрел на психолога. Она почесывала затылок.

— Хорошо.

Катрине Лю всплеснула руками:

— Ты будешь жить в центре у приемных родителей.

Она сказала это с гордостью.

Я еле сдержал улыбку, Сара, не хотел выдавать свою радость, оттого что меня не отошлют в тюремный лагерь.

— У кого?

— Ведь ты был в столице, не правда ли?

Я не ответил, и она знала, что я не отвечу, потому что тут же добавила:

— Думаю, это хорошая семья.

Она улыбнулась, и я улыбнулся ей в ответ. Увидев, что я улыбаюсь, сидящий на дереве Йон открыл рот от удивления. Психолог посмотрела на мини-экран, и я тоже открыл рот от удивления.

— Вот, посмотри на них.

Я увидел на экране семью, в которой буду жить. Светлые волосы, голубые глаза. Две женщины, одна молодая, другая чуть постарше. Мужчина с бородой.

— Как они тебе, Тобиас?

Я пожал плечами.

Она резко встала и подошла ко мне. Я тоже поднялся с дивана. А она крепко обняла меня, и я почувствовал очень сладкий запах ее тела. В первый раз меня кто-то обнимал в этой стране. Я почувствовал себя как-то странно. Через ее плечо

я посмотрел на дерево. К счастью, Йон уже успел спрыгнуть с ветки. Он побежал по школьной площадке за девчонками. В руке у него была палка. Я удивился. Где он мог ее взять? И тут я понял. Это был черенок от граблей, и он наверняка украл его из будки сторожа. Наконец Катрине отпустила меня и подошла к письменному столу. У меня закружилась голова.

Будка стояла в подвальном этаже. Так оно и было. Йон сломал замок. Я открыл дверь. На полке стояло три ящика с инструментами. В самом маленьком из них я нашел то, что искал, — шило с тонкой рукояткой. Длиной с карандаш. Я вернулся в комнату и спрятал шило в пенале. Все получилось просто. Я подумал о глазах Петера Фема, о том, как выколю их. А потом решил думать о чем-нибудь другом.

Прошлой ночью мне приснился сон.

Я был в старой деревне, окруженной рощей. Дома в ней спали. У окон были блестящие глаза, из открытого окна с противоположной стороны улицы доносился какой-то звук. Я долго стоял и прислушивался. Это текла вода. Я запрокинул голову и уставился на небо. Голова у меня вдруг стала тяжелой. Мне сделалось дурно. «Я могу

упасть», — подумал я и осторожно подошел к окну, поднялся на носки и заглянул в него. В комнате стояла ванна. Текущая из крана вода переполнила ее и текла широким ручьем на пол и в слив под окном. Шум воды я и услышал. Тут я заметил маленькую девочку. Она сидела на табуретке возле стены. Ее темно-рыжие волосы были заплетены в тоненькие косички, свисающие на грудь. Стена позади нее была белая и блестящая, как небо над домом. Девочка сидела, широко расставив ноги, опустив голову на грудь. Ее тонкие пальцы держали хохолок. Она смотрела на него. Глаза у нее были большие, темные. Мне показалось, что она не слышит шума воды. Я посмотрел на ванну, на пол, хохолок и на ее глаза. Они были раскосые, и я подумал, что никогда не видел таких красивых глаз. Порыв ветра подул мне в затылок. Я почувствовал холод в животе. Мне вдруг стало страшно, я боялся, что потеряю сознание и упаду, и закрыл глаза. Чуть погодя я открыл их и посмотрел на девочку. На ее косички, на живот и рыжий хохолок между пальцами. Он походил на рану. Я стоял и смотрел на девочку, на ее рану, не в силах шелохнуться.

Это было последнее, что случилось со мной в Сандму, Сара.

Мне казалось, что я жил здесь ужасно долго, а на самом деле всего семнадцать месяцев. Женщины сказали, что я стал выше ростом.

А ты выросла?

Я хочу поскорее выполнить то, что задумал. А потом пойду в полицию и расскажу, что приехал из Одера и хочу туда вернуться.

Но до этого мне придется многое сделать. А сначала у меня будет новая семья.

С приветом, С.

II

17

Он прожил в семье Йонсен три дня, когда вдруг увидел в окне на небе над кварталом, где он жил, какую-то штуку — воздушный шар, плавающий над крышами домов. Нет, погодите, это было облако ровной круглой формы. На мгновение он задумался, воздушный шар это или облако, на самом ли деле все это происходит, или он попал в другой мир, где нет различия между движениями воздушных шаров, которыми управляют люди, и клубами облаков, где шары превращаются в пушистые облака, а облака управляются душами мертвых пилотов.

Мгновение он сомневался, а потом подумал: «Не все ли равно, ведь я скоро отсюда уеду». Из соседней комнаты доносился еле слышный стук шагов его приемной матери. Ее босые ноги ступали тихо, как лапы животного. «Они думают, что я останусь у них на всю жизнь. Для меня ведь они родители понашку, а они решили, что я принял их всерьез».

Когда он проснулся в первую ночь в новой

семье, то решил пройтись по квартире и посмотреть, кого же он обманул. Хозяева спали. А может, они тоже обманывают его, притворяются, будто не знают, откуда он. Он тихонько прошел, балансируя между столом и диваном. В его голову закралось подозрение: то, в чем он сейчас абсолютно уверен, скоро ему самому покажется невероятным.

А может, это его обманули.

«Я не должен так думать», — сказал он себе после того, как обошел всю квартиру вдоль и поперек, со всеми торшерами и пуфами, экранами и фотографиями в рамах, и наконец в изнеможении упал на свою новую кровать. Комнаты наполнились прозрачной тишиной, словно газом или туманом.

— Чего мне на самом деле бояться? — пробормотал Тобиас. — Нет для этого причин.

Время от времени ему мерещилось лицо Сары. Он знал, что если бы она услышала его болтовню, то странно посмотрела бы на него и он сразу бы замолчал. Но каждый раз, когда он видел перед собой Сару, ее образ тут же расплывался от тревожного предчувствия: «Ее больше нет».

— П. — страна, в которой никогда нельзя быть уверенным, что есть на самом деле и чего нет, —

сказал он. — Уж это я знаю точно. А вот в том, что ты жива, я не уверен.

Когда он говорил вслух сам с собой, противоречия в его словах становились настолько очевидными, что все превращалось в бессмыслицу.

Он замолчал.

В то утро, когда его увозили из Сандму, шел проливной дождь. Небо было затянуто дождевыми облаками. Он сидел в машине рядом с Амалие. От нее пахло потом. Когда он закрывал глаза, то представлял себе, как по ее животу течет пот. Тобиас потряс головой, но живот не исчезал. Обычно когда он представлял себе тело Амалие, то старался думать о чем-нибудь отвратительном, но сейчас он никак не мог прогнать бледный живот и пупок, которые мельтешили у него перед глазами. Машина пересекла парковку. Он посмотрел в зеркало, здание исчезло за завесой дождя. В машине царило молчание. Почему она ничего не говорит? Он покашлял:

— Тебе не кажется, что в Сандму пахнет потом?

«Какой у меня тоненький голос, — подумал он. — Я хотел бы, чтобы он был более звонкий и низкий».

Но он ничего не мог с этим поделать, и эта мысль его мучила: «До чего же писклявый у меня голос».

Амалие повернулась к нему и усмехнулась:

— Да нет, не кажется.

Он натянуто улыбнулся. Амалие печально покачала головой. Тобиасу до смерти надоел весь персонал Реабилитационного центра. Все они надоели ему. В особенности Амалие, которая сначала ему понравилась.

— С чего ты это взял, Тобиас?

Он отвернулся от нее и уставился в окно, полосатое от дождя. Они ехали вдоль озера. Посреди озера он увидел небольшой остров, а на острове — дом с трубой. Казалось, что этому озеру нет конца.

— Просто мне кажется, что в Сандму пахнет противно.

Он уставился прямо перед собой с таким видом, будто думает о чем-то очень печальном. Он часто делал так, когда хотел обмануть персонал. Амалие с любопытством поглядела на него в зеркало. О да, они всегда смотрели с любопытством на печальных и несчастных детей. А на самом деле он ни о чем не думал. Он сидел, скрестив руки на груди, уставясь на асфальтовую змею,

извивающуюся перед ним. Амалие вздохнула. А потом начала говорить. Тобиас не отвечал. Через несколько часов он расстанется с этими сварливыми тетками навсегда. Чуть погодя Амалие замолчала. Они проехали еще полчаса, и окружающий ландшафт переменился. Теперь они катили по равнине, и на горизонте Тобиас увидел полоску моря. Амалие уставилась на море. Машина медленно ехала мимо скалистого берега. Тобиас почувствовал, что его тело расслабилось. Вскоре он уснул.

Автомобиль нырнул в туннель и въехал в город. Снова пошел дождь. Тобиас проснулся.

Он смотрел по сторонам, разглядывая рекламные щиты. Дождь барабанил по асфальту. Он увидел в окне парк развлечений и прочитал на щите: «Здесь строят Порнополис». За сеткой ограждения высились две огромные скульптуры: голые Бимбос и Дудес. Между ног молочно-белой женщины мчался поезд, а у вагончиков «чертова колеса» висели волосатые яйца и вздыбленный член. Мимо них сквозь завесу дождя шурша промчалась машина. За темным окном с мелькающим дворником спала девушка. Они ехали молча. Слышался лишь шум дождя. Возле железнодорожной станции, на крыше смотровой

башни Тобиас увидел большой экран. У подножия башни стояли какие-то люди в лохмотьях. Тобиас посмотрел на них сквозь мокрое стекло. У этих бедняг ноги были обернуты пластиковыми мешками, они стояли, покачиваясь из стороны в сторону, и смотрели на экран, где молодая пара занималась любовью на крыше автомобиля. Под экраном мелькали номера, которыми люди могли пользоваться в красных будках. Амалие свернула налево от смотровой башни, помедлила у пустого перекрестка и поехала по длинной улице. Город был весь из стекла, экранов и щитов. Дома располагались вдоль широких аллей и в зеленых парках. Повсюду было чисто. На углу, прислонясь к стене, стояли два охранника в синей форме. Возле одного павильона Тобиас увидел мужчину с зонтом, смотрящего на небо и облака. Амалие остановила машину у игровой площадки с песочницей и огромной катальной горкой. Позади игровой площадки стояли полукругом жилые дома. Налево раскинулся парк с лиственными деревьями. Между жилыми домами находился мебельный магазин.

Амалие и Тобиас подошли к дому. Амалие набрала код на входной двери. На экране показалось бледное лицо.

— Мы приехали из Сандму, — сонным голосом сказала Амалие.

— Это Тобиас. Амалие привезла Тобиаса, — прозвучал вкрадчивый голос женщины с экрана.

Тобиас вошел за Амалие в лифт. У него горело все тело. Дверь лифта закрылась. «Добро пожаловать», — пропищал лифт. Амалие улыбнулась в ответ.

Лифт сказал:

— Вы приехали к Филиппу и Эве Йонсен. Они ждали вас целый день и радовались: «Сегодня приедет Тобиас!» Радовались как дети.

Послышался щелчок. Наступила тишина.

Тобиас подумал про голос женщины, и ему захотелось, чтобы его взяла какая-нибудь другая семья. Без вкрадчивых голосов и восторженных восклицаний. Которая живет в доме без лифта.

Дверь отворилась.

Внезапно он оказался в объятиях дамы. Тобиасу не хотелось обниматься, но ее руки прижали его к женскому телу, мягкие «балкончики» притиснулись к его горлу. Он с трудом высвободился из объятий. Позади стоял бородатый мужчина. Его спрятанные в бороду губы извивались, он что-то говорил басом. Тобиас повернулся к Амалие. Она смотрела на него холодно, невозмутимо.

Раскаиваться было слишком поздно.

Они вошли в квартиру. Стоя в прихожей, Тобиас начал развязывать шнурки ботинок. На стене висела большая фотография: голая женщина и голый мужчина. Тобиас взглянул на фотографию, потом на своих приемных родителей. На фотографии были они.

— Это Тобиас. А это Филипп и Эва Йонсен, — сказала Амалие.

Тобиас посмотрел на Филиппа и Эву Йонсен. Филипп положил волосатую руку на голое плечо Эвы. Тобиас посмотрел на волосы между ног. Он подумал, что это странная парочка. Взрослые разглядывали его. На приемной матери Эве была длинная хлопчатобумажная юбка с плетеными завязками на поясе. Светлые волосы она заплела в детские косички. Тобиас не мог понять, почему она строит из себя девочку. Но это его не раздражало. Лицо у нее было бледное. Круглые щеки и длинный подбородок придавали ей странный вид. Светлые глаза. Вообще-то ничего плохого. Можно сказать, очень красивая, не похожа ни на кого из тех, кого он знал. Каждый раз, бросая на нее взгляд, он испытывал чувство, будто забыл, как она выглядит. «Она, поди, думает, что у меня плохое зрение», — пришло ему в голову. Но она

ничего не сказала. Она просто улыбалась.

У Филиппа были прищуренные глаза. Рот большой и влажный. Произнося что-нибудь, он каждый раз выдвигал подбородок и несколько раз хмыкал. Тобиас не мог оторвать взгляд от его мокрого рта. Словно Филипп втягивал губами жирный суп.

— Все прошло хорошо? Как доехали? Никаких проблем?

— Никаких проблем, — ответила Амалие.

— Великолепно, великолепно!

Говорил Филипп. Эва молчала. Она слушала и кивала и все время улыбалась бледной улыбкой.

— У нас есть дочь, она на год старше тебя, понимаешь? — спросил Филипп. Он наклонился и пристально посмотрел прямо в лицо Тобиасу. — Ее зовут Луси. Она замечательная девочка. Но сейчас ее нет дома, она у своей подруги. Мы решили, что лучше встретиться нам троим и поговорить по душам, — объяснил он.

Он хмыкнул, дернул подбородком и подмигнул Тобиасу. Глаза Филиппа бегали из стороны в сторону. Он врал. В Сандму Тобиас научился определять, когда взрослые врут. Филипп врал, как ребенок. Он не мог стоять спокойно после того, как соврал. «Здорово, что я сумел это раз-

гадать», — подумал Тобиас. Приемные родители пригласили его в комнату. В углу стояли стол и четыре металлических стула, на столе — ваза с белой сиренью. Он оглядел стены. Тобиас никогда не видел таких стен. Там висели фотографии, а на них — кожа, груди, волосы, ноги, спины. Он замер, уставясь на них. И вдруг он понял, что это фрагменты фотографии, висящей в прихожей, увеличенные во много раз. Ему захотелось крикнуть: «Да это те же самые!..» Но слова застряли у него в горле. Он продолжал стоять и смотреть на них, не в силах оторвать глаз.

И тут Амалие сказала:

— Ну, я пошла. Уверена, что ты прекрасно обойдешься здесь без меня.

Тобиас резко повернулся и посмотрел на нее. Амалие растянула рот в улыбку:

— Я абсолютно уверена, что у тебя все будет хорошо, Тобиас.

Она повернулась и быстро вышла из квартиры.

Приемная мать подошла к нему вплотную и прошептала:

— Понимаешь, Тобиас, мы всегда хотели мальчика. Но после Луси у нас не может быть ребенка. У меня что-то с маткой. После первых родов я

больше не могу иметь детей.

Тобиас уставился на нее. Она ласково улыбалась, но ему показалось, что она говорит неправду.

— Может, ты не привык видеть сразу так много фотографий? — пробормотал Филипп.

Тобиас медленно покачал головой.

— Не правда ли, они красивы? По-моему, обнаженная кожа — самое прекрасное на свете.

Приемные родители засмеялись. Тобиас не знал, куда ему смотреть. Он смущенно опустил подбородок на грудь.

Холодная и влажная рука легла ему на затылок.

— В Сандму говорят, ты немного застенчив. Но не печалься. У нас тебя никто не будет заставлять говорить то, что не хочешь. Иногда из меня тоже слова не вытянешь.

Филипп потрепал его по голове.

Тобиасу хотелось, чтобы он снял руку с его головы, но он промолчал.

— Нынче летом мы делали ремонт и отделили часть кухни, чтобы у тебя была своя комнатушка с верандой.

Они с гордостью показали Тобиасу его комнату, украдкой поглядывая на него. Он пытался делать

вид, что благодарен им, но у него не получалось. Ему не хотелось никого благодарить. Они вышли на веранду и стали смотреть на парк и дорожки. Тобиас посмотрел на Филиппа и Эву. «Они боятся меня, — подумал он, — они ничего обо мне не знают». Он был уверен, что узнает о них почти все, а они о нем не узнают ничего никогда. Даже то, откуда он приехал. Он прислушался к голосу Филиппа, который не переставал болтать. Тобиас посмотрел украдкой на шею Эвы, на ее красивые уши. Он не мог не смотреть на нее.

— Я слышал, что ты хорошо рисуешь, — сказал Филипп.

Приемный сын пожал плечами.

— Эва тоже хорошо рисует. Но сейчас она больше работает с глиной. Она керамист. Ведь ты знаешь, что это такое, не правда ли?

Он посмотрел на Эву. Ее глаза блестели.

— Хочешь посмотреть мое фотоателье?

Он произнес эту фразу скороговоркой, и Тобиас подумал: «Как быстро он выпалил эти слова. Так вот, значит, почему меня прислали сюда. Именно к ним, а не в какую-нибудь другую семью. Это не случайно. В Сандму ничего не делают случайно». Он подумал о Катрине Лю. Она, поди, сказала: *«Тобиасу нужна семья, которая занимается фо-*

тографией, творческой работой». Он неохотно пошел за Филиппом и Эвой. «Теперь мне придется делать вид, будто меня интересует фотография», — подумал он и склонил голову набок.

— У тебя есть свое фотоателье?

— Конечно, — улыбнулся Филипп. — Хочешь взглянуть на него?

— Сейчас?

— Идем, Тобиас.

В коридоре между двумя спальнями и гостиной была лестница на чердак. Тобиас поднялся вслед за Филиппом по узенькой лестнице в фотоателье. Он решил, что просто сделает вид, будто ему это интересно. «Я уже здорово научился прикидываться», — подумал он.

Но когда он вошел в ателье и увидел камеры, фотолампы и снимки, свисавшие с крюков на потолке, то невольно закрыл глаза. «Потрясно! — с восторгом подумал он. — Здорово!»

Теперь он знал, как найти Петера Фема.

«Я стану фотографом, и это поможет мне отыскать его. Так оно и будет».

18

Сара!

Наконец я послал тебе все письма Отправил

их в двух пакетах на почте позади школы. На всякий случай я обошел вокруг здания несколько раз. Никто из знакомых меня не заметил. Жаль, что ты не сообразила написать наши имена на почтовом ящике, но ты все равно прочитаешь эти письма, хотя на нем и написано: «Херр Бивур». Может, мне надо начинать словами: «Милая херр Сара Бивур».

Почта находится в ветхом каменном здании. Я поднимаюсь по лестнице с железными перилами и попадаю в контору со старой мебелью. На полу лежит слой пыли, я думал, что пакеты и бандероли у них тоже валяются запыленные. За стеклянной перегородкой сидит женщина с сонным лицом. Когда я протягиваю руку с письмом, она поднимает глаза, но мне кажется, что она не видит моего лица. Думаю, она различает за заляпанным стеклом лишь белые пятна. Она приклеивает негнущимися пальцами марки на конверты и штемпелюет их. Кивает и смотрит сквозь стекло куда-то прямо перед собой. Выйдя на улицу, я вспоминаю, что не сказал на почте ни единого слова, и посмеиваюсь.

Все оказалось иначе, не так, как я представлял себе вначале.

А теперь я расскажу тебе о моей новой «сест-

ре».

Когда я в первое утро пришел на кухню, за деревянным столом сидела светловолосая девушка в пижаме с узором в красную малинку. И мне показалось, что для пятнадцатилетней девушки носить такую пижаму слишком ребячливо. Я взглянул на босые ноги, скрещенные под скамейкой, на хрупкую фигурку и посмотрел на ее лицо. У нее бледное лицо с веснушками на носу, сонные глаза и светлые волосы, падающие на плечи. Она подняла голову и промямлила: «Привет». Я что-то пробормотал в ответ. Луси посмотрела на дверь, там стоял Филипп, он сказал:

— Да, да, это и есть наша Луси.

Мой взгляд скользнул с лица Луси на ее «груши», хотя я сделал это невольно и тут же опустил глаза.

— Думаю, папа, он знает, кто я такая, — немного раздраженно ответила Луси, потом она закатила глаза и улыбнулась мне.

Я тут же улыбнулся ей, сел за стол и принялся уплетать приготовленные для меня хлопья с молоком.

Луси стала болтать, я слушал ее, не отрывая глаз от тарелки, но, как только она замолкала, незаметно косился на нее. «Может, я ей не понра-

вился», — подумал я. Но, кажется, я ошибался.

— Пепси-титька, — сказал косоглазый человек на телеэкране и стал сосать бутылку пепси, похожую на грудь.

Он хрипло засмеялся. Амалие говорила в Сандму, что вполне нормально думать иногда о «грушах». Кроме того, я не виноват, что Луси сидит в пижаме с ягодами малины.

Вошла Луси и завела разговор про школу.

— Луси проводит тебя. Не правда ли, Луси, ты проводишь Тобиаса в контору Риебера?

— Ладно.

Эва стала рассказывать про Риебера, а я думал про Одер, школу и тамошних недотеп-учителей и о том, когда я напишу тебе следующее письмо.

— Риебер — славный человек.

Луси кивнула. Я тоже кивнул.

— Они просто поговорят с тобой сегодня.

Я улыбнулся и снова кивнул.

— Надеюсь, ты не огорчаешься, Тобиас?

Я покачал головой и опять улыбнулся.

— Скажи, если боишься. Может, ты хочешь, чтобы с тобой пошел кто-нибудь из взрослых?

Я помотал головой и снова улыбнулся.

— Так ты не против, что тебя проводит Луси? Ведь она все там знает. Верно, Луси?

— Ясное дело.

— Думаю, все будет хорошо. Правда, Тобиас?

Я кивнул.

— Мама! — крикнула Луси.

Эва улыбнулась ей.

Когда мы наконец остались в кухне вдвоем, я посмотрел на ее лицо. Когда она улыбнулась, мне захотелось рассказать ей какую-нибудь невероятную историю. Мы надели куртки, и Луси сказала, что родители купили мне ранец, хотя сегодня он мне еще не понадобится. Мы спустились по лестнице, у дверей Луси остановилась завязать шнурки на ботинках.

— Это правда? — спросил я.

Она с удивлением посмотрела на меня:

— Ты о чем?

— Что ты их дочь.

Она засмеялась, но не ответила.

Моего учителя зовут Риебер, его кабинет находится в конце унылого коридора. Я поднял руку, чтобы постучать. На деревянной двери виднелись следы пинков школьных ботинок. Дверь пробормотала, что я могу войти. Но не открылась. Я наклонился, посмотрел на круглую ручку и увидел в середине маленькую дырочку, в которую был вставлен микрофон, он то и бормотал:

— Вдите.

Я пнул ногой дверь. Она со скрипом отворилась, бормоча:

— Вдите, вдитее…

За хиленьким столиком сидел учитель. Он с грустью смотрел на мигающий экран.

— Никак не могу наладить его, — сказал он и взглянул на меня. Голос у него был детский. — Ты разбираешься в компьютерах?

Он наклонил голову набок, умоляюще глядя на меня.

Я покачал головой.

Учитель прищурился:

— Новенький? Ты новенький?

Я кивнул.

— Дело дрянь. Я что-то тебя не узнаю. Мне никто не говорил, что мне дадут еще одного. Ну да неважно, это хорошо, просто прекрасно.

Он без конца нажимал на кнопку компьютера.

— Ничего не работает, — вздохнул он, потом поглядел на меня и улыбнулся.

Я должен рассказать тебе кое-что о семье Йонсен.

Каждый вечер мы с Филиппом поднимаемся на чердак и часто занимаемся часов до десяти, пока Эва не позовет нас.

У Филиппа много старых камер. Целая коллекция редкостей. Они лежат в шкафу, время от времени Филипп достает их, повозится с ними и кладет на полки. У него есть камера «Хассельблад-1600 Ф.», «Пентакс» 1957-го, «Канон-7» с линзой «Мечта» ф/о. 95. А еще у него много камер «Полароид». Мне очень нравится разглядывать эту коллекцию.

Но Филипп говорит:

— Первое, чему должен научиться фотограф, — это видеть снимки без фотоаппарата.

Однажды вечером я долго стоял возле длинной скамейки и рассматривал все, что Филипп хранит в своем портфеле. Там у него лежит альбом с его работами. Филипп делал снимки с отдельных кадров кинофильмов, снимки на природе и в городе. Долины и берега реки, башни и их архитектурные детали, дорожные машины. Но больше всего он работал с фотомоделями, вернее, с их кожей, снимал складки кожи, трещинки, дырочки. Я стоял и смотрел на освещение на снимках, пытаясь догадаться, с какой целью они были сделаны. «Разве бывают снимки без фотокамеры?» — думал я.

Я стоял, размышляя. Хмыкая, перебирал снимки и складывал их назад в портфель. Я не пони-

мал, что имел в виду Филипп, говоря: «Фотограф должен научиться видеть снимки без камеры». Филипп кашлянул за моей головой и сделал торжественный жест рукой, словно дрессировал слона в клетке. В своем ателье он обычно держится с большой важностью. В углу стоит кресло.

— Садись сюда! — Филипп нырнул в дыру в полу и чуть погодя поднялся с сундучком в руках. — Открой сундук.

Сундучок был полон книг по искусству.

— Тинторетто, Рубенс, Мэн Рэй, Пьер Буше, Хельмут Ньютон. Ооо-хо-хо! Сколько прекрасных тел! Что за красота! Это мои любимые. Я хочу, чтобы ты взглянул на них, Тобиас. Вот, например, на эту репродукцию. Дай-ка мне альбом. Смотри сюда, это Тинторетто. Картина называется «Сусанна и старцы». Сочная, эротическая живопись, ты согласен, Тобиас? Посмотри на мазки кисти. На композицию. На свет. Изучай композицию. Это единственный способ постичь что-нибудь в искусстве фотографировать. Самое важное — это композиция, геометрическое соотношение элементов.

Я устало посмотрел на раскрасневшееся лицо Филиппа:

— Ясно.

— Взгляни вот сюда! — воскликнул Филипп.

На картине голая женщина сидит в лесу на берегу реки. Сквозь зеленую листву за ней подглядывают два древних старика. На берегу стоит зеркало в раме. Женщина смотрится в зеркало.

— Давай разберем элементы, — продолжал Филипп.

Я понял, что если хочу держать фотокамеру, то должен терпеть и подчиняться Филиппу.

— Смотри сюда! Смотри сюда! — Он кричал, показывая на стариков, подглядывающих за женщиной. — Смотри на этих стариков. Что это с ними, Тобиас? Они лысые, бороды у них седые. Один стоит за стеной у подножия холма на переднем плане, так ведь? Другой — на заднем плане. Они очень похожи друг на друга, и, если расположить их рядом, можно подумать, что они близнецы. Речка, протекающая на переднем плане, отражается в зеркале.

Ты видишь это? Река и зеркало. Здесь повсюду двойственность, не правда ли? А вот здесь, на заднем плане, художник разместил две статуи. У конца стены. Все в композиции отмечено печатью двойственности. Это основной смысл картины, Тобиас. Двойственность. В природе все отражается одно в другом. И то же самое в

искусстве. Видишь ли, искусство упорядочивает природу и показывает нам ее загадочное великолепие. Здесь эту тему раскрывает женщина. Она сидит и смотрит на себя такая, какой мы ее видим. И хотя мы не видим ее отражение в зеркале, в этом и есть подлинный смысл картины, не так ли? В ее отражении, которого мы не видим. В ее обнаженной сущности. Это ее сущность, ее натура. Человек в гармоничном единстве. Разве это не удивительно прекрасно, Тобиас?

Я смотрел то на картину, то на Филиппа.

— Почему она такая толстая, Филипп?

Он поджал губы:

— Это неважно, Тобиас. В то время был другой идеал женской красоты.

— И она — идеал?

— Разумеется.

— Значит ли это, что она не жила на самом деле?

— Не знаю, Тобиас. Возможно, Тинторетто выдумал ее. Я хочу сказать, что ее не было в действительности, что она существовала только в живописи, если ты понимаешь, что я имею в виду.

— Может, в зеркале и нет никакого отражения.

Филипп перевел взгляд с книги на меня:

— Что?

— Раз ее не было в действительности, значит, она не видит никого в зеркале. Может, она так пристально смотрит в него, потому что не может там ничего разглядеть. Вероятно, потому эти мужчины смотрят на нее с таким любопытством. Ведь они тоже никогда не видели, чтобы человек не отражался в зеркале.

Филипп захлопнул альбом:

— Нет!

На мгновение он скорчил недовольную гримасу, но тут же потрепал меня по голове:

— Посиди и полистай альбом, пока я работаю. Завтра мы поговорим о Рубенсе. Вот это художник, черт возьми! Как пикантны его картины! Как прекрасны! Как прекрасны!

Каждый день я сидел на чердаке и листал альбомы Филиппа, а он в это время без конца болтал о человеческом теле, о его красоте, о прекрасной природе нагого тела. Болтал об импрессионизме, кубизме, о модернизме и постмодернизме, о традиции изображения обнаженной натуры, о пейзажной живописи, о красках, о перспективе, о гармонии формы. И само собой разумеется, о двойственности. О двойственности.

Я решил, что Филипп сам выдумал всю эту ерун-

ду, но мне на это было наплевать. Все, что я хотел, Сара, — это получить камеру и поскорее стать хорошим фотографом. Когда мы просмотрели три ящика с альбомами, все репродукции картин, он позволил мне посмотреть фотоальбомы. Я прочитал про камеру-обскуру и про дагерротип, про фотохимию, про методы проявления фотопленки. Я посмотрел на первую фотографию Ниепса, сделанную в 1826 году, — крыши домов во французском дворе. Потом он показал мне фотографии Мэна Рэя и Хармса Бельмера.

— Ты взгляни сюда, Тобиас, взгляни сюда, взгляни сюда. Эта серия называется «Domestic Nude»[19]. Идея заимствована у порнооткрыток, порножурналов. Фотографа зовут Хельмут Ньютон. Раньше такие вещи считались вульгарными, пошлыми. Люди боялись порно. Надеюсь, Тобиас, ты понимаешь, что я имею в виду.

Я посмотрел на голую женщину в туфлях на шпильках, стоящую возле стиральной машины.

— Сегодня голые тела на снимках можно видеть повсюду, не правда ли? Всем нравится порно и обнаженное тело. Сам знаешь это, хотя тебе всего четырнадцать, не правда ли, Тобиас?

---

[19] Примечания: 19
Зд.: обнаженная натура *(англ.)*.

Я кивнул и перелистнул страницу. На следующей фотографии через открытую дверь виднелось зеркало, в котором красовались груди белокурой женщины.

— Я видел однажды этот снимок в будке, — сказал Филипп.

Я почувствовал резь в глазах.

Луси порно не интересует. Она смеется над Филиппом, когда он начинает болтать о красоте нагого тела, о прекрасных телах искусства и природы и о нагом искусстве прекрасного тела.

— Как ты думаешь, что это? — спрашивает он Луси, нахмурив кустистые брови.

— Ты так и будешь все время трендеть? — отвечает она.

— Могу же я выражать свое чистое и искреннее восхищение! — возмущается Филипп.

— Неужели тебе нужно выражать его каждый раз, как только мы садимся за стол? — с кислой миной осведомляется Луси.

Филипп недовольно хмыкает, он всегда сердится, если прерывают его болтовню о картинах… и тому подобное.

У Луси есть заводная собачка. Ее зовут Альбатрос.

— Потому что она белая, — объясняет Луси.

— Странное имя для собаки, — замечаю я, — все равно что назвать пса верблюдом.

Но Луси делает вид, будто не слышит, что я говорю. Каждый день она заводит свою собаку с помощью пульта, и Альбатрос чуть ли не целый час вальсирует по комнате. А еще она гуляет с ним в парке, если погода хорошая. Потому что его внутренности не терпят воды. Иногда она смотрит телевизор, держа собаку на коленях, а Альбатрос ласкается к ней. Я приложил ухо к брюху Альбатроса, внутри у него что-то жужжит, как стиральная машина.

По вечерам Луси читает книжки о животных. У нее целая полка с фильмами, журналами и книгами о животных. Лампа освещает голубоватым светом ее белокурые волосы и платье в белый цветочек. Она сидит, не шевелясь, и читает часами. Иногда веки ее опускаются, и я пытаюсь угадать, о чем она думает. Вот так каждый вечер Луси читает, Филипп работает в темной комнате, Эва смотрит телепрограмму «Здоровье», а я сижу и пишу тебе письмо.

С приветом,

С.

19

У него больше не было ощущения, будто за ним следят. В Сандму ему постоянно мерещилось, что кто-то пялится на него электронными глазами. Это мешало сосредоточиваться во время чтения, мешало думать. Казалось, что его ни на минуту не оставляют в покое, не дают побыть одному. Каждый вечер, когда он входил в свою комнату, закрывал дверь и садился рисовать, он чувствовал, что ему никогда не удастся побыть наедине с самим собой. В семье Йонсен он знал, что за ним не следят. Он думал, это награда за то, что он выдержал испытание в Сандму. Иногда ему на мгновение приходило в голову, будто они знают о нем то, чего он сам о себе не знает. Думал, что они заметили в нем перемену, которой он не заметил. Он стал не тем, кем был раньше, хотя сам этого не понял. Они изменили его так же, как вносят изменения в роман, против воли писателя. Вставляют слово здесь, убирают слово там, и под конец произведение становится совсем другим, хотя автор уверен, что его книга осталась такой же, какой он ее написал.

Симон открывает дверь веранды, смотрит на крыши домов, на всю окрестность. Он думает об

Одере, о Саре, о Веронике, о Себастиане. Мысли путаются… Дом на болоте, развалины, школа, платье Сары, Юлия и незнакомый полицейский…

Каждый вечер он ложился в свою новую постель, в новой семье, в новом городе и рассказывал сам себе о том, что случилось за день. Бормотал. Шептал. Замолкал. Снова шептал. «Ты должен придумывать истории, — бормотал он, — если ты не будешь рассказывать им разные небылицы, ***они*** решат, кем ты станешь. Ты можешь, например, рассказать им историю о…» Он сам не знал. Понятия не имел, что рассказывать. Он сочинял разные истории, но не мог сделать так, чтобы они звучали правдиво. Поверит ли ему Филипп? Или разоблачит его? Все было зыбко, Тобиас ни в чем не был уверен.

«Под конец я научился здорово завирать, — хвастался он в письме, — ты даже представить себе не можешь, как ловко я навострился вешать им лапшу на уши».

Эва спала в соседней комнате, иногда она просыпалась, и ей слышались странные звуки. Что это, какие-то шорохи в трубе? Нет, это чей-то голос. Однажды ночью она встала с постели, вышла в коридор, приложила ухо к двери в комнату Тобиаса и стала прислушиваться. Этот голос ока-

зывал на нее какое-то странное воздействие, она стояла и слушала, не в силах пошевелиться. Она слышала отдельные слова, но не могла связать их в осмысленные предложения. Потом вернулась в свою комнату, залезла под одеяло и тихонько прижалась к спине Филиппа, ноги у нее были ледяные. Ей казалось, будто она провела несколько часов, прислушиваясь к странному шепоту. Три ночи подряд она стояла у двери в комнату Тобиаса. Стояла в темноте, напрягая слух. На четвертую ночь она услышала только одно слово: «Please, please», и наступила тишина. Эва была уверена, что голос подает ей знак, обращается к ней, и решила больше никогда не подслушивать у этой двери.

Тобиас и Луси каждый день ходили в школу. Они шли по парку, потом через мост, пересекали парковку. Тобиас часто рассказывал Луси разные истории. Луси почти все время молчала. Тобиас все чаще стал замечать, что она усмехается. Сначала она думала, что он порет чушь. Но однажды, когда они шли по парку, она посмотрела на него с любопытством. Тобиас сказал, что на самом деле он вовсе не Тобиас, что раньше у него было другое имя.

— Раньше, — заявил он, — меня звали Викто-

ром. Я жил тогда в Голландии. У нас был сосед, которого звали Свивель. Тебе нравятся неприличные истории? Эта история страшная и похабная. Но я даю слово, что все это было на самом деле. Почти все правдивые истории жестокие.

— Ха-ха! — Луси пожала плечами. Замшевый ранец заерзал у нее на спине.

И он рассказал ей, что случилось с их соседом в Роттердаме.

Это был странный маленький человечек с козлиной бородкой. Он всегда ходил с дамской сумочкой на длинной ручке, повесив ее через плечо. На нем всегда был английский твидовый пиджак. Он постоянно покашливал. В одной руке он держал сигару, в другой — бутылочку с микстурой от кашля. Между нашей квартирой и его был коридор, а в коридоре — туалет. От квартиры Свивеля туалет отделяла тонкая гипсовая перегородка. Сидя в туалете, я слышал все, что происходит в квартире этого подозрительного таинственного типа. Мне было любопытно, и я просверлил дырку в стенке туалета, чтобы шпионить за ним. К нему приходило много мужчин, они покупали у него журналы. Журналы со снимками голых женщин. Эти журналы валялись в его квартире повсюду. На стене были развешены

фотографии, они сплошь закрывали стены, даже нельзя было увидеть, какого цвета у него обои, честно, — я не вру. Один раз он продал журналов на тысячу гульденов. Все деньги он хранил в маленькой дамской сумочке. Каждый раз, когда Свивель получал деньги за журнал, он с грустным видом почесывал козлиную бородку. Однажды, вернувшись из школы, я пошел в туалет и посмотрел через дырку в комнату Свивеля. Он лежал на постели. Лицо у него было очень бледное. Я решил, что Свивель заболел. Чуть погодя пришел врач. Услышав то, что рассказал Свивель, доктор покачал головой.

— Клянусь могилой матери, доктор, я видел их своими глазами! — пропищал Свивель. — Ночью они сходят с фотографий и танцуют в воздухе, на потолке, на стенах… Комната наполняется голыми дамами, доктор. Я вижу их отчетливо, вот как сейчас вижу вас.

Он откинулся на подушки и стал, задыхаясь, хватать ртом воздух. Казалось, он вот-вот загнется на глазах у доктора. Но он вдруг рывком сел в постели, схватил доктора за воротник и прошипел:

— Помогите мне, увезите меня из этого дома. Они задушат меня, раздавят в лепешку.

Но врач лишь покачал головой, стал его успокаивать, дал ему таблетку и ушел.

Луси остановилась. Постояла, молча слушая Тобиаса, который пристально, без улыбки смотрел на нее.

— В ту ночь я решил встать после двенадцати н пошпионить за Свивелем. Я вставил спички в глаза, чтобы не заснуть. В дырку в стене мне была видна его темная комната. Он по-прежнему лежал в постели, лицо у него было белое, как у привидения. Его взгляд шарил по стенам, словно он ждал, что женщины вот-вот спрыгнут с фотографий. Я сидел на краешке унитаза, прильнув к дырке. Но ничего не происходило. Сидеть и смотреть на Свивеля было ужасно нудно. Под конец я уснул. Мне приснился чудной сон. Будто по улице течет река, вода поднимается по лестнице и заливает квартиру Свивеля. Из воды выныривают голые женщины с рыбьими головами. Они плавают по комнате, виляя задами Я свалился с унитаза на пол и проснулся. Уже наступило утро. Я вскочил и снова прильнул глазом к дырке в стене. Кровать была пуста, на полу валялась скомканная простыня. Я оглядел комнату и увидел Свивеля. Он лежал на полу. Одежда на нем была изорвана. Он держался рукой за горло, словно ему

не хватало воздуха. Взглянув на его неподвижные глаза, я понял, что он мертв. Я посмотрел на женщин на стенах. Выражение их лиц изменилось, клянусь! Они улыбались мне. Я испугался, побежал к маме и залез к ней под одеяло.

— Это неправда, — сказала Луси, скорчив гримасу.

— Клянусь, — заявил с серьезной миной Тобиас.

Луси улыбнулась ему, и он улыбнулся ей.

Школа располагалась в старом приходском каменном доме в три этажа, с карнизами и трубой на крыше. Они остановились у железных ворот, серых, с унылым рисунком, и посмотрели на здание школы. Карнизы были загажены голубями и из желтых стали коричневыми. Краска со стен облезла. Запыленные глаза окон печально смотрели во двор. Водосточные трубы покривились. Тобиас подумал, что трубы больны и вся школа нуждается в отдыхе, в каникулах. Луси взглянула на темные окна и сказала, что вообще-то это отличная школа.

Он сидел за письменным столом, склонясь над листом бумаги, крепко сжимая карандаш. На бумаге появился рисунок: лицо без щек, тело,

нанесенное тонкими штрихами, странный череп, — две руки, какой-то таинственный символ. Он также не мог понять, почему нарисовал такие чувствительные пальцы. Тобиас не узнавал свои собственные рисунки. Скомкал бумагу, выбросил в корзину и спрятал карандаш в ящик. И вдруг ему в голову снова пришла мысль: «Со мной что-то сделали, но что — я не знаю». Он стер с лица выражение беспокойства и громко засмеялся. Луси открыла дверь в его комнату:

— В чем дело?

— Я вспомнил одну смешную историю. Луси села на его письменный стол и стала болтать ногами, делая вид, что ей это не боль-но-то интересно.

— Ну так расскажи, о чем идет речь.

Тобиас лежал на кровати в темноте, уставясь на пятно света, медленно плавающее между стеной и окном. Какие-то два голоса неумолчно болтали, перебивали друг друга, они звучали не слишком дружелюбно.

— Ты не знаешь ничего о П., — сказал насмешливый голос.

— Что? — спросил другой.

— Ты ничего не знаешь о П., — повторил насмешливый.

— В этом городе происходят странные вещи.

— Странные вещи творятся во всех городах.

— В этом городе случается то, чего никогда не было в Одере.

— В Одере никогда не было самоубийц. Там никто не желал калечить собственное тело. Никто даже не думал об этом.

— Враки.

— Что?!

— Я не верю этому. Вранье.

— Я видел это собственными глазами, дурья башка.

— С какой стати кто-то станет намеренно калечить себя?

— Те, кому не нравится все время быть довольным.

— А что же тогда им нравится?

— Им нравится избивать себя, падать, ломать ноги, вспарывать кожу.

— Враки.

— Ты так думаешь?

— Я уверен, что это вранье.

— Скоро сам увидишь, балда.

Луси и Тобиас брели по парку, солнце светило им в глаза. Во рту у Тобиаса было горячо от похотливых и соленых словечек, которые

переплетались между собой и варились в супе отчаянного вранья: моряк, девушка, лошадь, седло, поблескивающая луна, мальчик без штанов. Луси хихикала. Когда они подошли к воротам школы, на парковке ворчал и кашлял автомобиль. Шофер газанул, и машина пересекла парковку. За деревом стоял светловолосый мужчина с пронзительным взглядом. Тобиас посмотрел на его брюки и пиджак, на напряженное выражение лица. Что он там делает? Когда машина поравнялась с ним, человек сделал глубокий вздох и бросился под колеса. Машина резко затормозила, но ее крыло уже ударило его. Человеческая плоть подскочила в воздух и шлепнулась на асфальт. Человек с пронзительным взглядом взвыл от боли или от страха. Дверца распахнулась, и женщина-шофер выскочила из машины и в ужасе замахала руками, потом прижала руку ко рту и поправила шляпку. Потерпевший лежал на спине, стонал и держался за колено.

Тобиас и Луси подошли к машине. Они стояли и смотрели на пострадавшего. Он хмыкнул, улыбнулся и взглянул на них. Это была взволнованная и счастливая улыбка. Голосок у него был тоненький. Он потирал колено обеими руками. Когда женщина, сидевшая за рулем, подошла к

лежащему на земле, тот с яростью крикнул ей:

— Оставь меня в покое!

— Ты ранен?

— Отстань!

— Я не заметила тебя, мне очень жаль…

— Ты только все портишь!

— Не понимаю, — пробормотала женщина и снова поправила шляпку.

Она нагнулась над мужчиной в костюме, чтобы посмотреть, насколько серьезно он раней Но тут пострадавший плюнул в нее и завопил, что он хочет лежать здесь один и ждать машину «скорой помощи», которая отвезет его в больницу.

— Убирайтесь отсюда!

Луси повернулась ***и*** пустилась бежать. Тобиас помчался за ней, крича, чтобы она подождала его Потом догнал и остановил. Луси не смотрела на него. Она уставилась на пострадавшего.

— Почему он это сделал?

Луси не отвечала, продолжая смотреть вниз, туда, где лежал этот человек.

Прозвенел звонок, и Луси направилась было к входной двери, но Тобиас снова остановил ее:

— Почему он это сделал, Луси?

Ответа не было.

— Луси, я тебя спрашиваю!

— Он — самоистязатель.
— Что?
— Ничего.
— А что такое «самоистязатель»?
— Чокнутый человек, который сознательно причиняет себе вред, боль. Я не хочу об этом говорить. — И она пошла прочь.

Насмешливый голос продолжал болтать. Тобиас считал, что он трепло и плохой товарищ, но не мог не слушать его. Он лежал в постели и размахивал карандашом, пытаясь убить жужжавшую над ним муху.

Луиза сказала, что самоистязатели — члены общества «Новое тело».

— Их много. Это общество запрещено, но они на это плюют. Их несколько тысяч.
— А кто запретил?
— Закон.
— Почему их запретили?
— Они хотят все разрушать.
— Все?
— Экраны, плакаты — все.
— Я тебе не верю.
— А это правда, балбес.
— Ну и дура же ты, если веришь этому.
— Сам дурак.

— Это враки.

— Разве ты не слышал об этом по радио? Каждый раз, когда где-нибудь упадет экран, разграбят или подожгут киностудию, говорят, что это дело рук организации «Новое тело». Они разрушители. Им нравится все крушить.

И когда какой-нибудь слабак бросается под машину, этим он доказывает свою любовь к организации.

— Все это враки и чушь собачья.

— Я стал настоящим завиралой, — хвастался Тобиас.

Он рассказывал сам себе о том, как ему удавалось обманывать Луси, Эву и Филиппа, заставляя их верить невероятным историям из своей жизни. Он придумывал истории о своей матери и друзьях, о жестоком отце, запиравшем его в шкаф, который, к счастью, погиб, сгорел на грузовом судне к северу от Кубы. О своей любимой младшей сестренке Кларатине, страдающей эпилепсией и видевшей в темноте ангелов. А однажды он рассказал Эве — ее в семье Йонсен было легче всего обмануть — историю о своем дяде, вообразившем, будто он — бог, и создавшем на Аляске огромную церковную общину.

Ему часто снился один и тот же сон. Но каждый раз, когда он просыпался в поту, дрожа всем телом, обшаривая взглядом комнату, то тут же забывал все, что ему приснилось. Он взглянул на будильник: 04.56. Сбросил одеяло, вытер пот с живота. В темноте он видел неясные контуры своего члена. Он был мокрый и дрожащий. Симон положил на него руку, чтобы заставить съежиться. Расслабиться. Но член подергивался у него под пальцами. Симон поднял голову и уставился на него. Пенис дрожал и рос. Симон вздохнул, сжал и стал покачивать его из стороны в сторону, вверх и вниз. Он целый день был бледный, теперь порозовел, светился в темноте, потом изменился — покраснел, напрягся и извивался в руке. Он заставлял руку двигаться вперед и назад, вверх и вниз. Симону не хотелось глядеть на эту штуку, но он не мог отвести глаз, смотрел и думал о цвете — розовый, красный, о том, как пенис меняется, растет между указательным и средним пальцем, взрывается и обдает живот фонтаном кефира. Тобиас почувствовал запах водорослей и продолжал рассматривать обмякший предмет у него между пальцами. Откуда-то издалека доносился мерный шум волн.

20

Дорогой херр Сара Бивур!

Я уже так долго живу в этой семье, что все привыкли считать меня ее членом. Два дня назад мы с Эвой поехали в торговый центр покупать мне одежду. В одном магазине Эва встретила свою знакомую, которую не видела много лет. Они весело засмеялись и обнялись. Я покраснел.

— Это твой сын? — спросила дама и показала на меня пальцем.

Эва кивнула.

— Он — вылитая ты, — прошептала дама и улыбнулась, так широко открыв рот, что я увидел ее слюну.

Вроде бы я всех их интересую. Любопытно, что всем от меня надо? Иногда хочется крикнуть, чтобы они оставили меня в покое. Но не могу себе этого позволить.

Одно только хорошо: Филипп разрешает мне фотографировать. Раз я хочу найти Петера Фема, надо научиться фотографировать.

Это понятно.

Я начал ходить в школу.

Все говорят, что эта школа дерьмовая. Первой мне это сказала Луси, школа, мол, дешевая, а

учителя суперидиоты. В школе все говорят то же самое. Здесь полно дерьма: классы дерьмовые, компьютеры дерьмовые и учителя дерьмовые.

Моего учителя зовут Риебер. Это болтливый толстяк с бледным, как у покойника, фейсом. Он вечно ходит в старом костюме, который лопается по швам. Риебер носит в кармане книгу Гамсуна «Пан». Волосы у него белые как мел, они торчат кустом на длинном черепе. Говорит он очень тихо, спокоооооойно и никогда не повышает голоса. Он, поди, думает, что ученики становятся внимательнее, когда им приходится напрягать слух. Если ему что-то не понравится, он начинает размахивать жирными руками. Его стул, нет, голубое кресло стоит посреди класса. Когда Риебер усаживает в него свою здоровенную задницу, в воздух поднимается облако пыли. А он сидит себе, лыбится, глядя на нас, и спрашивает, все ли у нас хорошоооо.

Компьютеров в школе мало, а шлемов почти вовсе нет. Ученики издеваются над Риебером. Иногда Юнатан или Т. С. помогают ему вести занятие, стараясь сделать так, чтобы он ошибся, и, если им это удается, скалят зубы от удовольствия. Риебер любит старую литературу, старые картины, старые дома и все старое. Но в классе

только немногим нравится старина. На уроках присутствует мало учеников. Многие сидят дома — учатся по заочной программе и приходят на собеседование раз в неделю. Ри-ебер на это соглашается, но Филипп и Эва считают, что мы должны ходить в школу каждый день, потому что заочная программа укорочена. Любимые предметы у нас — физкультура и практика. На практических занятиях мы ходим на разные предприятия или в тюрьму. Мы разговаривали с заключенным в синей робе. Он сказал, что только идиоты торгуют наркотиками. Но Т. С. добавил, что наркотиками теперь никто не интересуется, кислородная программа — куда лучше. Заключенный согласился, что кислородная программа — дело отличное, и Риебер одобрительно закивал.

Я решил задать всем жару. Буду морочить им голову, тогда они отвяжутся. Они пялятся на меня, и их взгляды обжигают кожу. Приходится врать и прикидываться, чтобы они не прожгли мне зенками кожу до дыр. Риебер все время приторно улыбается, кажется, что он вот-вот протянет к нам большущие руки и станет нас тискать. Похоже, он еще тот тип. На уроках литературы он читает нам Гамсуна. А после болтает про «Викторию» и «Пана».

— Давайте поговорим о том, как Гамсун описывает природу, — сказал он.

Он открыл книгу и стал читать. Сначала медленно, ужасно печально, потом громко, взволнованно. Глаза его заблестели.

Он читал про капитана Глана, про охотничью собаку Эзопа, про вечный день северной природы. Про общество в Сприлунде у доктора Макка и про его прекрасную дочку Эдварду.

Он почитал немного, потом начал болтать:

— Разумеется, Гамсун — *эротический* писатель. То, как он описывает богатую природу, море и свет, способствует созданию эротического *настроения.* Глан — одновременно человек природы и культуры. В его образе мы видим противоречие между естественным и искусственным. Он любит общество, любит танцевать, но больше всего ему нравится проводить время с Эзопом в лесу или с пылкой простушкой Эвой.

Знаешь, Сара, мне захотелось сморозить какую-нибудь глупость. Я поднял руку.

Риебер улыбнулся:

— Слушаю тебя, Тобиас.

— Мне просто интересно. Не казалось ли Глану, что Эва глуповата?

Риебер помедлил немного и улыбнулся:

— Может быть. Пожалуй, ты прав. Хорошее замечание.

— Но, господин учитель, почему же тогда ему нравится Эва, если он считает ее глупой?

Улыбка на круглом лице Риебера застыла.

— Глан — похотливый человек без предрассудков, он любит все естественное, не правда ли, Тобиас?

Я не унимался:

— А не кажется ли вам, что ему хотелось спать с Эвой именно потому, что она глупа?

Я никак не мог остановиться. Мне нравилось заводить его.

Риебер начал злиться. Он закусил губу.

— Давайте продолжим…

— Но, господин учитель…

— Тобиас…

— Мне просто интересно. Если он переписывается с Эвой, зная, что она глупа, значит, он от этого получает удовольствие. Я хочу сказать, что ему, может быть, и нравятся идиотки? Как вы считаете? Не кажется ли вам, что он эгоист? Скорее всего он на самом деле ненавидит слабых и глупых женщин?

Я отвел глаза от жирных пальцев Риебера и стал смотреть на парты и спины учеников. Потом

взглянул на плечи и шею учителя. Под конец я уставился на потное лицо Риебера и беззвучно засмеялся. Риебер скорчил гримасу, и его голос сорвался на визг. Нос вытянулся вперед, глаза сузились и запали в череп, весь облик его изменился. Он заблеял как коза, но это длилось лишь секунду, потом наступила тишина. И вдруг весь класс заржал. Риебер покраснел и уткнулся носом в книжку.

Я рассказал Луси, как Риебер блеял, но она сказала, что это вовсе не смешно. Правда, мне на это наплевать, думает, она умнее всех. Она любит зверей и природу. Говорит, что, когда вырастет, будет жить за городом. По вечерам она смотрит фильмы об аризонской пустыне, о жизни змей или о психологии собак. Поэтому ей нравится Риебер и его уроки. А мне это ни к чему. Животные меня не очень-то интересуют. Я скоро уеду далеко от этой дерьмовой школы, от семьи Йонсен, от Луси и ее книжек. Скоро увидимся, с приветом,

Охотник.

21

Они стоят рядом и смотрят на снимки. В окна чердака струится неяркий свет. Наступило утро.

Филипп встает рано. Тобиаса разбудили звуки в ванной — струи воды, барабанящие по спине Филиппа, оперная ария, которую он фальшиво напевает, бреясь. Ммм… Тобиасу не хотелось вставать. Сон притягивал его магнитом, заставлял лежать между одеялом и простыней. Но, наконец, сон слетел с него. Он беспокойно поежился и решил, что ему надо посмотреть кое-что в фотоателье. Он натянул брюки и вышел из комнаты с футболкой в руке.

Филипп медленно вынул фотографию из ванночки. Он нагнулся, что-то напевая и причмокивая губами. На снимке крупным планом красовался пупок. Филипп стал распространяться о том, как он красив.

— Он похож на раковину, мистерию жизни, — сказал он, — это маленькая частица, магия органической формы.

Они вышли из темной комнаты после «утренней смены». Филипп сварил кофе-эспрессо и рассказал Тобиасу, как однажды они с Эвой ездили в гости к друзьям в Г.

— Мне надоели будки и шлем, кофе, пыльные окна… — сказал Филипп и стал рассказывать о путешествии на поезде.

— Это было сногсшибательное путешествие,

Тобиас, поверь мне, невероятное, — он улыбнулся, — сказочное. Когда-нибудь мы отправимся куда-нибудь на поезде вдвоем с тобой, только ты и я.

Тобиас не знал, что ответить. Видно, Филипп думал, что он никогда не видел поезда. Собственно говоря, так оно и было. В П. он ни разу не видел поезда. Тобиас был уверен, что в Сандму Филиппу велели не сразу расспрашивать про его прошлое. Сказали, чтобы он с этим повременил. Тобиасу это было на руку. Иногда он замечал, что Филиппу невтерпеж, так и хочется что-нибудь спросить, но он сдерживался. А Тобиасу хотелось рассказывать ему всякие небылицы. Он навострился их выдумывать, но не был уверен, что его истории будут звучать правдиво. А вдруг Филипп не поверит и скорчит гримасу? Вдруг поймает его на лжи?

— Не важно, куда едешь. Главное, чтобы из окна был красивый вид, — сказал Филипп.

— Я сижу, смотрю в окно и воображаю, будто вижу фильм, который показывают впервые. Можешь ты это представить себе, Тобиас? Пейзаж за окном поезда — это живые картины, а прежде я никогда не видел живых картин. Ты понимаешь, что это за игра? Сначала я испугался. Мне каза-

лось, что ландшафт движется на меня и раздавит в лепешку. Но когда деревья и луга поплыли мимо, я увидел, что это не опасно. Я широко раскрыл глаза, ощущая себя повелителем природы. Ты понимаешь меня, Тобиас?

Тобиас кивал, кивал.

И в таком духе Филипп болтал постоянно.

На следующее утро они упаковали чемоданы. Филипп и Эва весело болтали. Тобиас спрятался в коридоре и подглядывал за ними. Они не замечали, что он там стоит. Филипп сказал, что она стала аппетитной, ухватил ее за бок и прижал к себе.

— Не надо, — сказала Эва.

Но он продолжал приставать к ней.

— Не делай этого.

Он не послушался.

— Кто-нибудь может увидеть нас.

— Никто нас не видит, — сказал он и ущипнул ее за зад.

— Перестань, я рассержусь.

Он продолжал ее тискать.

— Прекрати!

Филипп лег на кровать и уставился в потолок.

— Я хочу тебя.

— Не сейчас, дурашка.

— А когда же? — Он натянуто улыбнулся, при-

щурив глаза.

— Вечером.

— Ляжем в синей спальне?

— Ладно.

— Я люблю заниматься с тобой любовью в незнакомых местах.

— Ты извращенец.

Филипп повернулся на бок и заметил Тобиаса. Он как-то странно заморгал.

Тобиас быстро юркнул в свою комнату.

Вид у Филиппа был растерянный и огорченный.

— Не думай о нас! — крикнула Луси с балкона.

Вечером Луси спросила Тобиаса, не хочет ли он посмотреть кое-какие фотографии. Мол, это снимки, которые Филипп сделал, когда она была маленькой. Они уселись на кровать в ее комнате и стали смотреть фотографии. Ему не нравилось сидеть так близко от нее. А может, и нравилось. Он сам не знал и от этого чувствовал непонятное волнение. Она положила локоть к нему на колени. Кожа у нее такая теплая. Он подумал о суставах, костях и сухожилиях, которые трутся друг о друга словно камни под водой. Луси листала старый альбом. Фотографии Филиппа и Эвы она перелистывала быстро. А когда увидела себя

в младенческом возрасте, то перестала листать. Лицо у нее было круглое, розовое, глаза маленькие, как чернильные кляксы. Луси бросила на Тобиаса загадочный взгляд. Он молча посмотрел на ее синее платье в белый цветочек, на руки, лицо и на фотографию в альбоме, лежащем у нее на коленях.

— Это ты? — спросил он.

Она улыбнулась и кивнула.

Он посмотрел на снимок, подождал немного и сказал:

— Какая хорошенькая.

Она улыбнулась еще ласковее.

Он нагнулся и стал пристально разглядывать фотографию. Почувствовал тепло ее руки. Ребенок лежал на покрывале и дрыгал ногами. На заднем плане он разглядел женщину в шубе.

— Кто это?

Луси рванула к себе альбом и прижала фотографию к глазам.

— Черт!

— Кто?

— Думаю, это моя бабушка.

Она снова посмотрела на фотографию:

— Это не я.

— Не ты?

— Нет.

Они оба посмотрели на дрыгающего ножками младенца.

— Это мама.

— Как ты на нее похожа!

— Почему ее вставили сюда! — фыркнула она и перевернула страницу. — Эта фотография не должна быть здесь!

Наконец она нашла фотографию, на которой сняли ее новорожденную. Она снова улыбнулась.

— Какая хорошенькая! — опять сказал Тобиас.

Луси стала показывать ему фотографии и рассказывать о себе. В четыре года она научилась танцевать бальные танцы. В шесть — плавать. Когда она заболела, ей подарили шлем. Он спрашивал про каждый снимок, и она объясняла ему. Глядя на фотографии, они улыбались, и Тобиас, исподволь посматривая на нее, видел, что она изменилась.

Но вот они перелистали весь альбом. Луси унесла его в другую комнату и принесла фрукты и печенье. Они пили чай, сидя на ее кровати. Тобиасу захотелось рассказать ей что-нибудь такое, что заставило бы ее покраснеть. Наплести невесть что. Он запросто мог рассказывать ей

что-нибудь похабное. Она точно покраснеет.

Когда они допили чай, доели печенье и стряхнули крошки с покрывала, он спросил:

— Хочешь, расскажу тебе еще одну историю?

Она пожала плечами:

— Опять неприличную?

— Ясное дело, — улыбнулся он.

Она кивнула и сделала странную гримасу.

Он рассказал ей про Мамадои, старого вождя африканского племени, у которого был такой большой член, что даже его тетка, хозяйка борделя Юлиана, не могла его поднять. Он мог пустить струю через две кровати прямо в окно на голову прохожего.

— Ну и свинья!

Она не покраснела. Тобиас не знал, что сказать.

— Давай расскажу тебе одну правдивую историю, это было в Голландии, — пробормотал он.

Луси склонила голову набок и закрыла глаза, сделав вид, будто очень устала. Он прислушался к ее дыханию.

— Рассказывай, если хочешь, — прошептала она.

— Она неприличная.

— Ну и пусть.

— Честно?

— Зуб даю.

Он рассказал про дочь Юлианы, которой было девятнадцать лет, о ее невероятной вагине, нежной, как только что напряженный хлопок.

— Однажды я прокрался к ней в комнату и прорезал дыру в матрасе, чтобы через нее поглядеть на эту удивительную штуку, и стал ждать. Вскоре туда явился какой-то старик. Она легла на кровать, и ее инструмент оказался как раз над дырой в матрасе. Увидев то, что она ему показала, старик ахнул и сунул туда свою тоненькую палочку, а я протолкнул туда же свой мизинец. До чего же нежный был ее инструмент, словно кожа ангела. Старик тут же потерял сознание, а я сунул туда всю руку.

Луси засмеялась, Тобиас тоже ухмыльнулся. Луси прижалась щекой к его шее.

— О-о-о… — произнесла она.

Он встал с постели.

— Ты куда?

— Пойду спать.

— Уже?

— Да я… я устал.

— В самом деле ляжешь в постель?

Он несколько раз кивнул.

— Так рано?

Тобиас почувствовал, что заливается краской. В результате покраснел он сам, от стыда и желания. Он попытался смотреть ей в глаза как ни в чем не бывало, но заморгал, резко повернулся и вышел из комнаты.

Чуть погодя он вышел на балкон, пробрался к спальне Луси и заглянул в темную комнату. Сквозь линзу ночной фотокамеры Филиппа он отчетливо, как среди бела дня, разглядел ее лицо на подушке. Она лежала с закрытыми глазами и тяжело дышала, то открывая, то закрывая рот. Казалось, будто она пытается получить наслаждение и не может. Он щелкнул фотоаппаратом. Она закусила верхнюю губу, откинула одеяло и начала сжимать грудь пальцами. Ее груди так напряглись, словно вот-вот лопнут. Маленькие соски затвердели, она высунула язык, пытаясь дотянуться до них, но не смогла, со вздохом откинулась на подушку и начала царапать ногтями грудь, потом шею и живот. Лицо ее сморщилось, пальцы скользнули под одеяло к ляжкам. Тобиас закрыл глаза. Ему казалось, будто темнота давит на него и что чья-то огромная рука толкает его к ней. Он снова поглядел в линзу. Она лежала не шевелясь, накрывшись одеялом.

Он залез под одеяло и начал говорить сам с собой:

— Меня зовут Тобиас Йонсен. У меня есть своя комната Мой приемный отец-фотограф купил мне камеру. А мне давно хотелось ее иметь. Я буду фотографом. Я сказал приемным родителям «спасибо», и они были довольны. Мою сестру зовут Луси. У нее есть заводная собака, которую зовут Альбатрос. Луси мировая девчонка, она мне и нравится, и не нравится.

— В фотографии все зависит от света, — объясняет Филипп, — а снимок — это память.

— Что за память?

Тобиас не понял, о чем говорит Филипп.

— Память для кого угодно. Свет, падающий на объект, дает возможность сделать снимок, запечатлеть его. Фотография — это лишь световые точки различной интенсивности. Кусочки света — это буквы памяти.

Он работает с Филиппом каждый вечер. И каждый вечер узнает что-нибудь новое. В промежутке между двумя мировыми войнами фотография стала помощницей рекламы. Фотографы помогали распространять пресловутую западную культуру потребления.

Для Тобиаса объяснения Филиппа были все

равно что школьные уроки. Он слушал, записывал, время от времени теряя способность сосредоточиваться. Вот он представил себе, как фотографирует спину человека, стоящего в лифте…

— Убедительный реализм фотографии идеален для нового общества. В тысяча девятьсот двадцать седьмом Эдвард Стейчен сделал снимки для рекламы сигарет «Кэмел». Ты помнишь это имя — Стейчен, не правда ли, Тобиас? — промямлил Филипп. — Двумя годами позднее фотограф Флоренс Хенри рекламировал духи «Ланвин». Реклама начала походить на искусство, а вскоре искусство стало походить на рекламу. В тот период в рекламе работало много известных фотографов.

— Какие? — нетерпеливо спросил Тобиас.

— Пауль Аутербридж Младший, Стейчен и… да, Коллар, Мэн Рэй, француз Рене Зубер, — выпалил Филипп, потом резко замолчал и хмыкнул, — многие, многие…

Их окликнула Эва. Филипп улыбнулся:

— Надо идти.

— Черт бы ее побрал… — буркнул себе под нос Тобиас.

На книжной полке он нашел много фотоальбо-

мов. Однажды, вернувшись из школы, он стал их листать. Там были свадебные фотографии Эвы и Филиппа. А вот они в отпуске в доме на берегу. Вот Эва в лесу, лежит на земле между толстыми корнями и притворяется спящей. Филипп бежит по пшеничному полю. Эва стоит, лукаво прищурясь, на голове у нее колпак рождественского гнома. Маленькая Луси, карапуз в красном комбинезончике, санки, медвежонок, белый шарик, поднявшийся в воздух между высокими деревьями. В конце альбома он нашел конверт, в котором были фотографии больной Луси. Четырехлетняя Луси лежала на кровати, одна нога у нее в гипсе. На снимке она храбро улыбается фотографу.

Когда пришла Эва, он показал ей фотографию и спросил, что случилось с Луси. Лицо Эвы застыло, она вырвала фотографию из рук Тобиаса и ушла в свою спальню. Чуть позже она сказала, что Луси попала под машину. Вот и все. У нее была сломана нога.

Он уставился на нее и понял, что она врет, — она покраснела и явно разозлилась.

— Ты рассердилась? — спросил он.

Казалось, она вот-вот расплачется. Она посмотрела на него, не зная, что ответить. Потом улыбнулась и подошла к платяному шкафу.

Постояла несколько минут перед открытыми дверцами. А когда повернулась к нему, было видно, что она совладала с собой.

— Это правда, — сказала она, — Луси сломала ногу.

Тобиас промолчал.

Вечером, лежа в постели, он продолжал думать о снимке, на котором маленькая девочка с загипсованной ногой храбро улыбается фотографу.

На выходных они оставались дома одни, и Луси хотела, чтобы они сидели у нее в комнате. Но Тобиас отказался. Он уткнулся в книгу об истории фотографии. Луси просила его рассказать еще что-нибудь. Но он ответил, что не знает больше никаких историй. Во всяком случае, правдивых.

22

Милая Сара.

Я продолжаю писать тебе. Слова на бумаге, на которую ты смотришь, вздыхают, стонут и радуются. Я думаю о том, что эти слова ты, быть может, никогда не прочтешь. Но им это все равно. Они лежат на странице, ворчат и ждут своих еще не родившихся слов-братьев и слов-сестер. Время от времени я закрываю глаза и воображаю, что

ты стоишь передо мной. Ты немного выросла, и волосы у тебя стали длиннее. А в остальном ты почти не изменилась. Мои слова сыплются на тебя, цепляются за платье, щекочут пятки, гладят по ногам.

Семья Йонсен начинает мне надоедать. Эва и Луси — злюки. Они мне никогда не нравились. Они обращаются со мной так, будто я никто и звать никак, уверен, они плохо говорят обо мне за моей спиной. В этой семье только Филипп о'кей. Во всяком случае, он кое-что умеет.

Сегодня вечером я сидел за компьютером, порылся в спецжурнале полиции. Просмотрел все номера за пять лет. В одном из них были данные обо всем составе. Я сидел и смотрел на лица полицейских. Все время ждал, что вынырнет лицо Петера Фема. Но его там не было. Я его не нашел. Когда я стал смотреть на их лица, то был уверен, что увижу его рыло. Шаря глазами по сайту, я дрожал. Теперь больше не дрожу, только глаза болят и голова тяжелая. Я звонил во все полицейские участки острова, в компьютерную службу полиции и службу охраны, в полицейскую школу, в полицейский пенсионный союз и полицейское общество любителей лошадей. Звонил я также в Визуальное министерство и объединение дизай-

неров и фотографов. Я подумал, что, может, он и не был полицейским. Человека, который называл себя Петером Фемом, в полиции нет. Он никогда не учился в полицейской школе. Ни в одном полицейском участке нет никого с таким именем. Он не является членом какого-нибудь общества. Его никто не знает. Я пытался изменить голос, говорить серьезно, как взрослый, когда разговаривал с секретаршами, телефонистами и дежурными. Меня спрашивали, почему я разыскиваю его, и я тут же выдумывал подходящее объяснение. Дежурные разговаривали со мной, как со взрослым. Когда я вешал трубку, то чувствовал, что могу делать то, что хочу, и прикидываться кем угодно. Только все было бесполезно. Петер Фем исчез. И никто из местных полицейских не сотрудничал с полицией Одера.

Я знал, что они врут.

Я пытался не думать об этом.

С приветом, С.

23

Привет, Сара.

Шаг за шагом, шаг за шагом, как говорила тетя Элена, я подхожу все ближе, ближе и ближе.

Ты только послушай!

Однажды Филипп спросил меня:

— Тобиас, хочешь работать со мной?

— Что?

— Хочешь поработать у меня в конторе, лентяй ты этакий? — Филипп взъерошил мне волосы. — Ты только валяешься и ни черта не делаешь. Пора тебе начать приносить пользу, — улыбнулся он.

Эва тоже повернулась ко мне и улыбнулась.

Я пожал плечами:

— А что за работа?

Но Филипп не расслышал моего вопроса. Он сидел на скамейке и пил чай из синей чашки. На чашке было написано: «Филипп».

— Надень куртку и ботинки, пора ехать.

Я надел куртку и ботинки.

Мы проехали через весь город. На дорогах было много машин. Мы остановились у большого склада, и Филипп сказал:

— Вот мы и на месте.

— А что это за работа? — снова спросил я, но Филипп только подмигнул в ответ.

В приемной сидела дама с кроваво-красными волосами.

— Кто это? — спросила она, сверкнув глазами, ее длинные ресницы задрожали.

— Это Тобиас. А Якоп здесь?

— Только что пришел.

Она кивнула на открытую дверь коридора, и мы пошли по нему. На стенах рядами висели фотографии в красивых рамах — колени, бедра, человеческая кожа, груди толстой женщины, мокрые пальцы, какие-то таинственные уши, пенис с татуированной змеей, похожие на улитки вагины и скользкие крошечные насекомые, которые скапливаются под опавшей листвой до того, как начинает таять снег.

В кабинете в конце коридора сидел Якоп. Филипп и Якоп были владельцами «Студио Ситрон». Мы пили чай в просторном кабинете Якопа, и он рассказывал мне обо всем, что они делают в этой студии.

— Здесь работают дизайнеры и фотографы. У нас одна из самых старых студий на острове. Помещение отреставрировано. Оборудование суперсовременное, тип-топ. — Якоп улыбнулся. — Раньше здесь занимались рядовой порнографией, сам знаешь — снимали сексуальные сцены. Девушек с глупыми физиономиями и мокрыми вагинами, единственным достоинством которых были какие-нибудь необычно большие части тела. Глупые картинки для одиноких и несчастных людей. Это был период фотореволюции. Теперь

мы делаем совсем другие снимки. Художественную рекламу для Визуального министерства. Посмотри вокруг, Мой юный друг. Думаю, тебе понравится то, что ты увидишь. Мы — эстеты, а не порнографы. Надеюсь, ты понимаешь, что я имею в виду?

Я кивнул.

Потом меня познакомили с одной из фотомоделей — брюнеткой с раскосыми глазами и высокими скулами. Она сидела на диване перед дверью студии и листала журнал. Ее голые груди были цвета шоколада. Я попытался сделать вид, будто считаю ее красивой.

— Без фотомоделей нам делать нечего, — промямлил Филипп, — потому-то мы и платим им бешеные деньги. Они у нас принцы и принцессы.

Потом мы выпили лимонада и послушали музыку, под конец мне показали фильм, сделанный на «Студио Ситрон».

Я собирался описать студию, но боюсь, что не сумею. К тому же, Сара, думаю, тебе будет неинтересно это читать. Якоп говорит, что это не порно, а художественная реклама. Но в фильме у них то же, что мы видели в журналах Себастиана. Правда, вокруг все ярче и красивее, но задницы и

передницы те же самые. Извини.

Сидя в комнате с белыми фотостенами, залитыми фотосветом, я чувствовал себя ошеломленным и в темном кинозале тоже не мог прийти в себя. Я был не в состоянии думать до самого вечера, пока не лег спать. Но заснуть не мог и сел писать письмо, хотел заставить себя рассказать тебе все. Но всего не расскажешь. В «Студио Ситрон» было невозможно различать тела, лица, мужчин, женщин. Мне казалось, показывают все время одно и то же тело. А потом я и вникать перестал.

Филипп познакомил меня со всеми. Но я не помню, как их всех зовут и как они выглядят. Стоит мне закрыть глаза — я вижу перед собой только линзу камеры Филиппа и вспышку.

Я хотел сказать Филиппу, что не поеду на «Студио Ситрон», но за завтраком Филипп был так ласков со мной. Я подумал про снимки, которые сделал Петер Фем, про то, для чего я приехал в П. Выпив чашку чая, я почувствовал себя лучше.

Я сказал Якопу, что хочу узнать больше о фотографиях.

— Что ты имеешь в виду? — спросил он.

— О том, как снимали раньше.

— Об истории фотографии? Раз в неделю идет

передача по телевизору. Образовательная. Но интересной ее не назовешь. История — сухой предмет, Тобиас. Самое главное — практика.

— Практика?

— Практика, практика, практика.

— Для тебя самое главное — практиковаться с хорошими фотомоделями. У нас лучшие модели на острове. Ты можешь многому у них научиться. Держись меня, я кое-что покажу тебе.

И я остался с Якопом в студии. Посмотрев на все лампы и штативы камер, я вдруг почувствовал себя неважно.

— Ты что-то побледнел.

— Я плохо спал ночью.

— Ты плохо спал, мой юный друг?

— Чайка стучала клювом в окно.

Якоп уставился на меня. Трудно было сказать, поверил он мне или нет. Взгляд у него был непроницаемый, а растянутый в улыбке рот походил на штрих.

— Идем, я покажу тебе кое-что.

Декорация у них потрясающая. Стены и пол кремового цвета. С потолка свисают синие проволоки, они извиваются и покачиваются в теплом воздухе. В центре комнаты лежала дама, она лизала свои пальцы.

Якоп позволил мне посмотреть в линзу. И мне стало веселее.

С приветом,

тот, кого ты знаешь.

24

Что-то тяжелое и теплое надавило ему на колено. Бедро, грудь, голова словно погрузились в ванну с густой белой жидкостью. Кто-то прошептал его имя. Он открыл глаза и увидел ее. Она прижала губы к его подбородку. Он хотел что-то сказать, но слова размельчились и посыпались между ее грудей на живот и в пупок. Девушка из сна прижала его к постели, покрыла одеялом из нежной кожи. Когда ее пальцы дотронулись до него, он задрожал, лопнул, потек и перевернулся на спину; он лежал в теплом и мокром и смутно видел над собой фрагмент ее лица. Ото лба на губы и подбородок падала тень, пряди волос закрывали щеки. Сначала он испугался, потом под звуки песни, утонувшей в ее горле, стал врастать в нее. Он взорвался, потом уснул, не поняв, просыпался ли, и случилось ли это на самом деле.

Наутро он не мог поднять на Луси глаз. За завтраком Филипп рассказывал о театральной постановке, которую он и Эва собирались посмот-

реть. Речь шла о пьесе Шекспира «Сон в летнюю ночь». Филипп громко разглагольствовал на эту тему и цитировал реплики из пьесы. Тобиас сидел, уставясь на губы Филиппа, он слышал звуки, вылетающие из его рта, но они не складывались в слова и предложения. Луси пыталась поймать его взгляд. Он был не в силах смотреть на нее, уставился в окно на парк, где два человека делали пробежку, один за другим они бежали вверх по склону холма, изучал с преувеличенным любопытством лицо Филиппа. Луси рывком поднялась из-за стола. Чуть погодя он увидел ее внизу, в парке. Она помахала ему двумя руками и, судя по движению губ, что-то сказала. Он знал, какое слово она произнесла: «Слабак».

На ночь он запер дверь. Лежал и прислушивался, не послышатся ли шаги, ждал, что она повернет ручку двери. Но все было тихо. Он встал, открыл дверь, выглянул в темный коридор. Снова лег. Теперь дверь открыта. Он может ждать, она придет. *Люблю тебя.* Слабак. Он вскочил с постели и опять запер дверь. Лежал и думал о звуках, раздававшихся в горле, о чудесном взрыве в низу живота. Ему не хотелось думать об этом, думать о ней. Надо уснуть. Сейчас…

Однажды вечером он заглянул в комнату Луси.

Она спала, сидя за письменным столом. В комнате был жуткий беспорядок. На стуле неподвижно лежал Альбатрос. На кровати были разбросаны книги. Одеяло валялось на полу. Синее платье брошено на подоконник. Луси спала, положив голову на стол.

25

Он сидел не шелохнувшись в темной кухне. На столе перед ним лежала недоеденная груша. Вкус груши застрял во рту. Он положил голую руку на стол. Окно над плитой было открыто. От прикосновения к холодной столешнице по телу поползли мурашки. С дороги доносились какие-то звуки. Он навострил уши, чтобы определить их характер. Это были звуки шагов по гравиевой дорожке. А вот послышались голоса. Сначала высокий женский. Потом низкий мужской. О чем они говорят? Он напряженно прислушался. Они говорили о какой-то женщине. Мужчина говорил спокойно, а женщина нервно, короткими фразами. Она рассказывала мужчине, что та женщина сильно изменилась.

— Как именно? — спросил мужчина.

— Не знаю точно. Теперь она совсем другая. Говорит со мной не так, как прежде. Просто не

узнать. Словно это не она, а совсем другая, подражающая ей. Просто так, шутки ради. Я это чувствую.

Они пошли дальше, и голоса стихли.

Тобиас вышел в темную гостиную. В спальне, рядом, было тихо. К стеклам прижалась синяя ночь. За окном мигал уличный фонарь. Он сел в кресло и нажал кнопку пульта. Экран телевизора засветился.

Какой-то тип болтал о новых фильмах. Тобиас поменял канал. Канал седьмой, культура.

За кафедрой стоял седой человек. За очками блестели карие глаза. Из-под пестрой вязаной шапочки выбивались седые волосы. Подбородок торчал вверх.

Тобиас поморщился. Старик наклонился вперед. На экране появился текст: «Херман Тильт, профессор исторических наук столичного университета».

Профессор говорил медленно, небрежно мямлил что-то бессвязное, словно сам считал это не слишком интересным ни для него самого, ни для телезрителей. Глаза профессора были сонные, но он продолжал говорить, говорить, говорить…

Тобиас подумал, что он вот-вот замолчит или заснет стоя и исчезнет с экрана. Но чем дольше

профессор говорил, тем энергичнее становился, казалось, он просыпался от звуков собственного голоса, который звучал все убедительнее и громче. Старик оклемался. Говорил все быстрее и отчетливее, завелся настолько, что не прерывался даже на мгновение, чтобы отпить глоток воды из стоявшего на кафедре стакана.

Камера была все время направлена на лицо и верхнюю часть торса профессора Хермана Тильта и за все время его выступления ни разу не передвинулась.

Тобиас вглядывался в бесцветный фейс и думал: «Давай закругляйся!» — но все же продолжал слушать.

Профессор рассказывал про Пьетро Аретино, о его стихах, написанных давным-давно.

— Набрав полный рот похотливых фраз, Аретино втирается в доверие к читателям, заползает под кожу, щекочет его нервы:

Это вовсе не книга сонетов…

В ней прекрасные х — и воспеты.

Профессор лукаво улыбнулся, со смаком произнося непристойное слово.

— Это звучит сладостно и невинно, как детская считалочка, не правда ли? Но в тысяча

пятьсот пятьдесят девятом году книга Аретино «Ragionamenti»[20] попала в список произведений, запрещенных Папой Римским, — протарабанил профессор. — Аретино, обсосав перо, возмущенно пишет: *«Я презираю нелепую оценку моих стихов и презренную манеру людей отворачивать глаза от того, что доставляет им наибольшее удовольствие».*

Языку Аретино доверять нельзя. Он говорит то как плебей, то как дворянин. Крутит, изворачивается, вставляет словечки, увиливает, показывает нос, щиплет тебя за задницу, рассказывая истории, напоминающие слухи, и ты не знаешь, это грубое оскорбление или вполне невинный язык. Его язык стал прототипом порнографического жаргона, образцом симбиоза посредственного реалистического повествования и благородного вкуса.

Тобиас потянулся, сидя на стуле, и почесал кончик носа. Он подумал о лежащей в кровати Луси, о ее сонном лице, вытянутой вдоль тела руке, приглашающем жесте лунатика. Прислушался, в

---

[20] Примечания: 20

Аретино (Aretino) Пьетро (1492–1556) — итальянский писатель. Автор памфлетов против Папы и монархов Европы, пародии «Маленький Роланд», комедий «Придворная жизнь» и «Лицемер», трагедии «Гораций». «Размышления» *(ит.).*

обеих спальнях было тихо.

Профессор продолжал:

— Об Аретино сказано, будто он завершил итальянский Ренессанс. Сегодня это высказывание кажется, мягко говоря, странным, чтобы не сказать неразумным. Сегодня грубое или неприличное не могло бы ничего завершить, ибо грубым не считается ничто, кроме запрещенного. Это высказывание становится более понятным, если учесть тесную связь ранней порнографии с новой философией и политической сатирой. Строптивость Аретино была ясна как божий день…

«Якоп прав, — подумал Тобиас, — все образовательные программы до смерти нудные».

Профессор продолжал трендеть:

— То, что порнография была здоровенной пощечиной по морде церковной морали, явствует из категорического тона указа.

Тобиас посмотрел на рот профессора. Он двигал губами так, словно слова были из твердого материала и, прежде чем их выплюнуть, надо было придать им форму.

Вышеупомянутые книги, описывающие или способствующие познанию низменных или непристойных действий, категорически запре-

щаются…

Тобиас уставился на мерцающий за окном уличный фонарь. Полосы желтого света разрезали темноту на куски. Профессор откашлялся. Тобиас снова повернулся к экрану и зевнул.

— Аретино видит секс во всем. Он считает, что у культуры народная основа, и протестует против высокого искусства Ренессанса. Аретино полагает, что всем движет неприкрытое вожделение. Он — мастер грубого, плотского. В непристойной чувствительности его стихов элегантное сочетается с низменным.

Внезапно Тобиас задремал. Несколько секунд ему снилось землетрясение, будто земля на улице разверзлась и из ее недр струится мягкий свет. Он вздрогнул и проснулся. Профессор продолжал болтать еще азартнее:

— В восемнадцатом веке порнография впервые становится непосредственно связанной с политической и социальной сатирой. В ту пору материалистическая философия была для власти предержащей головной болью. Рыцари пера пишут об атомах и правах личности, словно Церковь и королевский дом уже разлетелись на куски. Каково было высоким парикам читать,

что Иисус, Моисей и Магомет — три обманщика, а Бог и Природа — одно и то же! О, Иеремия! Порнография объединяется со скептическими философами, такими как Гоббс[21] и Ламетри[22], и нет ничего удивительного, что можно обнаружить нечто картезианское[23] в следующем наблюдении из «Размышлений»:

Я пришел, чтобы рассказать вам, где находится истинная обитель души… каждая капля, падающая с пениса, есть часть…

Тобиас потер глаза, он решил не засыпать и попытаться понять, что говорит профессор.

— Порнографы кричат, что закон чувства заменит законы общества. На страницах книг священники и учителя, король и королева бегают

---

[21] Примечания: 21

Гоббс (Hobbs) Томас (1588–1679) — английский философ, один из основоположников механистического материализма. Признавая религию необходимым средством подчинения народных масс, вместе с тем высмеивал религиозные мифы как несовместные с научным миропониманием.

[22] Примечания: 22

Ламетри (de La Mettrie) Жюльен Офре (1709–1751) — французский философ, материалист, врач. Будучи атеистом, считал целесообразным сохранить религию для народа.

[23] Примечания: 23

Картезианское учение — метафизическое учение Рене Декарта (Decartcs, латшшзнрованос имя — Cartcsius — Картезий, 1596–1650).

со спущенными штанами и задранными юбками, с вздыбленными членами и мокрыми вагинами. Они тоже подчиняются природе вожделения! Ничто человеческое им не чуждо! У порнографа и философа-материалиста одинаковый взгляд на человека. Материалистическое описание тела, в котором нет души, — это теория философии порнографа. У персонажей порнографии нет души. Они отрицают ее. По их мнению, душа — это мерзкая выдумка. Они признают только вожделение. Для них существует лишь одно табу — любовь. Сентиментальность, кокетство чувств для порнографа — неиссякаемый источник отвращения.

Тобиас переключил канал. Он смотрит телешоу. Он думает о другом: о Катрине Лю, психологе из Сандму. О том, как она протягивает к нему руки, привлекает его к себе, обнимает. Ему приходит в голову, что это была их последняя встреча. Ведь с тех пор он ее больше не видел. Его пальцы хватают пульт, словно этим движением он хочет отогнать мысль о Катрине, о ее голых руках. Профессор наклонился ближе к камере, и его лицо стало странной, удлиненной формы.

— Задница есть задница, — с нажимом произнес он, — а в заднице нет души, разве что одухотворение вожделения! «Природа не делает

различия между добром и злом, — говорит этот нигилист, этот кнут де Сад[24]. — Мы вынуждены слепо подчиняться своим желаниям», — шипит он, и на этом логика ставит точку. Заметим в скобках, что он постиг печальные последствия «слепоты природы» лишь после того, как его выпустили из Бастилии и он стал свидетелем кровавой бани революции. Тогда он стал человеком с мягкими руками. Именно в ту эпоху, в преддверии Французской революции, закончился золотой век порнографии.

Херман Тильт наклонился вперед к линзе камеры, и у Тобиаса возникло чувство, будто профессор уставился прямо на него и что, кроме него, никто его больше не слушает.

Профессор откашлялся:

— После Французской революции порнография утратила свое влияние. Сатирическую и философскую порнографию больше не пишут. С изобретением фотографии начинается период спячки общества. Порнолитература теряет читателей. Прибежищем философии становятся университеты. Теперь искаженное либидо мужской половины буржуазного общества за-

---

[24] Примечания: 24
Имеется и пилу французский писатель де Сад (1740–1814).

разилось реализмом фотографии. Это лишь одурманивание: клиентов не интересует политика и философия. Их волнуют лишь похотливые самки с губами-пылесосами. Дидро сказал, что обнаженное женское тело не представляет собой неприличного зрелища в отличие от женщины с задранным подолом. И фотографы девятнадцатого века это поняли… Но сегодня эта стыдливость Дидро… мягко говоря… ненужная утонченность; мы… фотографируем лишь вздыбленные части тела… Эрекцию клитора, дрожь яичек… Еще Аретино предвосхитил современную тоталитарную власть порнографии… Однако я не знаю, могу ли говорить об этом… Не знаю, подходит ли слово «тоталитарная», когда я имею в виду… повсюду и нигде…

Профессор снова хмыкнул, закашлялся, щеки у него покраснели, он стал ловить ртом воздух, Тобиас увидел в его глазах растерянность. Внезапно он стал нервничать. Потом этот седовласый человек с шумом выдохнул и откашлялся.

На мгновение наступила тишина.

— Не знаю, что вам сказать, — продолжал профессор, он заморгал глазами, приосанился и посмотрел в камеру, — мы больше не зрители, мы — потребители. А это большая разница…

мы… — Профессор заморгал. — Частицы наслаждения! — заорал он после паузы.

Тобиас вздрогнул, сидя на стуле, и с улыбкой уставился на чокнутого старика.

— Они пытаются сделать проблему из жесткой порнографии… тайные мерзости, насилие, молчаливое посягательство… Нам не разрешают смотреть подобные сцены… Но наши телешоу, реклама… *художественная реклама…* все наши экраны… все фильмы… да… Они и представляют собой проблему. А не грубая порнография. В грубой порнографии помимо всего прочего таится вопрос, на который невозможно ответить… требование удивления или отвращения. А мягкое порно не требует реакции зрителей… оно автоматизирует реакцию… свойственную человеку… мы одурманены… улыбаемся, одурманенные… одурманенные… Какая может быть реакция на эрекцию! — На несколько секунд профессор закрыл глаза. И продолжал: — Закон призван защищать граждан страны от насилия… разложения. Снимки непристойного характера… угрозы насилия… посягательства… Тюрьмы полны мужчин и женщин, нарушивших закон… Но даже критические голоса из общества ***Новое тело*** не упоминают их… это не аргумент, но… Никто

не хочет нести ответственность… это слишком обременительно. Это противоречит всему, что мы любим. Существует грань, в каждом обществе есть грань, и зачастую она проходит именно там, где начинается неорганизованное насилие… но почему… мы видим насилие и посягательство повсюду и почему никто не пишет об этом, не показывает это!.. — Он попытался улыбнуться, но губы у него продолжали дрожать. — Мы склонили голову перед законом порнографии, друзья мои. Закон порнографии гласит: «Ты не должен любить». Да, это закон. Он безжалостен. «Ты не должен любить». И что мы делаем? Мы возбуждаемся и испытываем оргазм в будках.

Мы сидим и спим, а перед глазами у нас возникает мир картин с экрана. Ты или принимаешь закон порнографии, или отвергаешь. Если ты его не принимаешь, значит, ты ненормальный… уголовник… насильник… Это соблазн и обман… говорю я. Мы — нация обманщиков. У нас нет больше тела, мы не знаем подлинного наслаждения… Да, что я хотел еще сказать? Это призыв… ко всем, ко всем вам… — Он растерянно уставился в камеру. — Как тихо… я… профессор неврологии… доказал взаимосвязь между распространением высоковизуальной порнографии… и реактив-

ной потерей памяти… Это что-то с клетками… облучение. Аппарат чувств… *разогревается…* и это создает… *дырку* в сознании, — прошептал Херман Тильт.

Тобиас наклонился вперед: «Что он сказал о потере памяти?» Он уставился на взволнованное лицо профессора.

— Все, кто симпатизирует *Новому телу,* могут подвергнуться операции… Это несложное хирургическое вмешательство… Хирурги у нас опытные… Простым надрезом они удаляют в мозгу центр наслаждения… Всем, кто…

Он резко замолчал, словно понял, что допустил серьезную ошибку, проговорился. Профессор Тильт посмотрел в сторону, отвернулся от камеры. И в этот момент экран погас.

Тобиас огляделся, схватил пульт, нажал 7, 7, 7, но ничего не получилось.

Экран был темный.

Тобиас лежал в постели и думал, что произошла ошибка, где-то кто-то ошибся, серьезно ошибся.

26

Милая, милая Сара.

Вчера я взглянул на календарь и обнаружил, что не писал тебе целых полгода. Не знаю, поче-

му и как мне это тебе объяснить. Вчера в одном магазине я услышал, как какой-то человек рассказывал, что он успел забыть за прошлую неделю. Я вспомнил о тебе.

Не думай, будто я перестал вспоминать о тебе, потому что долго не писал. Я все время думал о тебе, Сара, и во время работы, и в школе.

Нелегко рассказать обо всем, что случилось здесь.

Я часто пропускал уроки, и учителя пожаловались Филиппу и Эве. Но Филипп поговорил с Риебером, и они отстали от меня. Я хожу в школу три раза в неделю. Остальные дни провожу в «Студио Ситрон». Филипп и главный фотограф, Якоп, очень внимательны ко мне, они многому меня научили. Я узнал массу интересного о свете, о фрагментах, о композиции. Мне также разрешили присутствовать на съемках фильма в большой студии и побеседовать со знаменитым кинооператором. Якоп подтрунивает надо мной, говорит, что я застенчивый. Но теперь я уже не застенчивый, Сара. Я изменился. Я кое-чему научился, глядя, как работают Филипп и Якоп. Мне разрешили пользоваться новой камерой и даже самостоятельно снимать нескольких фотомоделей; заставлять их делать то, что я скажу им. Якоп

и Филипп расходятся во мнениях. Якоп считает, что хороший фотограф делает снимки спонтанно. Филипп утверждает, что хороший фотограф приступает к работе, заранее продумав снимок. Они спорят, но никогда не ссорятся. Каждый пытается доказать свою правоту. Но я уже знаю, каким фотографом стану. Меня будет раздражать, если модель не сумеет сделать то, что я от нее хочу. Я всегда представляю себе готовый снимок. Якоп говорит, что у меня зоркий глаз. Но на самом деле я просто обдумываю все заранее.

В лаборатории задуманные снимки рождаются на белой бумаге.

Думаю, Сара, со мной произошло что-то неладное и теперь я мыслю по-другому.

Однако в «Студио Ситрон» никто никому не причиняет вреда. Я дружу со всеми моделями. После съемок мы сидим и пьем пепси в гостиной. Сценограф и светодизайнер убирают аппаратуру. В «Ситроне» постоянный штат моделей: Яни, Моника, Юлиана, Бент, Суфи, Хаммер и Кнут. Они всегда в хорошем настроении. Они знамениты, настоящие звезды, люди от них в восторге. У дверей студии толпятся школьники, поджидая, когда они выйдут и будут садиться в машины, чтобы отправиться в свои виллы и бунгало. Якоп

говорит, что модели любят покрасоваться перед публикой. У них красивые, натренированные фигуры. Они натираются душистым маслом, в студии повсюду хорошо пахнет. Мы сидим и болтаем ни о чем, пока налаживают свет. Бент натирает свои мускулы энзимисом, он постоянно тренируется, мы говорим о косметике, о приемах, на которых присутствовали, или о фотографиях знакомых. Но в «Студио Ситрон» лучшие модели. Сами они этого не говорят, не хвастаются, но про себя тоже так считают. Я сижу, улыбаюсь и начинаю говорить, какие снимки хочу сделать. Говорю, что только они могут выполнить то, что я задумал, что рассчитываю именно на их способности. Самое трудное — фотографировать крупным планом. Очень сложно сделать так, чтобы в неестественных позах мускулы выглядели расслабленными. «Снимки крупным планом должны быть такими отчетливыми, чтобы можно было различить каждый волосок на половом органе», — утверждает Якоп. Если эти волоски вообще есть. Чаще всего тела моделей тщательно выбриты, не оставлено ни одной волосинки.

Когда я первый раз остался в студии с обнаженной моделью, то был уверен, что покраснею и она станет смеяться надо мной. Но Филипп был спо-

коен. Он разговаривал с ней так, словно она вовсе не голая, словно у нее не тело, а красивая машина. Яни в самом деле хороша. У нее длинные волосы, пухлые губы, длинные ноги и хорошо натренированный зад. Груди у нее крепкие, а на руках длинные мускулы. Шея длинная, глаза раскосые, серо-голубые, правда, я не знаю точно, естественный ли это цвет, потому что они горят в темноте. Когда она вышла из гардероба, я отвернулся. Она была совсем голая, груди и ляжки у нее блестели, натертые косметическим средством. Выбритый лобок натерт ароматическим маслом. Она подошла к Филиппу, и они поцеловали друг друга в щеку. Яни спросила, кивнув в мою сторону:

— Кто этот мальчик?

— Это Тобиас.

Тут мне пришлось повернуться и посмотреть на нее. Я уставился на ее темные соски.

— Тебе они нравятся?

— Что?

— Мои «бутончики». Нравятся они тебе?

Она потрясла грудями и приподняла их пальцами.

Я почувствовал, что покраснел с головы до ног, и не знал, что сказать. За меня ответил Филипп:

— Ясное дело, нравятся. Он — мой приемный

сын.

И они засмеялись. Филипп объяснил ей, что я буду помогать ему, что я тоже хочу стать фотографом. Тогда Яни посмотрела на меня и пообещала, что покажет мне что-то сногсшибательное.

В «Студио Ситрон» делают только *конкретные снимки.* Теперь фотографы не хотят фантазировать. Людям надоели медсестры с большой грудью, сосущие монашенки, развратные секретарши, распутные садовники и озабоченные врачи. В «Студио Ситрон» мы снимаем только похотливые тела. Это и есть конкретные снимки, Сара. Это означает, что зрители видят что-то реальное, настоящее, а не туфту, выдуманную каким-нибудь писакой.

Я уже забыл, что у меня были проблемы с глазами. Помнишь, я писал тебе об этом? Раньше глаза у меня чесались и болели. В «Студио Ситрон» они перестали чесаться, Сара.

Мне кажется, фотографировать полезно для зрения.

Время от времени я начинаю злиться. Сам не знаю почему. Иногда оттого, что снимки получаются не точно такими, как я задумал, будто они живут сами по себе и делают что хотят, забывая, кто ими командует. Иногда я их рву.

Якоп говорит, что так поступают все фотографы. Если судить о фотографе по тому, как часто он раздражается, то я, наверное, отличный мастер. Интересно, что сказала бы на это ты, Сара? Может, сказала бы, что я порядочное дерьмо, раз делаю дерьмовые снимки.

Не думай так, Сара.

Должен сказать, что в «Студио Ситрон» никто не причиняет никому вреда.

У меня есть несколько хороших работ. Не хочу посылать их тебе, но могу объяснить, что это за снимки. Я не люблю фотографировать крупным планом обнаженных людей. Поэтому заставляю моделей сидеть подальше от камеры. Я сделал целую серию снимков на тему, как они смотрят друг на друга. На некоторых они смотрят на стену, или на руки партнера, или на волосы. Просто сидят и смотрят. Якоп эти снимки похвалил. Сказал, что они любопытные.

Любопытные?

Я скоро стану фотографом.

Я бормочу эту фразу: «Скоро я стану… фотографом. Скоро я…» Слова рисуют человека с камерой. Этот человек похож на меня, но в глазах у него полно воды, вода течет из глаз и рта. Я отгоняю от себя эту мысль. Бормочу: «Скоро… я стану

фотографом. Я — другой человек, у меня другая камера. Мои глаза улыбаются». Тебе кажется, что я чокнутый? Неужели я чокнулся?

Скоро я буду фотографом.

Симон.

27

Тобиас больше любил находиться в «Студио Ситрон», чем дома. Во время перерывов на ланч он смотрел на Филиппа. Тот всегда был спокоен. У него на лице была печать тихого умиротворения. Тобиасу нравилось выражение лица Филиппа. Это спокойствие снисходило на него в «Студио Ситрон». Дома Филипп был веселым, взрывным. За работой его движения становились плавными. Он говорил уверенным голосом. Тобиасу нравилось смотреть, как работает Филипп. Каждый раз, когда он бросал с мимолетной улыбкой взгляд на Тобиаса, мальчику хотелось, чтобы Филипп думал: «Этот паренек справится, он изменился, стал уравновешеннее». Тобиас работал над серией снимков, и чем дольше он над ней работал, тем важнее она ему казалась. Иногда он даже забывал о еде. Стоял в лаборатории по нескольку часов подряд. Выходил оттуда с распухшими глазами. Его фотографии напоминали работы Филиппа.

Он знал, что они похожи на снимки приемного отца, но это его не смущало, даже вызывало гордость. Это были снимки различных частей тела — лодыжки, колени, бедро или зад. Фотографии были светлые, кожа на них походила на песчаные дюны или скопление облаков. Но Тобиас добивался контрастности. На его фотографиях складка между половинками зада была похожа на пропасть. Подражая Филиппу, он пытался передать нежность поверхности, но у него получались слишком резкие контрасты. Он видел, что это отличает его снимки от работ Филиппа и Якопа. Иногда он был доволен своими фотографиями, иногда нет. Якоп посмеивался, говорил, что работы Тобиаса слишком мрачные. «Все молодые люди пессимисты, — шутил он, — но скоро ты вырастешь, у тебя это пройдет». Но Филипп не считал снимки Тобиаса мрачными. Он стоял и молча смотрел на них. Потом поворачивался к Тобиасу и кивал. Филипп мог ничего не говорить. Дома он болтал слишком много, а на работе был скуп на слова. Он смотрел на фотографии и кивал Тобиасу. Вот и все. Считал, что этого достаточно.

Работая над серией снимков, он думал только о печатании, сюжетах, проявке. Он рассматривал фотографии, поднимая их к свету. В лаборатории,

в темной комнате, он полностью был сосредоточен на них.

Это пока были только эскизы и эксперименты. Предстояло еще долго работать, прежде чем послать фотографии в Визуальное министерство. Его все время убеждали, что ему надо еще многому научиться. Якоп хотел, чтобы Тобиас выбирал различные сюжеты и делал снимки не только крупным планом. Тобиас стал неохотно размещать фотомоделей в разных концах студии, Якоп заходил к нему, шептал на ухо советы. Тобиасу не нравился этот контроль, он был очень молод, но уже проявил немалые способности. Когда он закончил серию снимков, Якоп сел рядом с ним и обсуждал его работу целый час, беседовал с ним о фотографии, спрашивал, делал замечания, давал советы.

Толстая женщина положила ногу на ногу. Соски затвердели, глаза закрыты. Белые ляжки пышные, словно распухшие, их разделяет лишь тоненькая черная полоска.

Молодая девушка с мягким телом. Она прижала колени к ушам. Ее шея вытянута к влажному животу. Нам видны темные полоски волос вокруг заднего прохода и в промежности.

Ее лицо напряжено. Глаза черные, словно кап-

ли дегтя. Язык высунут, кажется, будто она хочет сделать его на сантиметр длиннее. Но кончик языка не может достать до промежности. На заднем плане, между ножками стула и ее мятыми брюками в красно-белую полоску, сидит собака. Пес смотрит куда-то вверх, не обращая внимания на то, как возбуждена его хозяйка.

В дверях стоит щуплый мужчина. Он разглядывает свой крошечный пенис, который держит в руке. И в то же время поглядывает искоса на красивых женщин на переднем плане. Они вне фокуса. Они не обращают на него внимания. Их тела размыты. Они смотрят друг на друга, образуя дымку из кожи и волос.

Якоп заметил, что Тобиас делает успехи, и если будет и впредь работать так же усердно, то скоро сможет назвать себя фотографом. Они пили пепси, и Якоп рассказывал ему забавные истории. Тобиас смеялся, и, пока они сидели за круглым столом в конференц-зале между фотографиями в рамах на стенах, иллюстрирующими историю студии, ему показалось, будто он долго-долго спал, а когда проснулся, весь мир изменился, и он взволнованно ощутил свою принадлежность к этому миру, в который еще только собирался вступить.

Снимки не были мрачными. Тобиас это знал, ведь каждый раз, обдумывая возможные сюжеты, он исходил из того, что они не должны быть мрачными. Мрачные фотографии вызывают беспокойство, чувство стыда, ощущение чего-то фальшивого, и он отвергал их. Он пытался внушить себе, что это не его мысли, что они явились непонятно откуда и родились в голове другого человека. И все же он не мог перестать думать об отвратительных снимках, и однажды ночью сел за письменный стол и нарисовал эти картинки в блокноте, а когда закончил, то решил: «Сейчас я скомкаю их, выброшу и забуду о них, потому что они не мои».

На картинке был изображен женский половой орган между бледными ляжками — вагина, окруженная липкими волосами. Отверстие овальной формы походило на рот, мучительно искаженный криком, вырывающимся из глотки. Он сделал много рисунков. Груди молодой женщины, измазанные блевотиной, которая стекала с них медленным ручейком. Жидкость, жидкость на коже. Мужчина, который мочится себе на ботинки. Женщина с красным пятном между ног, ее менструальная прокладка промокла от крови. Блевотина, сперма, моча, кровь. Истечение. Он

скомкал рисунки и бросил их в корзину. Несколько недель он не мог думать ни о чем, кроме них.

28

Сара…

Я не в силах сидеть на уроках.

Вышел из дому на полчаса позднее Луси и сделал вид, будто направляюсь в школу. На самом деле я спрятал ранец в чулане и махнул в центр города. Я решил немного отвлечься.

Вместо того чтобы смотреть на двигающиеся на экранах тела, я стал глазеть на прохожих, решил, что ни разу не взгляну на экраны. Это не так легко, Сара, ведь они здесь повсюду — в окнах, на крышах, на стенах. Тела на них притягивают взгляды. Я ходил взад и вперед по торговым улицам, таращил глаза на девушек и женщин. Вначале то и дело посматривал на экраны, но потом заставил себя перестать.

Прохожие не замечали, что я таращу на них глаза. Они не замечали меня. На экранах танцевал в кухне голый мужчина Черные тела медленно покачивались в любовном танце. Люди на улице выглядели иначе, чем на экранах, и двигались как-то странно и неуклюже. Я посидел в кафе, выпил кофе с сахаром, посмотрел сквозь тон-

кую ткань брюк на лодыжки и ляжки женщин. Никто не замечал мои пристальные взгляды. Я пялился на жесткие соски под тонкой блузкой. У одной женщины заметил грязь под ногтями. Я чувствовал себя опасным преступником. За одной женщиной я шел на расстоянии трех метров целый час, не сводя глаз с ее зада, нежного, слегка покачивающегося из стороны в сторону, и представлял себе, как бы я фотографировал ее на четвереньках. Я вел себя как свинья, Сара. Потом мне стало стыдно, и я решил никогда больше не увязываться за людьми. Снова уставился на экраны и успокоился.

Я шел по торговому центру города, вниз по склону холма. Меня обогнал человек с лампой под мышкой. Я с усмешкой взглянул на него и на его лампу, но он не заметил меня. Я дошел до перекрестка. Двое мальчишек стояли и смотрели на каменную лестницу. Я остановился рядом с ними. На верхней площадке спиной к нам стояла девушка, закрыв глаза руками. Дул ветер, и ее юбка развевалась. Мальчишки смотрели на нее, молча, не двигаясь, в напряженном ожидании. Молодая женщина замерла на верхней площадке. Прядь светлых волос выбилась из узла на затылке и трепетала под ветром. Голубая юбка

обвивалась вокруг ног. Потом она сделала резкое движение. Ноги под ней подкосились, она начала падать медленно-медленно. Падая, она продолжала закрывать глаза руками. Мужчина с лампой побежал через улицу, он что-то кричал о самоистязателях, но я толком не расслышал. Мужчина помчался вверх по лестнице к девушке, которая катилась вниз. Я стоял не двигаясь. Девушка лежала на площадке второго этажа. Мужчина бросил лампу и подбежал к ней. Она подняла голову и растерянно посмотрела на него. Из раны у нее над ухом текла кровь, она плакала. Всхлипывая, положила голову ему на грудь. Я отвернулся и пошел назад в торговую часть города.

Я почувствовал себя измученным, Сара. Проходя по площади мимо кондитерской, я увидел фонтан, в бассейне которого плавал коробок спичек. Я подумал, что это уже было когда-то — человек с лампой, падающая девушка. Я видел это раньше, но точно не помню где и когда. У фонтана стояла скамейка, я сел на нее и… отключился. Я проснулся оттого, что сторож тряс меня за плечо. Я лежал на скамейке.

— Тебе плохо?

Я покачал головой, встал и медленным шагом пошел домой. Не знаю толком, что случилось

сегодня на торговой улице, Сара. Не знаю, зачем я тебе это рассказываю. Может, ты подумаешь, что я спятил, но это не так. Я просто очень устал. Думаю, это скоро пройдет.

Я пришел домой, квартира была пуста. Я поднялся на чердак и стал просматривать старые фотографии Филиппа, тридцатилетней давности. Он начинал работать фотографом для модных дамских журналов. На этих снимках модели смотрят друг на друга. На одном — сидит мужчина в черном и держит в руке дрель. На другом — манекенщица демонстрирует платье. За окном в небо взлетает самолет-истребитель, а она его даже не замечает. Эти модели похожи на куклы. И на некоторых снимках, сделанных позднее, они стоят в витринах рядом с манекенами, похожими на них как две капли воды. Просто не отличить, кто из них манекен, а кто фотомодель. Мне нравятся старые снимки Филиппа. Кажется, будто модели не живые люди, но вкус у них лучше, чем у людей, они заботятся об одежде и своем теле. Словно эти модели обитают в мире гудящих машин и думают как машины. Разница лишь в том, что у них есть вкус. Хороший вкус. На одном из последних снимков для индустрии моды на диване лежит девушка. Она голая, на ней лишь

прозрачные резиновые сапоги. А позднее он снимал только голую кожу.

Сидя один в квартире, я заснул. Проснулся ночью, оттого что мне показалось, будто где-то рядом хохочет мужчина. Может, кто-то хохотал в соседней квартире. Я встал и принял душ. Когда я вышел в кухню, Эва сидела и пила настой ромашки. Она взглянула на меня, и я заметил, что у нее красные глаза и усталый вид.

Придя домой из школы, я увидел, что дверь в комнату Луси открыта. Луси лежала на кровати, ухо у нее было заклеено пластырем, лицо очень бледное. Я вошел к ней и сел на край кровати. Она улыбнулась.

— Что это с тобой? — спросил я.

— Я ушиблась, так, пустяки.

— Но у тебя ухо заклеено пластырем. Ты споткнулась?

— Кажется, споткнулась.

— Ты что, не помнишь?

Луси пристально посмотрела на меня и отвернулась.

— Один человек наехал на меня.

— Он нес лампу?

Луси снова посмотрела на меня, ожидая, что я скажу еще что-нибудь. Я не знал, чего она хочет

от меня, и попытался улыбнуться.

— Я хочу спать, — сказала она.

Больше она ничего не сказала, и мы об этом никогда не вспоминали. Но с тех пор она все время отводит глаза. Не знаю, Сара, что она при этом думает, мне кажется, она чего-то стыдится. Вряд ли ей стыдно, что она упала с лестницы или что я видел это. Думаю, ей стыдно за меня.

Но не понимаю почему.

Сегодня вечером мы с Филиппом работали в его ателье. Он помогал мне. Мы сделали несколько копий, светлее моих обычных. Филипп похвалил их.

А мне они не нравятся. Они скучные. Но я ничего не сказал. Я смотрел на готовые снимки, и у меня вдруг возникла идея сделать обалденные фотографии. Но об этом я напишу тебе завтра.

С.

29

Эту идею, которую он так никогда и не осуществил, подала ему серия старых фотографий Филиппа для журнала мод «Овал» — две полуобнаженные женщины и чучело гепарда Гепард собирается вскарабкаться по белой стене ком-

наты. Одна модель лежит на полу, прикрыв лицо рукой, другая сидит, прижимаясь к стене, и тупо смотрит в пространство. Ситуация неестественная. Гепард замер в неестественной позе, фотомодели тоже кажутся застывшими в неестественных позах, словно куклы, подражающие людям. Тобиас подумал, что эти модели заперты в комнате, как узники. Но он тут же решил, что это не так, модели не заперты, ведь их лица не выражают ни страха, ни апатии. Они пытаются походить на людей в определенных ситуациях. Они выполняют роль реквизита. И Тобиас понял, что означает быть вещью, реквизитом. Он захотел сделать похожие снимки, но лучше, чем Филипп. И желание создать обалденные фотографии моделей, изображающих стулья, столы, лампы, в комнате с белыми стенами, овладело им, оно все росло, и Тобиас почувствовал, что у него сильно закружилась голова.

Но когда он на следующий день пришел в «Студио Ситрон», то понял, что поторопился. Он стал помогать Филиппу — налаживая свет, двигая штативы камер. И глядя, как тот работает, медленно, основательно, Тобиас понял, что должен подождать, похоронить в себе эту идею, проглотить ее; забыть на время, что хотел сделать

потрясающие снимки, раз еще не научился тому, что умеет Филипп.

Он набросил на эти воображаемые картины покров тайны.

Вернувшись днем домой, он прочел электронные письма в своем компьютере. Время от времени он занимался этим, чтобы избавиться от ощущения, будто его вовсе не существует. Тобиас так много часов проводил в темной лаборатории «Студио Ситрон», что у него кружилась голова. Он должен был как-то отвлечься, чтобы выйти из состояния оцепенения после долгого сидения на стуле. И поработать немного с компьютером было для него подходящим занятием. Наконец-то он прочитал всю почту. Подумал о незнакомых людях, которые пишут ему и с которыми он никогда не встретится. Надо же когда-то просмотреть все, что скопилось на жестком диске. На экране замелькали страницы рекламы, их было много, чуть ли не сто сайтов. Духи. Тренажеры. Собачий корм. Кроссовки. Жевательная резинка, отбеливающая зубы. Жидкость, регулирующая уровень кислотности во рту. И многое другое с изображением идеальных тел. Но чуть погодя он увидел то, что за несколько секунд изменило его жизнь в этом городе. Это был адрес *Рефлекс Фото.* Он уста-

вился на него, перечитывая несколько раз. Время работы. Виды услуг. Проявление. Обмен фотоаппаратов. Реклама гласила: «*Уважаемые клиенты! Десять лет спустя мы рады сообщить всем фотографам, что мы снова открыли свою контору в прежнем помещении*». Он отсортировал остальную почту, но уже не мог сконцентрироваться, буквы и картинки плясали у него перед глазами. Он перелистывал страницы, не читая. Потом снова вернулся к рекламе «Рефлекс Фото», уточнил часы работы.

«Поеду туда, посмотрю», — решил он.

Когда Тобиас выключил компьютер, ему пришло в голову, что на самом деле это торжественное приглашение.

Он лежал и думал об этой конторе, о фотоаппаратах (и о дне, когда ослепит Петера Фема). О том, что он скажет владельцу магазина, ведь ему нужно будет о чем-то спросить его (он думал и о слепых глазах Петера Фема). Тобиас попытался представить себе эту контору: полки со старыми камерами, фотопленки, линзы. За пыльной занавеской — машина для проявления. Он решил, что должен придумать какую-нибудь историю, похожую на правду (но перед тем как заснуть, он видел перед собой только шило, впивающееся в

глаз Петера Фема).

На следующий день он не пошел в школу. Когда Филипп уехал в «Студио Ситрон», Тобиас нашел в его шкафу черное пальто. Оно доходило Тобиасу до щиколоток. Это было черное пальто с лейблом Батлера. Тобиас терпеть его не мог, но ему было необходимо прийти в *Рефлекс Фото* и рассказать им какую-нибудь историю. В пальто он выглядел взрослым. Он напомадил волосы и зачесал их назад, сбрил три волосинки перед зеркалом в ванной и побрызгал лицо лосьоном после бритья.

Улица была залита светом витрин торгового центра. Тобиас шел и думал, что никак не может сочинить какую-нибудь историю для владельца магазина. Он подошел к магазину *Рефлекс Фото,* посмотрел на стену, на номер дома, на витрину. На название улицы. Все правильно. Окно было серое от пыли. Внезапно дверь распахнулась, и мимо него протиснулась молодая женщина. Ее темная челка падала на глаза. В руках она держала старую линзу «300 м». Она уверенно пошла по улице. Тобиас вошел в магазин.

За прилавком, спиной к Тобиасу, стоял владелец магазина Его мощная фигура застыла на месте, но у Тобиаса было такое чувство, будто владелец прислушивается к звуку его шагов.

Потом он резко повернулся. На нем была голубая рубашка. Жирное лицо расплылось в улыбка Тобиас попытался сдержать волнение. Он думал, что повода прийти сюда так и не нашел. Они оба молчали. Маленькие глазки сидели глубоко в черепе. Он продолжал улыбаться. Тобиас откашлялся. Посмотрел на прилавок, потом на пальцы хозяина лавки. На широкое гладкое золотое кольцо. По обе стороны кольца выпирал жир. Потом перевел взгляд на лицо хозяина.

— Чем могу служить? — прозвучал в комнате надтреснутый голос.

Тобиас кашлянул и ничего не ответил.

Хозяин улыбнулся:

— Хочешь купить камеру? Может, тебя интересуют старые механические камеры? У нас много прекрасных фотоаппаратов. В самом деле прекрасных.

Тобиас попробовал улыбнуться. Но его лицо застыло, как проявочная бумага.

Тобиас вспотел. Хозяин лавки поджал дрожащие губы.

— Есть ли у вас… я хочу сказать… мой отец… да… он умер… а моя мать больна… у нее день рождения… я только хотел узнать… хотел ей купить фотоаппарат, ну такой…

— Такой, как был у твоего отца? Прекрасно. Отлично.

Хозяин магазина схватил его за руку и сердечно пожал ее. Тобиас отдернул руку и посмотрел на него с серьезным видом.

— Какая камера была у твоего отца? — спросил хозяин, делая ударение на каждом слоге.

Название вертелось у Тобиаса на языке. Но он не сказал: «Хассельблад». Он подумал и ответил:

— Не знаю.

Хозяин с удивлением уставился на него и покачал головой.

— Я думал, что у вас в магазине есть каталог.

— Каталог?

— Каталог клиентов.

Хозяин магазина пристально посмотрел на него:

— Кого ты ищешь? — и, словно желая пояснить, отчетливо повторил: — Кого ты ищешь?

— Фема, — ответил Тобиас, — его зовут Петер Фем.

Тобиас замер в ожидании.

Хозяин магазина покачал головой:

— Я не продавал камеру человеку с таким именем.

— Вы уверены?

— Фем? — Он покрутил пальцами в воздухе, словно пытаясь вспомнить. — Фем, Фем… — процедил он.

Тобиас энергично закивал.

— Я обычно этого не делаю, — решительно сказал хозяин магазина, — мой каталог — это моя совесть, если ты понимаешь, что я имею в виду. — Несколько секунд он смотрел в пол, потом взглянул на Тобиаса: — Но для тебя я сделаю исключение.

Торжественным жестом он взял Тобиаса за руку, повел его по коридору и открыл дверь в темную контору. Вдоль длинной стены тянулись полки. Под потолком дрожала единственная лампа, казалось, она не могла решить, гореть ей или погаснуть. Хозяин указал толстым пальцем на полки и пояснил, что папки набиты квитанциями об уплате. Он похлопал Тобиаса по плечу и крикнул, что если он будет осторожным, то может полистать папки. Тобиас прокричал ему слова благодарности. В этой темной конторе он чувствовал себя так, словно попал в туннель.

Папки были небрежно пронумерованы, квитанции неразборчивые, свет слабый. Он понял, что времени на это уйдет много.

Тобиас пропускал занятия в школе целых три

дня, просматривая бледно-желтые папки. Он читал квитанции и с трудом разбирал подписи. Целую неделю он провел в этой комнате, листал, искал, разглядывал. В школе решили, что он болен. И в самом деле, чем дольше он там сидел, тем хуже себя чувствовал. Он приходил в эту запыленную контору в девять утра и уходил оттуда в пять вечера. Каждое утро хозяин магазина встречал его со странной улыбкой. В двенадцать он заглядывал в контору и смотрел на Тобиаса. Тобиас слышал, как он хихикал. Через десять минут он возвращался с чашкой горячего сока и печеньем. Потом громко спрашивал, как идут дела с поисками. Тобиас пожимал плечами с безразличным видом, с отсутствующим взглядом и снова утыкался в кипу бледно-желтых бумаг.

— Однако ты готов немало сделать для своей матери, — со смехом говорил хозяин магазина и уходил из комнаты.

Тобиас продолжал искать. «Хассельблад-501 С М» появился три с половиной года назад и был очень популярным у фотографов-любителей, потому что он стоил дешевле прежних моделей. Филипп называл его «жемчужиной среди камер». Но таких фотоаппаратов магазин, разумеется, продал мало. Филипп сказал, что теперь людей

не привлекают старые вещи. Просидев четыре дня в конторе, Тобиас нашел трех покупателей: Мону Якобсен, Вилли Ундера и В. Снетрама.

Проснувшись на следующее утро, он стал думать о Вилли Ундере и В. Снетраме. В сайте Вилли Ундера он увидел его фотографию — темные кудрявые волосы, глаза лани, похож на женщину. Тут же была фотография его парикмахерской. У В. Снетрама сайта не было. «Какое странное имя», — подумал Тобиас. Он стал повторять его, повторял много раз, и под конец оно потеряло всякий смысл.

29

Саре.

Это самое важное письмо из всех, что я написал тебе. Правда, это довольно странно. Пожалуй, и не к чему писать его. Ты должна была бы получить его год назад. Если на то, чтобы написать письмо, понадобился целый год, не знаю, сколько времени нужно для того, чтобы убить человека. Может быть, вся жизнь. Хорошо, что я задумал это давным-давно.

Когда я полагал, что ты находишься в этой стране, то надеялся найти Петера Фема за неделю. Мне не хотелось думать о том, что он сделал с

тобой, но не думать я не мог. Ты стояла у меня перед глазами. Ты и полицейский. Он издевался над тобой. Я не мог отогнать эти мысли, но был вынужден закрывать глаза. Не хочу писать об этом. Да и ни к чему. Узнав, что ты по-прежнему в Одере, я разозлился на него еще больше. Я так мечтал найти тебя и освободить, как Супер-Дуде. Иногда я начинаю сомневаться, узнаю ли я тебя, Сара. Но ведь это чушь собачья. Ясное дело, узнаю.

Иногда я говорю себе: «Не к чему больше писать ей. Ведь все, что мог, я уже рассказал». Но я понимаю, что должен продолжать.

Я расскажу тебе об этом.

Ну вот, снова пишу тебе.

Вчера я решил, что отыскал его. Я уверен, что найду, только еще не знаю точно, как это сделать. В одном фотомагазине я раздобыл адрес человека, купившего камеру, с помощью которой были сделаны те снимки в Одере. «Попался!» — подумал я.

Не всегда все получается так легко, как хочешь. Тетя Элена часто говорила, что иной раз мир бывает мудренее, чем разум Господень. Вспоминая поговорку тети Элены, я всегда смеюсь над собой. Я пытался найти сайт В. Снетрама в Интернете,

но его там нет. В телефонном справочнике указан номер телефона, который не отвечает.

Вчера не писал тебе. Я ужасно устал. Но теперь продолжаю. Филипп и Эва сегодня поссорились. Эва рано легла спать. Она как-то разом сильно постарела. Кожа на скулах обвисла, глаза напоминают разбитые окна, а щеки — поникшие паруса, губы шептали: «Ужасно, ужасно, я ухожу, удаляюсь». Я просто не мог смотреть на нее. Даже обрадовался, что она уйдет. Мне было просто невмоготу видеть ее перекошенную физиономию. Она сказала: «Я удаляюсь» — таким тоном, каким старый адмирал обращается к другому адмиралу. Час спустя они снова затеяли свару. Я надел шлем и стал бродить по Интернету, увидел фотографию пары, купающейся в ванне с молоком. Мне это наскучило, и я вспомнил о незаконченном письме.

Я сделал то, что и собирался, в школу опять не пошел.

В девять часов я стоял возле старого деревянного дома Было холодно, но я вспотел. Пот стекал мне на глаза По дороге я все время бормотал: «Он не узнает меня, не узнает». Но когда я увидел дом и ворота, все мысли разом вылетели у меня из головы. Я подошел к воротам, посмотрел на них. Потом отошел назад, на то место, где стоял.

Я продолжал потеть. Подождав еще немного, я снова приблизился к воротам и прошел в них с закрытыми глазами. Я придумал, что сказать, если он откроет дверь. Спрошу адрес и уйду. Я пересек заброшенный садик и остановился у входной двери. На лестнице было темно. Звонок не работал. Я постучал. Никто не ответил. Молчание. Я не переставал потеть и все время думал об этом имени: В. Снетрам. Из садика доносилось птичье щебетание. Я постучал сильнее. Опять ни гу-гу. «Надо возвращаться домой», — подумал я, но вместо этого отворил дверь и вошел в дом. На полу я увидел плесень и паутину, обувь, покрытую слоем пыли. Из коридора я прошел в комнату. На столе стояла кастрюля. Я нагнулся над ней. На дне кастрюли была засохшая еда — остатки капусты и баранины. Я прошел в гостиную. На стенках полки без книг. Торшеры с венками пыли. Запыленные, словно запорошенные снегом, ковры. Я посмотрел на свои ботинки. Они оставили следы на полу. Посмотрелся в зеркало и вытер пыль со щеки. Отсюда на второй этаж вела винтовая лесенка. На одной ступеньке лежала старая пожелтевшая газета. Под портретом женщины с жирным лицом я прочитал заголовок: «Мы *были любовниками*». Я вошел в детскую. На постели,

под одеялом в красную крапинку, спал старик, напустив слюну на белую подушку. Я подошел к нему так близко, что почувствовал его зловонное дыхание. Он спал с блаженным выражением лица. Его волосы были тоже припудрены пылью. Внезапно старик проснулся и вперил в меня светло-голубые глаза. Потом медленно приподнялся на локтях, потянулся и облизнул губы.

— Сухо, — сказал он.

— Что? — удивился я.

— Сухо во рту.

Я кивнул. Старик встал с кровати и зашагал по комнате, медленно переставляя длинные ноги.

— Я ищу Снетрама! — крикнул я.

Старик обернулся и посмотрел на меня с ухмылкой:.

— Вот как.

Он вышел из комнаты, я последовал за ним.

— Вы знаете, где он?

— Кто?

— Снетрам.

Старик потопал вниз по винтовой лесенке. Он что-то пробормотал и покачал головой.

— Но он жил здесь, не правда ли? — крикнул я.

— Снетрам? Не знаю. Может быть. — Старик остановился посреди лесенки и вдруг с тревогой

заморгал глазами. — Возможно. Но я не знаю.

— Что вы хотите этим сказать?

— Не знаю точно, жил ли здесь Снетрам, трудно сказать. Кто-то жил, но был ли это Снетрам, как ты говоришь, понятия не имею. Может, ты имеешь в виду Мартенса, но я не уверен.

Я сбежал по ступенькам и остановился перед стариком:

— О чем это вы?

Старик спокойно склонил голову набок:

— Я работал у одного человека садовником и шофером. Это был его дом. Он достался ему в наследство от отца. Потом он не захотел жить здесь и продавать дом не пожелал. Позволил мне здесь остаться.

— А где он теперь?

— Он позволил мне жить здесь не для того, чтобы я расспрашивал и выведывал. Мое дело смотреть, как этот дом ветшает, приходит в запустение. Так мне было велено. Это моя работа. Мол, пусть здесь пыль ложится и плесень расползается, а дерево гниет. Мартенс этого хотел. Он хотел, чтобы все здесь сгнило и пропало. Поэтому и не пожелал продавать дом. Хотел, чтобы дом исчез сам по себе. Навсегда. И это моя работа Самая хорошая работа из всех, какие мне доводилось

выполнять. — Старик пристально посмотрел на меня, потом положил руку мне на плечо и сказал: — Не знаю, где теперь живет Мартенс. Я его не видел давненько.

Я взглянул на желтые зубы старика:

— Но вы уверены, что его зовут Мартенс?

Старик хитро улыбнулся:

— Может, его зовут Снетрам, а может, Мартенс. Мартенс или Снетрам.

Он свернул в боковую комнату и склонился над старым-престарым телевизором.

— Хочешь посидеть послушать новости?

Он уселся в кресло и скрестил руки на груди.

— Вроде бы этот Мартенс был полицейским.

Старик уставился на экран, и я понял, что расспрашивать его бесполезно. Я взглянул на старый телевизор. На экране под звуки мелодии новостей крутился земной шар. Старик блаженно улыбался.

Я вышел из дома, думаю, он этого даже не заметил.

Птицы в садике больше не чирикали. Я пошел по городу. На улице не было ни людей, ни машин. Мне не нравилась эта тишина. В голове все время вертелось имя: Виго Мартенс. А на улице было слишком тихо. «Снетрам. Мартенс. Снетрам.

Мартенс» — эти имена продолжали вертеться в мозгу, смешиваясь со звуком шагов. «Мартенс. Снетрам. Мартенс. Снетрам». Я думал, что у меня поехала крыша.

Вернувшись домой, я, не говоря никому ни слова, бросился в свою комнату и сел за компьютер. Побродив немного по Интернету, я нашел сайт детектива Мартенса. Я прочел там всего лишь три фразы:

Желаете нанять Мартенса? Изложите свое дело. Не более двенадцати строк.

Вот и все содержание сайта. Никаких фотографий. Ни адреса, ни номера телефона. Мне захотелось плюнуть на экран, разбить его, расколотить весь компьютер. Но я просто лег на кровать. Я был не в силах плакать. Не в силах о чем-нибудь думать. Эти фамилии звенели у меня в ушах: Мартенс, Снетрам. Снова и снова. Я решил, что окончательно спятил. Что все потеряно.

Я залез под одеяло и уснул. Мне приснились глаза Виго Мартенса. Они смотрели на меня приторно-ласково, я испугался и вскочил с постели. И решил сесть за письменный стол, чтобы написать тебе.

С.

30

Привет, Сара.

Я узнал кое-что про Виго Мартенса в полицейском регистре Интернета. Правда, немного, но все же неплохо для начала.

Он родился в октябре. Его мать звали Ната-лис. У него есть сестра Тале. Она на десять лет старше него. В сайте спецподразделения полиции я нашел его фотографию, на губы и подбородок падает синяя тень. На этом снимке он улыбается одними глазами, кажется, будто он хочет мне что-то подарить. *Детектив полиции нравов.* Ему сорок четыре года. Интересно, сколько лет он занимается фотографией? Руки безвольно висят вдоль тела. Глаза маленькие, серые, кажется, будто это глаза женщины. Кожа туго обтягивает скулы. Рот похож на два шершавых пальца. Губы не растянуты в улыбку. Интересно, о чем он думает. *Сотрудник полицейского управления столицы. Стаж в управлении восемнадцать лет.* На снимке на нем темно-зеленая одежда. Окончил полицейское училище в двадцать три года. Адрес: Свин-ген, 8. *Не состоит в постоянном штате.* Как ты думаешь, Сара, что это значит? Может, он в чем-то провинился? Может, его уволили? Или…

Как это называется? Я не помню. Хочу узнать о нем больше…

Я просмотрел все материалы полицейского регистра. Четыре года назад он напечатал в газете статью о вентиляционной системе здания полицейского управления. *Данная система не обеспечивает должный эффект на шестом, седьмом и восьмом этажах.* По его мнению, воздух там должен быть суше. Я закрыл глаза и попытался представить себе, что такое сухой воздух. Может, это означает что-то особенное, как ты думаешь? Какой-то тайный смысл? *Срок рекламации — пять лет — еще не истек.* Сейчас я могу думать только о воде. Ужасно хочу пить. В сайте был еще и другой его портрет. На нем он улыбается. Его тонкие губы растянуты в ухмылке. *В законе по охране труда сказано об этом совершенно четко.* Лоб у него блестит. Я наклонился к самому экрану и увидел, как сверкнули его зрачки. Не думаю, что в эту минуту он размышлял о вентиляционной системе.

Я все гадал о том, кто же он на самом деле. Просматривая эти сайты, я пытался представить себе, как он выглядит, чем занимается.

И что делал, когда ему было столько же лет, как

мне сейчас, я придумывал разные истории из его жизни. Вот однажды пошел он в лес, набрел на голубятню и вскарабкался на нее. Постоял там и посмотрел на темное море. Где-то далеко-далеко сверкало солнце. Оно слепило ему глаза. Он был один. Ему нравилось стоять здесь и смотреть на море. Внизу на тропинке он увидел девушку. Она его не заметила. Он знал ее, но не стал махать, потихоньку спустился и подошел к ней. *Разумеется, производитель несет ответственность за некачественное изделие.* Он подошел еще ближе. Она резко повернулась и улыбнулась ему.

— У меня для тебя подарок, — сказал он.

— Какой? — с улыбкой спросила она.

Он вынул из кармана украшение. Оно блестело на солнце. У нее выступили слезы на глазах.

— Какая прелесть, — воскликнула она и обняла его.

Он слегка отодвинулся от нее.

— Откуда это у тебя?

— Украл.

Он взял ее за руку, и они поднялись на голубятню, чтобы полюбоваться морем.

В каком доме он живет? На какой машине ездит? Как он моет руки? Как спит в постели? Как ты думаешь, Сара? Как он пересекает площадь,

выходя из дому? Как срывает цветок? Вот идет дождь. Он входит в дом, в гостиную. Садится на диван. Ложится. Привстает, включает телевизор. Снова ложится. На его подбородок падает тень. Кто-то стоит возле его дивана. Кто-то наклоняется над ним.

В детстве Виго любил кататься на велосипеде. Ездил на большие расстояния. К бабушке в соседний город. Мать никогда не знала, куда он направляется. Бабушка была богата, она держала служанку. Ужасно богатая бабушка! Она не любила Виго. А Виго нравилась ее служанка. За пятерку девушка снимала с себя блузку. Она не любила Виго. Она показывала ему пупок. Он клал в ее пупок леденец и лизал его. Девушка смеялась. Бабушка не очень-то радовалась его визитам. Он считал бабку противной. Ему хотелось поскорее вернуться к матери и сестре. Но он оставался у бабки. Ему хотелось побыть со служанкой. Он покупал ей подарки. Она снилась ему, и он прокрадывался к ней в комнату. Она позволяла ему лежать рядом, класть голову ей на грудь, хотя ему было всего четырнадцать.

Однажды дядя подарил ему фотоаппарат. В следующий раз, отправляясь к бабушке, он взял его

с собой. Попросил у служанки позволения сфотографировать ее. Она обнажала перед ним свои маленькие груди и пупок, и он фотографировал их. Эти снимки он прятал в шкатулке на чердаке и никому не показывал. Когда он приехал к бабушке в следующий раз, оказалось, что служанка заболела и лежит в больнице. Виго пришел туда навестить ее. Посидел возле ее кровати, сказал, что он не будет любить никого, кроме нее. Она обещала ему поправиться, но через несколько недель умерла.

Знаешь, Сара, мне казалось, я прочел все это на его лице. Ты, поди, решила, что я точно спятил. Но я уверен в том, что он именно такой добродушный, обычный человек. Меня пугают его улыбка и блеск в глазах. Стоит мне взглянуть на его лицо в Интернете, как у меня начинают чесаться глаза, и мне кажется, что это уже было давным-давно. Мол, все, о чем я тебе пишу, всего лишь забытые слова в мире забытых вещей. Я думаю о тебе, Сара, прочтешь ли ты когда-нибудь это письмо, помнишь ли ты меня? А может, дома уже считают меня мертвым и говорят: «Теперь он на небе, у ангелов в раю».

С.

III

31

Ночью он лежал на краю расплывчатого мира грез. «Сейчас засну», — думал он. «Но разве такие мысли не доказательство того, что сна у меня ни в одном глазу? — спрашивал он себя чуть позднее. — Я всегда сомневаюсь в собственных заключениях, этому просто нет конца, но все же я уверен в том, что когда-нибудь это прекратится».

Постепенно он в самом деле скользнул в своего рода забытье, и сразу же на него обрушились сновидения. Сны были лихорадочные и счастливые. Может, ощущение, что он наконец заснул, принесло ему облегчение. В это утро он проснулся от такого сна. Солнце щекотало его тощими пальцами. Смех клокотал у него в груди и вырывался наружу. Кончиками пальцев солнце касалось его век и ноздрей, льнуло к нему, он лежал с закрытыми глазами, залитый ярким светом. При этом освещении у действий не было названий, он не знал, какими словами обозначаются вещи, и ничего не помнил о них. В этом ослепительном свете не было ничего, кроме образов. А образы

являлись ему в виде теней. Будучи полицейским, он привык к этому; все представлялось ему в виде теней: бумажная волокита, выяснение дат, беседы и допросы были направлены на то, чтобы вырвать у теней реальные образы. Может, это связано с тем, что кривая насилия поползла вверх? Ему приходилось ловить тени глазами и отделять от образов. Он осторожно раздевал живые образы, различал соски, жадные руки мужчины, груди женщины. В этом светлом мире он видел все, а сам становился невидимым. Он проснулся, почувствовал облегчение. По утрам он обычно не чувствовал себя отдохнувшим, а в это утро был бодрый и сильный. Это казалось ему нелепым. Странные, необычные сны приснились ему ночью. Он засмеялся, стоя под душем, и поймал себя на том, что испытывает радость. Он оделся, вполне довольный собой постоял у кровати, на которой спал, пытаясь представить себя спящим, ощущая в теле успокаивающие остатки сна.

32

После завтрака он нередко испытывал удушье и потому предпочел ограничиться чашкой кофе с сухим печеньем, а потом вышел на террасу. Прошлой осенью он привел ее в порядок, покра-

сил и теперь часто сидел на открытом воздухе. Весеннее солнце сильно пригревало. Вообще-то он считал этот свет слишком ярким и резким, тем не менее у него вошло в привычку каждое утро проводить несколько минут на террасе, ему казалось, что он пронизан солнцем. Нелогичные привычки полезны. Ему доставляло удовольствие испытывать легкое недомогание, оно вызывало в нем необъяснимую радость. Терраса выходила в заброшенный садик. Он сел на старый плетеный стул и положил ноги на табурет. Несколько минут он сидел, впитывая солнечный свет и пытаясь вспомнить то, что видел во сне. В десять минут девятого он встал, подошел к перилам и посмотрел на дорожку внизу, до которой от дома было метров двадцать. Каждое утро в восемь десять — восемь пятнадцать по ней проходила школьница лет четырнадцати-пятнадцати, рыжая неуклюжая коротышка с маленьким двойным подбородком, с веснушками на носу. У нее был жирный животик, под пестрым джемпером торчали груди, как два мандарина. Были ли на ней брюки или юбка, одежда всегда плотно облегала зад. Ему нравилось смотреть на ее бесформенное тело, вызывающее в нем сладостный трепет и смутное желание защитить ее. Он знал,

что она не замечает его. У него слегка кружилась голова, ее вид поднимал ему настроение. Она проходила внизу под ним, покачивая из стороны в сторону рыжей головой, а он воображал, как стал бы фотографировать ее лицо, если бы ему предоставилась такая возможность.

— Ааа, ааа, — произнес он нараспев.

Когда девчонка исчезла за кустами, он вдруг почувствовал странную тревогу и покрылся испариной, пошел в ванную, вымыл руки и ополоснул лицо холодной водой. Потом открыл шкафчик с лекарствами, достал из коробочки двухмиллиграммовую таблетку либрума и проглотил. Пока он что-то делал, ему удавалось держать память под контролем. Но стоило ему лечь отдохнуть, как он начинал вспоминать. Без снотворного (он перешел на разрешенный законом рухипнол) и либрума ему теперь редко удавалось уснуть. Сначала лезла в голову всякая ерунда — подошвы детских ботинок, жирные пятна, мамины уши, игра со спичками, униформа отца, запыленное окно, машина, гараж, девчонка с косой челкой. Но постепенно спокойная река воспоминаний всякой дребедени превращалась в нечто иное.

Перед ним ошеломляюще отчетливо возникал бетонный пол. Он с замиранием сердца разгляды-

вал его крупинчатую структуру. Свет фотоламп ослеплял его. Он видел капли пота на щеках Себастиана Ногти на ногах Юлии. Колени. Ляжки, темное пятно лобка. Он переводит взгляд на рубашку Себастиана На его глаза. Ловит ее взгляд. Фотокамера. Бетонный пол. Ногти.

33

Фотографии штатных полицейских тоже имеют обыкновение покрываться пылью.

Его взгляд скользнул по спинке сиденья машины, пыльное, с пятнами грязи. Мир не что иное, как место свалки всякой дряни — пыли, дерьма, мусора, вещей, не годных к употреблению, и тех, что вот-вот придут в негодность. Он много раз повторял это, повторение успокоило его, усыпило, заставило фантазировать, он представил себе, что находится где-то в другом месте, в другой машине, а рядом с ним сидит незнакомая женщина, вокруг них — другой пейзаж, пинии, река, круглые валуны; вечереет, на душе у него покой, он знает, что сейчас произойдет нечто, что заставит время остановиться. Пыль всегда наводит его на мысль, будто случится что-то непоправимое. Но все было как прежде. Дорога. Запах пыли. «Мне надо пропылесосить

и вымыть машину», — подумал он. Он проехал мимо центра телекома с рядом голубых окон. В одной витрине увидел рекламу — букет цветов и анус с тоненькими морщинками. Он нырнул в туннель и снова выехал на дорогу, яркий солнечный свет ослепил его. Он сам снял нечто похожее. Всего три дня назад, три дня назад! Ночью он вспоминал все, что хотел забыть, днем он забывал всякие мелочи. «Очевидно, это происходит из-за болезни. Важное я помню. Виной тому рак, он пожирает мой мозг». Он был уверен, что рак распространяется по его телу. Каждое утро он ощущал, насколько продвинулась болезнь. Эти мысли вызывали у него страх и в то же время сладостную, трепетную радость. Он уже много лет не был у врача. Доктор неоднократно вызывал его, но он каждый раз откладывал визит. Под конец письма от врача перестали приходить. Мысль о враче вызвала у него страх и апатию. «Весь наш род по материнской линии отличался плохой наследственностью, — подумал он, — мы не что иное, как жизнеопасная генетическая трясина». С него хватало того, что он знал, он не хотел, чтобы врач подтвердил это. Знал, что у него рак, что он умрет так же, как умерла его тетка. Ему не к чему выяснять подробности. Его бабка тоже умерла от

рака. «Я тоже умру от этой болезни», — думал он. Он поехал дальше, через мост. На левой стороне дороги он заметил старуху с палкой. Она медленно тащилась по гладкому как зеркало тротуару. Он обогнал ее, остановил машину, вылез и подошел к старой женщине. Она робко посмотрела на него.

— Я охотно подвезу вас, — предложил он.

— Благодарю вас, молодой человек, — ответила она, — но я живу рядом, вон за тем углом, и прекрасно дойду сама.

И все же он взял ее за руку и потащил к машине. Она начала кричать и лупить его палкой, на которую опиралась.

— Успокойтесь, мамаша, — со смехом твердил он.

По другой стороне улицы шла молодая пара.

— Может, вам помочь? — вполне миролюбиво спросил парень и остановился.

— Спасибо, — улыбнулся Виго, — я справлюсь.

Молодой человек кивнул. Виго заставил старуху сесть в машину, швырнул ее на заднее сиденье. Она всхлипывала, крепко сжимая палку.

— Где ты живешь? — рявкнул Виго.

У нее затряслись руки, но она не ответила. Он ударил ее по лицу, и у нее изо рта потекла кровь,

капая на сиденье. Он попытался успокоиться, взять себя в руки й уже сдержаннее повторил вопрос. Она, заикаясь, назвала адрес. Машина рванула с места, и голова старухи откинулась на спинку. Он покосился на нее, пытаясь представить, как она выглядела в молодости. Может, она была красивая? Он довез ее до дома, наклонился к ней и почувствовал слабый запах мочи. Виго открыл дверцу и сказал:

— Приехали!

Женщина с трудом вылезла из машины и пошла с согнутыми коленями к входной двери. Виго выскочил, схватил ее за руку, довел по гладкому тротуару до двери и втолкнул в полутемную безопасность холла. Когда он снова сел в машину, то почувствовал удивительное облегчение.

Фотомодель ждала его на углу улицы. На ней было кожаное пальто. Лицо у нее было очень бледное. Она помахала рукой и улыбнулась ему, как всегда улыбаются модели в предвкушении платы. «Желание заработать заставляет ее руку долго махать с такой легкостью», — подумал он. Она села в машину и сразу же начала без умолку болтать обо всем на свете — о яхте, о летнем отпуске… Внезапно он снова почувствовал себя ужасно усталым. Он прислушивался к ее голосу и

думал о том, как будет снимать ее. В эту минуту ему не хотелось ни смотреть на нее, ни говорить с ней. Хотелось просто слышать ее голос и не отвечать. Под конец она замолчала. Они въехали в туннель. Маленький круг света в конце туннеля подал ему идею о клише. Ни один из них не сказал ни слова, покуда они не подъехали к его дому. Она вышла из машины и уставилась на дом:

— Твой?

— Да.

— Какой-то особенный.

Они вошли. Он показал на лестницу и пошел вверх следом за ее черным пальто. Они поднялись в фотоателье. Посредине стояла железная кровать без матраца. Он пробормотал, чтобы она разделась и повернулась к стене, и стал возиться с видеокамерой. У нее было красивое лицо с правильными чертами. Она стала раздеваться, а он продолжал думать, как будет ее снимать. Думал о ее бледной коже. О ее лице, о выражении глаз. Он повернулся к ней и посмотрел на ее глаза. Они были зеленые. Солнечный свет сделал ее кожу голубоватой.

— Ложись на кровать, — сказал он.

Она сняла одежду и окинула его взглядом, словно что-то искала.

— Сапожки снимать?

Он продолжал думать о съемке, не сводя глаз с ее лица. Сапожки. Он не обратил внимания на то, что она не сняла их. Это были черные кожаные сапожки до щиколоток. Они ему что-то напомнили. Он не знал, что ей ответить. Такие же сапожки были у его сестры Тале.

— Так снять мне их или нет?

— Нет.

Она легла, и он начал привязывать ее руки и ноги к кровати четырьмя веревками.

— Мы отравили наше сознание тенями, — сказал он, чтобы сбить ее с толк и позабавиться. — Сладострастие, праздность, леность, мотовство отравили наш разум фальшивыми фразами и скверными привычками.

Она уставилась на него, вытаращив глаза.

— Это Цицерон.

— О-о-о!.

Он привязал веревку к спинке кровати.

— Я влюбился в тебя, — сказал он.

— Вот как!

— Это правда. И потому прошу тебя сделать мне маленькое одолжение.

— И какое же?

— Чтобы ты сказала сейчас то, что я тебя по-

прошу.

— И что я должна сказать?

— Не знаю, как мне осмелиться просить тебя об этом, дорогая. Боюсь, ты можешь отказать мне.

— В меня еще никто не влюблялся.

— Не могу поверить. Ты очень красива.

— И все же в меня никто не влюблялся.

— А я без памяти влюбился в тебя.

— А ты докажи это. И я скажу все, что ты меня попросишь.

— Я докажу это, поведав одну историю.

— Давай.

Он крепко привязал ее левую лодыжку к столбику кровати. Потом постоял у изножья и полюбовался ею.

— Ты в самом деле прекрасна.

— Неужели? — она склонила голову набок.

— Истинная правда.

Он положил руку на ее плоский живот и провел кончиками пальцев по нежной коже вниз, до промежности.

— Однажды много лет назад жил в маленьком торговом городке А. мальчик. Родился он сорок четыре года назад. Он очень любил свою мать и всю свою семью. Ему было присуще особое свойство.

— Какое?

— Он мог заставить людей полюбить себя.

Фотомодель улыбнулась.

— У него была особая манера, которая действовала безотказно. Он обводил глазами все окружающее его и сосредоточивал взгляд на одной точке. И все, кто попадал в его поле зрения, оказывались в ловушке, в его власти. На большой площади он заставлял самых красивых женщин влюбляться в него. Они целовали его, делали ему подарки. Ему даже не надо было напрягаться. Пока он находился рядом с ними, они были без ума от него. А после женщины этого даже не помнили. Им казалось, что время на какие-то минуты остановилось. Что они находились вне времени и не могли осознать свои собственные ощущения и мысли.

— И что случилось с этим мальчиком?

— Ему не слишком повезло.

— А почему?

— Ты думаешь, что я говорю с тобой иносказательно, что ничего подобного не было.

— Тогда говори понятно, — прошептала девушка.

— Ты, разумеется, догадалась, что речь идет обо мне и что городок А. в самом деле городок А.

Но ты не поняла, что я и вправду могу взглядом заманить человека в ловушку. И в доказательство этого я могу за две секунды заставить тебя полюбить меня.

— Так заставь.

Виго уставился на ее лоб напряженным, сосредоточенным взглядом. Он поднял левую ногу, ловко повертел ею и снова впился взглядом в ее лоб. Потом наклонился над кроватью. Лицо девушки расплылось в улыбке.

— Я ощущаю это, — сказала она.

Он кивнул.

— Я в самом деле люблю тебя.

— Это правда.

— В самом деле правда. — Она засмеялась.

— Скажи, что ты любишь меня.

— Я люблю тебя.

— Скажи это в камеру.

— Я люблю тебя.

— Скажи еще раз.

— Я люблю тебя, люблю тебя, люблю тебя.

Закончив съемку, он отложил камеру и стал отвязывать веревки от кровати. Девушка бросила на него безразличный, тупой и даже злобный взгляд. Он пробормотал, что она может одеваться, подошел к стулу и повернул его к окну. Сел,

положил камеру на колени и принялся перематывать пленку. Он слышал, как она одевается. Чуть погодя в комнате стало тихо.

— Все в порядке? — прошептала она.

— Нет, — ответил Виго.

Он знал: если она в эту минуту подойдет и положит руку ему на плечо, он сломает ей пальцы.

И он услышал ее шаги на лестнице.

На следующий день он снова фотографировал ее. На этот раз съемка ему понравилась. Фотомодель была в замешательстве. Она лежала на кровати и повторяла одни и те же слова. К тому же ему нравились ее сапожки. Он сделал копию и отправил ее агенту по электронной почте.

Две недели спустя он получил извещение от шефа полиции. Оно было написано от руки шариковой ручкой. Его доставил посыльный в десять вечера — традиционная и неприятная процедура. Виго с трудом разобрал почерк шефа. К счастью, сообщение было краткое. В нем говорилось, что с этого дня Виго Мартенс уволен из полиции. В ярости Мартенс с бранью разорвал извещение. Он надел пиджак и стал искать ключи от машины. Он хотел помчаться к шефу полиции и повторить все, что он только что прокричал. Но,

не найдя ключей, он сбросил пиджак, поднялся в фотоателье и стал разбирать свои снимки. Он решил избавиться от всех фотографий, на которых запечатлел кое-что помимо сисек и животов. Возможно, все прочее сочтут криминальным реквизитом полицейского. Он ощущал, как стучит кровь у него в висках. На столе перед ним стоял целый архив.

На следующий день он не поехал в полицейское управление. Когда же он явился туда, ему сообщили, что у агента фотомоделей был обыск. Они нашли запрещенные материалы, часть которых составляли снимки, сделанные Виго. Виго не произнес ни слова.

Он вышел из здания управления со своими вещами. Воздух был свежий и по-весеннему теплый. Он во всем винил сапожки. «Если бы я не вспомнил про сапожки Тале, этого не случилось бы», — подумал он, направляясь к своей машине.

34

Он сидел в кабинете шефа полиции на кожаном стуле, под яркой лампой дневного света. Шеф полиции и юрист, работавший в управлении со дня его основания, сидели напротив и смотрели

с плохо скрываемым злорадством то на Виго, то на его адвоката. Они говорили про обыск и вещественные доказательства. О запрещенных снимках. О процедурах и параграфах. Перед сутулым юристом лежало несколько фотографий голых людей. У одной девушки на груди была размазана кровь. Юрист рассматривал снимки, сокрушенно покачивая головой с гримасой отвращения. Они говорили об увольнении. Шеф полиции и юрист передавали снимки друг другу. Лица обоих были искажены гневом, они походили на двух странных старых птиц. Виго с трудом удерживался от смеха. Шеф полиции более худой и стройный, чем юрист, хотя юрист моложе. Эти худощавые мужчины ничего не говорили о фотографиях, они только качали головами. Они лишь рассуждали о параграфах и процедурах.

Юрист посасывал глазной зуб. Его голос слегка дрожал, как у стариков. Он говорил о правилах, принятых в обществе. О дозволенном и недозволенном, О здоровом и нездоровом. О нормальном и ненормальном. О том, что выходит за грани приличия. Под конец он стал распространяться об увольнении.

У шефа полиции вспотела верхняя губа. Он вытер капли пота тыльной стороной руки и налил

воды в стакан.

Виго хотелось встать и объяснить, что он невиновен. Тихо и спокойно подняться и заявить, что это не его фотографии, он не имеет никакого отношения к снимкам, лежащим на этом столе. Он никогда не просил фотомодель размазывать по груди кровь. Никогда не снимал сцены насилия, он не садист. Это не его снимки, он не делал ничего плохого. Внезапно ему пришло в голову, что он в самом деле может это сказать, пусть им его слова покажутся нелепыми, пусть они ему не поверят, какая разница! Он откашлялся, и шеф полиции взглянул на него, но кислое выражение лица старика заставило его выбросить из головы эту мысль. Слова застряли у него в горле. Он закрыл глаза, чтобы не видеть мигающий свет трубок на потолке. Шеф полиции и юрист продолжали болтать, время от времени их прерывал адвокат Виго, человек молодой. Виго подмигнул ему. Он знал, что шеф полиции и юрист уже приняли решение. Вопрос был закрыт давным-давно, и эта беседа лишь чистая формальность. Шеф сказал несколько фраз о карьере Виго. Он вспомнил про старательность, которую тот проявил в молодые годы. Виго устал, ему хотелось сейчас уехать домой. «Мне, поди, надо было бы сделать вид, что

я разъярен или ужасно огорчен», — подумал он. Шеф полиции поднялся.

— Ты знаешь наши порядки, — сказал он, — и знаешь, что будет только хуже. Никогда не ожидал этого от тебя.

Он хотел посмотреть Виго в лицо, но его взгляд скользнул на окно. Виго встал, пытаясь состроить огорченную мину. Он чувствовал страшную слабость. Сев в машину, он положил руку на баранку и был вынужден посидеть несколько минут с закрытыми глазами, голова раскалывалась от боли.

Придя домой, он позвонил Тале, С тех пор как он сделал снимок фотомодели на кровати, Виго не переставал думать о сестре. О ее лице и сапожках. Он не говорил с ней уже много лет. Виго поинтересовался, что она собирается делать летом. Она удивилась его звонку и сказала, что свободна и собирается ехать с дочерью на дачу. Он спросил, не хочет ли она, чтобы он погостил там несколько дней.

— Я тоже свободен, — добавил он.

— Ты же всегда занят, — засмеялась Тале.

— Я давно не видел тебя.

— Не знала, что ты найдешь время, чтобы повидаться со мной, — сказала она, помолчав.

— Теперь у меня есть время.

Тале тихонько засмеялась в трубку.

На другой день он отправился на дачу.

Погода была солнечная. По дороге он думал о Тале, о том, как они когда-то давно праздновали там ее день рождения. Ей исполнялось тогда семнадцать лет, ему было только семь. Родители уехали в город. Они остались одни. Она пригласила несколько девочек и мальчиков с соседних дач. Они пили пиво и бросали бутылки в озеро. На Тале было желтое платье, и он впервые заметил, что она стала взрослой и красивой. Виго вспоминал желтое платье сестры и то, как он однажды сделал снимок фотомодели в желтом платье, с загадочным бесцветным лицом. И снова подумал о Тале. Она стояла с одним пареньком за огромным камнем. Его рука скользила по ее платью. Позднее Виго лежал на кровати, прислушиваясь к доносившимся с террасы голосам молодежи, и представлял себе кораблекрушение — вот Тале стоит у поручней и вдруг падает в воду. Ее желтое платье, завихряясь, опускается на дно.

Уже десять тридцать. Виго беспокойно поеживался. Он свернул с шоссе, машина поползла по старой проселочной дороге, тянувшейся по берегу озера.

Он вышел из машины и направился к дому. Тале и ее дочка сидели в шезлонгах на лужайке. Тале поднялась и пошла ему навстречу. Ее освещенное солнцем лицо расплылось в улыбке.

— Все как прежде, — пробормотал он, оглядываясь по сторонам и пытаясь не встречаться взглядом с сестрой.

— Ты хорошо выглядишь, — заметила она.

— Никак ты ослепла, — возразил он и посмотрел на ее ноги.

На ней были те же самые сапожки, что и тогда, когда он видел ее в последний раз. Он запомнил их. Точно такие же, как у его фотомодели. Он подумал, не сказать ли ей об этом, но тут же вспомнил, какая она странная и замкнутая.

— Поздоровайся со своим дядей, Пиа! — хрипло крикнула Тале.

Племянница прищурилась и помахала ему:

— Привет!

Ей исполнилось шестнадцать. Белобрысая, коротко стриженная, на расстоянии она казалась высокомерной. Но когда он подошел и обнял ее, выражение глаз девушки смягчилось.

Он взял с собой камеру и за время выходных сделал все снимки, какие ему хотелось сделать в детстве. Покатую лужайку. Дорожку за домом.

Вид из спальни на втором этаже. Намытые до блеска полы. Консервные банки, выстроенные рядами на полках в погребе. Веревки для сушки белья. Флагшток.

Тале и Виго совершили турпоездку в беспечное царство милой болтовни. Каждой фразой они, казалось, отрекались от прошлого и, по сути дела, показывали, какие они разные. Они никогда не сидели и не беседовали по душам так долго. Каждый мелкий эпизод они разыгрывали, как спектакль. И волнующим в этом спектакле было то, что они пытались не вспоминать, что не звонили друг другу целых десять лет. Пиа сидела в шезлонге и листала журналы. Они позавтракали втроем. Потом ныряли с пристани. Бродили по берегу. Тале сказала, что отлично провела время. А Виго думал, что спокойная дачная жизнь расслабляет. Но он наслаждался этим беспечным состоянием. Ему казалось, будто узлы его мускулов растворились, а в голове поселились покой и прохлада. В первую ночь он спал в своей детской комнате целых пять часов. А на следующее утро был в прекрасном настроении. Он рассказывал забавные истории из полицейской жизни, заставляя женщин корчиться от смеха.

В субботу утром, стоя на лужайке, он смотрел,

как туман ползет к берегу. Но снимать ему сейчас не хотелось. Он вернулся в дом. Тале и Пиа сидели на веранде и листали журналы. На даче у Тале не было ни экранов, ни шлемов. Только журналы и книги. Никаких электронных развлечений, нарушающих очарование лета на природе. Это был закон, установленный Тале. Он крикнул им:

— Я поеду в магазин, куплю к ужину бутылку вина!

Тале помахала ему и улыбнулась из-под соломенной шляпы.

Он направился к парковке, как вдруг услышал за спиной шаги. Обернулся и увидел, что его догоняет улыбающаяся племянница.

— Можно, я с тобой?

По дороге в магазин Пиа рассказывала ему про свою подругу, которая делает прекрасные снимки. За эти дни она не перемолвилась с ним ни словом, а тут принялась болтать без умолку про свою подругу. Виго ехал слишком быстро. Он не вникал в то, что она говорила, просто вслушивался в ее голос. Машина накренилась на повороте, и он понял, что гонит слишком сильно. Она посмотрела на него, и он спросил, почему она раньше все время молчала. Но племянница только пожала плечами. Он сбавил скорость и

взглянул на ее хрупкие руки, лежащие на коленях. Она болтала о школе, о подругах, о фильме, который видела недавно. Она собиралась поступить в школу фотомоделей и стать самой знаменитой моделью мира. Она кокетничала и запрокидывала голову. Шея у нее была длиннее, чем ему казалось вначале. Тоже худенькая. Он решил думать о чем-нибудь другом.

— Ну и каково работать в полиции? — вдруг спросила она.

— Не очень-то хорошо! — вырвалось у него.

— Тебе не нравится?

Он попытался сделать беспечный вид.

— Когда-то нравилось.

— И перестало?

Заботливый тон ее голоса заставил его съежиться на сиденье. Он не привык к сочувствию.

— Я собираюсь уходить из полиции.

— И что ты станешь делать? — лукаво спросила она.

— Пока еще не знаю. Может, буду фотографировать.

На несколько мгновений воцарилось молчание, он то и дело поглядывал на девушку, и чем дольше он смотрел, тем больше ему хотелось снимать ее. Или разорвать на куски. На обрат-

ном пути из супермаркета он спросил, не хочет ли она, чтобы он сфотографировал ее в саду ну, скажем, где-нибудь после полудня. Племянница засмеялась.

— Почему ты смеешься?

— Да просто так.

— Так хочешь, я сниму тебя?

Она подняла плечи, покривлялась. Он подумал, что это ей идет.

— Снимай, если охота.

Пиа сидела, опираясь спиной о камень, и читала. Виго фотографировал ее, лежа на траве. На ней были синие хлопчатобумажные брюки и желтая блузка. Виго так заинтересовало ее лицо, что он истратил две пленки.

В этот вечер моросил дождик. Он поплыл на лодке, прихватив леску, и вытянул треску. Сворачивая рыбе голову, он услышал странный хруст. Подгребая назад к берегу, Виго представлял себе задумчивое лицо племянницы. У него было такое чувство, будто он что-то забыл. Но, вытаскивая лодку на берег, он понял. Он уже несколько недель не вспоминал про рак. Тале сказала, что он хорошо выглядит. Ему не хотелось ее тревожить. Но может, ему поговорить об этом с племянницей и попросить ее не рассказывать

матери? Он улыбнулся.

Днем он обратил внимание на лодку, скользящую в шхерах между мысами. За ней тянулся хвост из пены, прочерчивающий четкий треугольник на водной глади. Как ни странно, гребца не было видно. Лодка двигалась довольно быстро, весла были подняты к небу. Виго прищурился. И тут в лодке появилась фигура, это произошло настолько внезапно, что он вздрогнул от испуга, хотя сидел на берегу за добрую сотню метров. Тале повернулась и посмотрела на него.

— Ты не возражаешь, если я поснимаю ее? У себя дома? На следующий уик-энд, если это ее устроит?

Он не собирался говорить это, выпалил автоматически.

Тале посмотрела на него с тайным неодобрением. Ему всегда казалось, что сестра знает все о нем, хотя понимал, что это идиотская мысль. «Скажи „нет“, — подумал он, — скажи, „нет“». Но она сидела странная и таинственная, не говоря ни слова, и ему захотелось хорошенько встряхнуть ее. Тале встала, подошла к брату и села между его коленей. Он замер. Потом она положила голову на его правое бедро.

— Что ты собираешься делать с ней?

— Ничего.

Тале закрыла глаза. Он почувствовал тепло ее щеки сквозь ткань брюк. Он взглянул на ее непроницаемое лицо и повторил:

— Ничего.

35

Они считали, что он отреагировал слишком легко, их оскорбило это небрежное отношение. Для них он был демон, а его мысли — неиссякаемый источник любопытства. Они окружали его все время, их взгляды впивались в него. Один шептал: «Сегодня на нем новые ботинки», другой: «Он болен, это вирус». Они смотрели на его кожу, на складки на брюках, на ногти. Они поджидали его в кафе, но стоило ему подойти ближе, они поворачивались спинами, словно отгораживались стеной, делая вид, будто заняты. Для них он был беззаботным повелителем, они не смели смотреть ему в лицо. Он ощущал их взгляды повсюду. Это тоже говорило о том, что они боятся его и сгорают от любопытства. Они криво усмехались. Когда он открывал дверь в кабинет, они вешали телефонную трубку, не окончив разговор. Они караулили его за углом, а когда он приближался, корчили гримасы. Что-то их раздражало, но

что именно — он не мог понять. Некоторые из них сами были демонами. Сильные держались особняком. Ему хотелось попасть в их компанию. Слабые льстили ему, лицемерно подлизывались. Но в его снах они уважали его. Он был вынужден сдерживаться. Если бы он не сдерживался, они разорвали бы его на куски.

В полиции умение держать себя в руках считалось подвигом, и для слабых и слепых он был богом самообладания. Однако он знал, что самообладание оглушит его, отнимет у него все. Самообладание сделает его автоматом. Эта мысль наполнила его радостью и злобной жаждой действовать. Ему претило это самообладание. Они увидели сделанные им снимки, фотографии изуродованных тел, кожу, измазанную кровью, порезанные и избитые лица. Они поняли, что он не может владеть собой. Поэтому был вынужден уйти из полиции, поэтому ему было не суждено вернуться в свой кабинет, к коллегам.

В глубине души он не жалел, что порывает с полицией. Им было нечего сказать ему. Он уже все решил и написал заявление об уходе. Он отложил кое-какие деньги из тех, что получил за фотографии. Кроме того, он планировал начать работать частным детективом. Он уже завел

сайт в Интернете. Расстаться с коллегами ему было легко. Время от времени он чувствовал, что облегчение словно лихорадка разливается по его телу. Он вновь ощутил себя ребенком. Он больше ни за что не отвечал: никаких дел, никаких процедур, и его душа была до краев переполнена восторгом и ужасом от сознания открывающихся возможностей.

Он перестал спать, когда вернулся из Одера. Он лежал с открытыми глазами и думал о том, что случилось. От фотомодели они избавились вполне благополучно. Но его беспокоила пропавшая пленка и окровавленный платок, который тоже подевался неизвестно куда. Ему не раз приходило в голову сходить к священнику или психиатру, чтобы облегчить тяжкое бремя. Он старался изо всех сил получить достаточно доказательств по делу о педофилии, которое еще не закончил. Он потерял сон. Неделю спустя позвонил Себастиан, он сказал, что нашел пленку. Ну, не то что нашел, но знает, у кого она.

— И у кого же? — Виго попытался говорить спокойно.

— У одного мальчишки. У Симона. Я уверен, что пленка у него. Каждый раз, когда я заговариваю с ним, он строит невинную рожу. Делает вид, что

не может говорить. Думаю, он что-то видел. Во всяком случае, он знает, где она.

— А кто этот парень?

— Приятель моей племянницы.

— Так возьми эту пленку.

— Мальчишка не хочет говорить.

— Вообще не хочет?

— Он не произнес ни словечка.

— Я приеду. А что с твоей племянницей? Нашли ее?

— Нет, мы ее не нашли. Не знаю, имеет ли она к этому отношение.

— Я приеду и помогу тебе найти ее.

Но на следующий день Себастиан позвонил снова:

— Он исчез.

— Кто?

— Мальчишка.

— Мальчишка тоже исчез?

— Да.

— Так ты не нашел его?

— Нет.

— А пленку?

— Тоже не нашел.

Виго положил трубку.

Ночью после второго звонка Себастиана он ле-

жал на диване и пил женьшень. Он вспотел, все тело горело. Он думал о своем положении, листая какие-то рапорты: прочел критическую заметку шефа полиции. А перед глазами у него то и дело возникала картина: темная улица и убегающий мальчишка.

Через несколько дней он позвонил Себастиану и попросил прислать ему фотографию мальчишки.

— Она вернулась, — сказал Себастиан.

— Кто?

— Моя племянница.

— Вернулась сама?

— Да, она была у своего дяди в соседнем городе. У чокнутого старика.

— Она знает что-нибудь?

— Судя по всему, нет. Я хорошенько проучил ее. Но она не сказала ни слова. Думаю, о пленке она ничего не знает.

— Узнай точно.

— Ладно.

— И пришли мне фотографии.

Неделю спустя на столе у Виго уже лежала фотография худенького светловолосого паренька. Виго закрывал глаза, он видел перед собой темную улицу и убегающего мальчишку, а потом

открывал глаза и изучал лицо на снимке. Это успокаивало его. Теперь он знал, кто этот мальчишка. Изучая его лицо, сжатые губы и ясный взгляд, он почувствовал, что понимает, чего не хватает этому парню, и что он, Виго, в состоянии направлять его. В эту ночь ему снился счастливый сон. Он купался в солнечном свете, и перед ним возникали разные картины. Но вот перед ним возникло лицо мальчика. Солнце убрало с его лица все тени, и Виго узнал его. Это был паренек из Одера. Симон. «Кто это?» — спросил он солнце. «Это ангел доброй смерти», — ответило солнце. «Я умру?» — спросил он с улыбкой. Солнце молчало. Воцарилась тишина. Тишина и яркий свет. Виго смотрел на мальчика. Внезапно ему захотелось протянуть руку и погладить его по щеке.

Он думал о Пии, представил себе, что она уже приехала, а он стоит в ателье и собирается фотографировать ее. Сделать невинный снимок. На ней прелестное белое платье. Но мысль о невинных мотивах будоражила его. Она должна приехать через три дня. Он будет фотографировать ее, спать она будет в комнате для гостей, по утрам завтракать вместе с ним. Он не мог заснуть. Лежал ночью с открытыми глазами. Стоило ему сомкнуть веки, как он припоминал

то, что считал давно забытым: тропинка, пещера, игрушечный автомобиль, который ему купил отец. Его мозг был архивом давно забытых образов и предметов. Он лежал с открытыми глазами, а перед ним мелькали спичечные коробки, следы ног, незнакомые лица… Он лежал и ждал, что эта невероятная память потеряет силу и иссякнет. Он был уверен, что скоро будет нечего вспоминать, ведь он успеет вспомнить все на свете. Он пошел в ванную, проглотил снотворное и снова лег в постель. Утром он чувствовал себя измученным, и за завтраком его сморил сон, которого он так и не дождался ночью.

Наконец Пиа приехала. Она вошла с чемоданом в руке, восторженно улыбаясь. Улыбалась она точно так же, как ее мать, способность замечать все до мелочей может уничтожать. Он взглянул на нее, и в тот же момент она была уничтожена. Пиа этого не заметила и продолжала восторженно улыбаться, но он уже сжег ее пейзаж — горный хребет, равнины и реку. Она была иссушена, выжжена, мертва. Он улыбнулся, закрыл лицо руками и заплакал. Тале протянула ему носовой платок и сухо спросила, не пьян ли он.

— Я просто рад видеть вас у себя.

Тале и Пиа улыбнулись. Он предложил им чаю.

Они сидели в кухне, ели пшеничные лепешки, пили чай, болтали о плохой погоде, которая должна была наступить, но не наступила. Он рассказывал им забавные истории. А потом пожаловался Тале на свою бессонницу, и она обещала привезти ему в воскресенье вечером, когда приедет за дочерью, какой-нибудь травяной настой. Он рассказал им и про Виктора Маса, известного кинопродюсера, которому раньше принадлежал этот дом, — Виго объяснил, что Мае делал фильмы в рамках дозволенного и был в П. респектабельным гражданином. А в этом доме он пытался обустроить фотостудию, чтобы снимать сцены в стиле классической порнографической эстетики а-ля Делакруа и Дурье и пикантные сцены в буржуазных домах. Виго приходил сюда вместе с инспектором для проверки, но все было в порядке. Мае оставался вне подозрений. Но вскоре оказалось, что почти невозможно найти фотографов, способных делать снимки в старой манере. Дела у Маса шли плохо, и через полгода он решил закрыть ателье. «Тогда я связался с ним, — объяснил Виго внимательно слушающей его девушке, — и купил этот дом по дешевке». Он рассказал ей также о расположении комнат и о камерах слежения. Дом был построен в

строгом функционалистском стиле, с белыми внутренними стенами и белоснежными полами, меблировка поражала своей простотой. Мае приобрел дом с двумя оснащенными фотостудиями и лабораторией. Он установил систему слежения, позволяющую продюсеру держать под постоянным контролем деятельность сотрудников. Виго засмеялся. Это оказывало на Маса успокаивающее действие. Ему нравилось сидеть на втором этаже и видеть на экранах все, что происходило в других комнатах.

— А ты можешь, лежа у себя, видеть, что происходит в моей комнате?

— Если захочу, — ответил он.

Он показал ей фотоателье и содержимое нового архива. В основном это были натурные снимки и частично снимки в стиле старой мягкой порнографии. Племянница смеялась с явным облегчением. За ужином она спросила, правда ли, что он не спит по ночам, а он ответил, что наврал Тале, чтобы она беспокоилась о нем. Племянница выпила вина. Он сидел и думал о ее шее, скулах и изгибе губ.

В этот вечер он фотографировал ее, сделал много снимков. Она стояла в белом платье, прислонясь к бетонной стене. Он хотел, чтобы она

показывала фотографию мальчишки из Одера. Она сидела на стуле у бетонной стены, подняв вверх фотографию. Это напоминало ему печальный французский фильм, который он видел много лет назад. Он подошел к ней и приподнял ее подбородок. В ее глазах мелькнул не то испуг, не то желание. Отняв руку от ее подбородка, он почувствовал легкий приступ удушья и головокружения, у него было такое ощущение, будто его рука волнуется, что она сама способна помнить, он почувствовал дрожь в предплечье, пальцы были готовы исказиться в гримасе и сжаться в кулак. Стояло лето. Из подвала поднялась влага, она собралась на его лбу в виде мокрого гриба. Лежащая на полу женщина сделала несколько неуклюжих движений, он закрыл глаза и слегка, почти незаметно, сжал указательным и средним пальцами переносицу. За минуту передышки события нескольких дней промелькнули, и неясное ощущение превратилось в твердую уверенность. Они хотели заманить его в ловушку. Взгляды выдавали их. Мимолетные улыбки. Сонливые глаза и едва заметные нервные движения рук. Они явно хотели заманить его в ловушку. Когда перед ним раздвинулись двери здания аэропорта и он стал искать глазами такси, бледный жирный

шофер с кустистыми бровями подогнал к нему машину, хотя он не успел и пальцем пошевелить. Он стал отгонять попрошаек, а шофер вырвал у него из рук чемодан и положил его в машину. По дороге в центр шофер выпытывал у него, откуда он приехал, как его зовут, чем он занимается.

— Так вы полицейский?

В отеле портье посмотрел на него с холодной враждебностью, в полицейском управлении шеф полиции лебезил перед ним, рассказывал ему разные истории, но во время выступления он заметил среди новобранцев его сонное лицо. Медлительность Себастиана, неуклюжее упрямство фотомодели Юлии. Виго впился пальцами в переносицу. В их план входили пристальные взгляды, нервные движения рук, быстрая подача машины, напряженное внимание слушателей, нерешительная интонация Себастиана, скулы Юлии, лестница, туча, закрывающая солнце, фальшивая купюра, кровать в номере отеля, виски в баре, кубики льда, лоб швейцарки, глубокий сон, головная боль, влажность, сигары Себастиана, вечная улыбка Юлии. Все это — непонятные детали плана, разработанного чуть ли не целым городом с единственной целью: заманить его в ловушку. Все, что он мог теперь предпринять, —

это сделать что-нибудь совершенно немыслимое, отчаянное, что опрокинет их план, который они так старательно готовили, и напугает их до смерти. «Я заставлю их лица исказиться от боли, распахну перед ними дверь в ад», — подумал он, зная, что эти слова означают лишь одно: свободу. У него задрожала левая рука. Он открыл глаза и стал бесцельно мерить комнату шагами, потом наклонился над ней, что-то небрежно сказал, и этой беспечной игре пришел конец. Он понял: ему нужно примириться с болью, которую приносит свобода, такой острой, что после нее наступает покой, тишина. Он отдернул руку и вернулся к фотокамере. Пиа сидела в белом платье, задрав вверх подбородок. Он стал снимать ее. Через полчаса она сказал, что ужасно устала, что у нее занемела шея. И он, похвалив ее, закончил съемку.

36

В 23.30 он получил электронную почту. Он сидел за компьютером, просматривая старые файлы, когда письмо со стуком упало в почтовый ящик. Содержание письма взволновало его. Он понял, что ждал этого почти два года: исчезнувшая в Одере пленка вот-вот выплывет

на поверхность. Прочитав письмо и изучив фотографии, сделанные мальчишкой, он убедился в том, что пленка уже совсем близко. Снимки были еще сырые, меланхолические, недостаточно изысканные. Они производили впечатление спонтанности, непосредственности. Но Виго знал, как трудно этого добиться. Он понимал, что подобный эффект либо результат хорошей подготовленности, либо говорит о бесспорном таланте. Видно, у парня острый глаз, это позволяет придавать снимкам «живинку», которая и отличает хорошие работы от посредственных. Он довольно долго сидел, с завистью глядя на экран. Зависть, как горько-сладкий привкус, то подступала к горлу, то исчезала. Виго знал, что сам он никогда не сумеет делать такие хорошие снимки. Может, ему стоит забыть о фотографии, покончить с этим делом раз и навсегда? Но, встав из-за стола, он почувствовал прилив энергии и с удовлетворением заметил, как легко у него поднимается настроение. Он решил тщательно продумать и осуществить следующую операцию: пригласить мальчишку на пробу.

Он размышлял об этом несколько часов, прежде чем пошел к племяннице.

Он лежал на диване и представлял себе ее ру-

ки и маленькие коленки. Рот. Но, представляя себе ее прелестное тело, он прежде всего думал о том, что скажет ей. Прокручивал в голове фразы, слово за словом, покуда не решил, что именно надо сказать, чтобы она правильно его поняла. Он прошел босиком по коридору, остановился у двери спальни и прислушался: спит ли она? Потом открыл дверь и вошел. Он подкрался к постели, стараясь ни на что не наткнуться, нагнулся над ней и простоял так с закрытыми глазами несколько минут, прислушиваясь к спокойным звукам, вылетающим из ее носа и рта. Потом он открыл глаза. Его взгляд скользнул по ее губам, по подбородку, носу и щекам, задержался на веках. Как стал бы он фотографировать ее тело? Снимки походили бы на карту ландшафта. Карту можно увеличить. Развесить на всех перекрестках по всей стране, как приятное описание пейзажа местности, куда путешественнику невозможно попасть. Он кашлянул, и она пошевелилась.

— Пиа.

— Я спала.

— Извини.

— Что-нибудь стряслось?

— Я хотел сказать тебе кое-что важное.

— Что именно?

— На выходные к нам приедет гость.

— О'кей.

— Это молодой паренек. Он хочет стать фотографом.

— И что в этом такого?

— Ты можешь оказать мне услугу?

— Ну, если ты этого так хочешь.

— Скажи, что меня здесь нет, хотя он будет видеть меня на экранах. Соврешь, что я в другом месте. Хорошо будет, если ты покажешь ему ателье. И еще я попрошу тебя сделать ужасную вещь.

Она села на постели.

— И почему это так важно?

Виго улыбнулся:

— Это важно, потому что он из криминальной компании.

— В самом деле?

— Он работал в студии фотографов, которые делают запрещенные снимки. В последние месяцы я проник к ним. Это подпольная студия. Понимаешь? Ее владельцы послали сюда мальчишку, чтобы он стал моим ассистентом.

— Это опасно?

— Нет, не опасно. Но я хочу, чтобы ты сделала в точности то, о чем я тебя попрошу. Будь с ним

приветлива. Покажи ему фотоателье и снимки, которые мы сделали сегодня. И спроси, не захочет ли он фотографировать тебя.

— В каком виде?

— Сделать запрещенные снимки. Ты боишься?

— Нет, мне даже интересно.

— Разумеется, мы никому об этом не скажем. Даже Тале.

— О'кей.

— Я пришлю сюда гримера с гримом и париками. Она объяснит, что надо делать. И еще я попрошу тебя отдать ему эту фотографию.

— Зачем?

— Просто так.

Пиа посмотрела на фотографию, щурясь на слабом свете:

— А что это ты на ней делаешь?

— Лежу в ванне.

Она посмотрела на него и улыбнулась:

— Здорово!

— И я тоже так считаю.

— Почему ты хочешь, чтобы она была у него?

— Я написал кое-что на обратной стороне.

Она перевернула фотографию и прочла: *«Чувствуй себя как дома».*

Пиа засмеялась.

IV

36

Привет, Сара!

Четыре часа утра. На экране передо мной женская лодыжка. Свет от экрана падает на мое письмо. Тишина. Слышно лишь, как за окном ветер треплет кусты. Стены дома белые как мел. Я сижу на мягкой кровати, слегка утопая в ней. Раньше я никогда не был в этом доме. Я раздвинул тяжелые гардины, чтобы можно было смотреть во двор. Поднимаю глаза и смотрю на поросшие кустами горки, в темноте они похожи на человеческие головы. В этом доме пахнет нашатырем. Мне не страшно. А может, мне так страшно, что я этого не замечаю. Ты полагаешь, этого нельзя не замечать? Что мне хочется избавиться от этого чувства?

Думаю, мне нужно начать с начала.

Я пишу тебе, Сара, находясь там, где никогда не был. Не знаю, что будет дальше, что я сумею сделать. Почти половина пятого, а я все еще не сплю. За окном темно, но вот-вот начнет светать. Я жду, что серый предутренний свет скоро заблестит в

моих глазах. Уже двенадцать минут пятого. Спать мне не хочется, и я сел писать тебе письмо. Начну с того, что случилось вчера вечером.

Итак, я начинаю с начала, о'кей, Сара?

Я открыл в Интернете галерею «Студио Ситрон». Поместил туда шесть моих лучших снимков и информацию: «*Эти работы я посвящаю фотографу Виго. Я видел несколько твоих снимков и стал твоим поклонником. Можно мне показать тебе свои?*» И послал на адрес Мартенса.

Я повалился на кровать и попытался уснуть. Но в голове у меня творилось что-то невообразимое, словно оттуда выходили лучи. Целых три года я каждый день думал про полицейского из П. Но теперь мне вдруг стало безразлично, найду я его или нет. Не знаю, почему у меня возникло такое чувство, Сара! Как часто повторяла тетя Элена: «Сама не помню, что это было...» Я стоял и смотрел на улицу. Дул сильный ветер. На тротуаре светился велосипедный фонарик. Я думал: как странно, что все это потеряло для меня значение — кровь, глаза, шило... Я допил сок и поставил стакан в посудомоечную машину. Из спальни Луси доносились тихие звуки музыки. Я был не в силах пойти к ней. Я сидел на стуле и смотрел на потолок. Где-то жужжала муха. Я попытался

найти ее глазами, но свет, падающий с потолка, слепил мне глаза. Я почувствовал себя вовсе сбитым с толку, пошел и лег в пустую ванну. Лежал и думал… Мне захотелось запеть песню, дурацкую детскую песенку, — видно, я вовсе спятил. Я закрыл глаза и вообразил, будто я — старый чайник, который подпрыгивает на мелководье у берега. По крыше забарабанил дождь, а я все думал про старый чайник.

В три часа утра раздался звонок. Я проснулся, не понимая, где нахожусь. Но, услышав бой часов, понял, что я дома, в семье Йонсен, и что я заснул в одежде. Дверь в комнату Луси была открыта, свет там не горел. Я посмотрел на монитор. В камеру смотрел толстый парень с зачесанными назад волосами. Он сонным голосом спросил:

— Тобиас Йонсен?

— Да.

— Меня послал Виго Мартенс.

— Да.

— Он хочет поговорить с тобой.

— Да.

Не думая ни о чем, я вернулся в спальню и достал из пенала шило. Потом вынул ту самую пленку из своего потайного ящика и засунул в карман трусов, надел куртку и запихал шило во

внутренний карман, оно как раз поместилось.

Машина стояла в темноте. Мы пересекли знакомый перекресток под рекламным щитом, который я видел раньше. В окнах телекомцентра я увидел отражение черной машины и своего лица.

Мы въехали в туннель. Шофер бросил на меня быстрый взгляд. На другом освещенном перекрестке я прочитал текст рекламы «Адидас». Скоро машина свернула с главной автострады и осторожно покатила вверх по узкой гравиевой дороге к гребню горы. Теперь я уже не знал, где нахожусь. Дорога пролегала между поросшими кустами холмиками. Здесь не было ни фонарей, ни световой рекламы. Впереди возвышалась гора. Я оказался далеко от города Шофер сбавил скорость. Наконец мы въехали на освещенную площадку перед белым домом. Шофер открыл дверцу машины. Мне на лицо закапал дождик. Я стоял и смотрел на дом, на окна на заброшенный сад по обе стороны гравиевой дорожки. Шофер нажал пульт и открыл дверь. Я вошел в темную парадную. Никого. Лицо шофера было мокрым от дождя. Ветер играл полами его куртки. Я вошел в дом, двери затворились с каким-то свистом.

На потолке зажегся свет. Я остановился, потом

сделал шаг назад. Свет впереди меня стал слабее, а свет ламп позади ярче. Свет ламп как будто следовал за мной. Мне это что-то напомнило, Сара, но что именно — не могу сказать. На стенах висели портреты легендарных фотографов — Мэна Рэя и Хельмута Ньютона.

— Как тебе это понравилось?

— Что «это»?

— Ну, дом.

Голос прозвучал из громкоговорителя на потолке. Голос взрослого мужчины, высокий, певучий.

— Красивый дом, — ответил я.

— Я — Виго.

В коридоре наступила тишина.

Дело было ночью.

Я кивнул, хотя и не знал, видит он меня или только слышит.

— В конце коридора ты найдешь лестницу, а на втором этаже — спальня. Дверь спальни открыта. Надеюсь, ты хорошо выспишься.

Громкоговоритель замолчал.

В коридоре были четыре запертые двери и крутая лестница. Я поднялся по ней и увидел открытую дверь. Постоял и посмотрел внутрь темной спальни, на дверной косяк, не решаясь войти; мне казалось, эта комната проглотит

меня.

За дверью я нашел выключатель, нажал его, и комната стала ослепительно белой. В углу стояла кровать. Стол. На столе графин и стакан. Над столом — фотография пентакс-камеры. На стене напротив вмонтирован экран. И больше ничего. Кровать. Экран. Ночной столик с графином и стаканом. Верхний свет. Фотография камеры. Я вошел в ванную. Там пахло лимонадом и яблоками. Мраморная ванна и стеклянный шкафчик. Я открыл кран и ополоснул лицо и руки теплой водой. В кармане куртки лежало шило. Я направил на руки струю горячей воды и почувствовал, что дрожу. У меня дрожали руки и все тело. Я посидел несколько минут на краешке ванны.

Я не знал, что будет дальше и что я смогу сделать.

Сна у меня не было ни в одном глазу, хотя я не спал всю ночь. Несколько раз я принимался смотреть в окно. Дул сильный ветер, я видел, как над кустами пронеслось маленькое деревце.

Экран был темный. Я лежал на кровати, уставясь на белый потолок. Льющийся с потолка неяркий свет был приятен для глаз. Мне казалось, я смогу заснуть с открытыми глазами. Через

пару часов экран тихонько зажужжал и свет на потолке постепенно стал ярче. На экране показалось худощавое лицо. Светлые, как лен, волосы. Тонкие губы. В его взгляде было что-то ущербное, жалкое, Сара, словно он постепенно слепнул. Послышался тот же звонкий голос:

— Ты спал?

Он улыбнулся. Я знал, что это был он, хотя не узнал его лицо. Но не сомневаюсь в том, что это Петер Фем. Он же полицейский из П. Он же фотограф Виго Мартенс. Или Снетрам.

Он продолжал говорить:

— Это не видеозапись, Тобиас. Я нахожусь в другой половине дома и смотрю на экран, подключенный к камере в этой комнате. К сожалению, не могу пожать твою руку. Ведь ты позволил бы мне сделать это?

Он говорил очень вежливо. Я не ожидал, что он окажется таким рафинированным. На нем была белая рубашка. Волосы гладко зачесаны.

— Я — Виго Мартенс, — сказал он.

Я посмотрел на жесткие волоски, торчавшие из его ушей. Внезапно я почувствовал ужасную слабость, мне казалось, что я вот-вот свалюсь с кровати, пролечу по комнате и упаду ему на лицо. Я уцепился за кровать.

— Я посмотрел твои снимки. Они сделаны на высоком художественном уровне. Но скажи мне, есть ли у тебя что-нибудь, что ты боишься показать?

— Что ты имеешь в виду?

— Твои снимки… похоже… я ошибаюсь.

У меня пересохло во рту.

— Не понимаю.

— Может, ты мечтал сделать какие-то фотографии и не сделал… Хочешь, я помогу тебе?

У меня зачесались глаза и закружилась голова.

— Спасибо. — Я заморгал.

— Я хочу предложить тебе работать у меня, Тобиас.

— Что?

— Позволь сделать тебе конкретное предложение. Даю слово, ты будешь зарабатывать больше, чем где-либо. А пока что не хочешь ли провести здесь пару дней, покуда не уляжется непогода? Чувствуй себя как дома.

— А почему?

— Мы потолкуем позднее.

Лицо исчезло.

На экране снова появились лодыжки. Я потер глаза. Пока он говорил, я напряженно думал. Мне казалось, будто я знаю о нем все. Нет, я хочу

сказать, что он знает обо мне все. Ведь я не узнал его. Это было так давно, возможно, он изменился. Мне кажется, он болен. Когда он говорил, я не мог вспомнить, зачем приехал сюда. Подумай, Сара, что если бы я все забыл! Если бы остался жить в этом доме, в этой комнате! Забыл бы тебя, забыл, зачем явился сюда! Я посмотрел на лампу на потолке. Желтый свет стал слабее. Я уверен, что там установлена камера.

Я снова лег на постель. Решил разработать план, как ослепить его. Я достал ручку и бумагу и набросал план. Не очень-то сложный.

1. Подружиться с ним.
2. Ослепить его.
3. Незаметно исчезнуть из дома.

Я прочитал план и решил, что он вполне подходящий. Потом скатал бумагу в маленький шарик, обсосал хорошенько, чтобы он стал мягкий, и проглотил.

Я лежал на кровати и думал о Филиппе и Эве. Пытался забыть все за несколько минут. Фотографии, которые я послал Мартенсу, поездку сюда, этот дом и синие холмы, поросшие кустарником. Я лег на живот, положил голову на подушку и стал думать о тебе. Но не смог представить твое лицо. Оно было какое-то неясное, будто чья-то

рука махала перед ним, словно кто-то медленно стирал ластиком твои глаза, подбородок… Это было невыносимо, Сара. Я встал и начал искать бумагу, чтобы написать тебе. На полке над ночным столиком я нашел старое «вечное перо», лист бумаги и принялся писать.

37

Милая Сара.

Уже восемь утра, снова подул сильный ветер, правда не такой сильный, как раньше, но его завывание проникает мне в самое сердце. Облака клубятся над холмами, закрывают вершину горы и снова возвращаются и повисают над холмами. У меня болят глаза. Я так проголодался, что съел листок бумаги. По глупости. У бумаги был привкус чернил, хотя я не писал на ней. Закончив каждое предложение, я останавливаюсь и думаю про свой живот. В животе у меня урчит. Не знаю, продолжать мне писать или пойти поискать кухню.

Я сидел на кровати и обдумывал свой план. Потом лег и стал растирать живот. Наконец встал, чтобы проверить, лежит ли все еще шило в кармане куртки. Когда я повернулся, то уставился

прямо в лицо Мартенса на экране. Сейчас оно казалось бледнее и изможденнее. Глаза широко раскрыты. Он попытался улыбнуться. «Не заметил ли он чего-нибудь? — пробормотал я себе под нос. — А вдруг заметил?» Мартенс посмотрел в сторону, словно в его комнате находился еще кто-то. Но никого не было видно.

— Ты очень бледный, Тобиас.

— Бледный?

— Ты хорошо выспался?

Я пожал плечами.

— Тебе наверняка любопытно узнать, почему я пригласил тебя сюда Ведь мы с тобой незнакомы. Хочешь посмотреть мои снимки? Я всегда интересовался фотографией. Рассказать тебе одну историю? Что? Ты не ответил. Ты очень бледный, Тобиас. Родители подарили мне камеру, когда я был еще мальчишкой. Собственно говоря, мне подарил ее отец. Он тоже любил фотографировать. Мою мать… это не интересовало.

Но, по правде говоря, он не был моим отцом. Я хочу сказать, в социальном и эмоциональном смысле — да, но не в биологическом. Своего биологического отца я не знал, никогда его не видел. Во всяком случае, фотоаппарат дал мне приемный отец. И кто же еще может подарить ре-

бенку фотоаппарат, как не отец? Спроси, и я дам точное определение слову «отец». Это взрослый мужчина, который дарит ребенку фотоаппарат. Ну, в общем, я получил фотоаппарат от этого мужчины. Я был тогда ребенком, нет, скорее подростком. По сути дела, я еще не дорос до юноши. Я пребывал в переходном возрасте. Может, я был так неуверен в себе, потому что я был не тем и не этим. У меня было такое ощущение до того, как получил от отца фотоаппарат. Ясное дело, я тут же начал фотографировать. Что стал бы делать ты на моем месте? Я имею в виду, если бы получил шикарный фотоаппарат. Хотя меня вечно мучило какое-то беспокойство, это не помешало мне тут же начать фотографировать. Я полюбил этот фотоаппарат, Тобиас. Я принялся рьяно снимать все, что видел вокруг, — лужайку в парке, машину отца, свою кровать и письменный стол, плакат с любимыми футболистами. Глядя на снимки, я думал, что это мой мир, только мой и больше ничей, я был его хозяином. Я создавал его. Я снимал свои руки, коленки, которые смотрели друг на друга. Держал камеру перед собой и фотографировал свое лицо. Рассматривая снимки, я понял, кем хочу стать. Позднее я начал потихоньку снимать свою сестру. Я любил эту

камеру. Я уговорил свою первую возлюбленную позволить мне сфотографировать ее живот. Мне очень нравился этот снимок. Эта девушка была тяжело больна. Я поступил в полицию, Тобиас, и на много лет забросил фотографию. Я видел криминальные снимки, отвратительные. Не хочу говорить с тобой о вещах, которые заставляют человека делать подобные фотографии. Несколько лет назад я проходил мимо одного магазина. На витрине я увидел фотоаппарат, похожий на тот, который получил от своего отца. Я зашел и купил его. Это была камера «Хассельблад». Я стал перебирать свои старые снимки. Они показали мне, насколько я изменился. Это были фотографии другого человека Я смотрел на них с удивлением. Неужели это я? Это были мои снимки. Прекрасные снимки. И я снова начал фотографировать, я не хотел делать подобные снимки. Не знаю, были ли они правдивыми. Но они были правдивее меня. О, я знал, что это единственное, для чего есть смысл жить. Создавать фотографии безобразные и успокаивающие душу. Я остановился, не давая себе упасть сквозь годы. Остановился у пропасти. Впервые в жизни я почувствовал, что переполнен чем-то новым. Переполнен до краев.

Он внезапно замолчал. Послышался щелчок,

и лицо Мартенса, его голос исчезли. Несколько минут я сидел неподвижно, уставясь на темный экран. Я пытался думать о том, что услышал. Но чуть погодя понял, что он не сказал ничего существенного. Он этого и хотел, Сара, чтобы я сидел и размышлял над его пустой болтовней.

В доме было тихо. Доносилось лишь завывание ветра. Я сидел и прислушивался, надеясь различить еще какие-нибудь звуки: гудок локомотива, крик, тихий свист, звон металла, разбивающего стекло! Но в доме царила тишина, я ничего не слышал, кроме ветра.

С.

Я заснул и проснулся, засыпал и просыпался. Мне приснилось, будто у меня дырка в голове и я спятил.

Я вспотел и чувствовал себя разбитым — наверно, у меня поднялась температура.

Мне снились странные сны, Сара, видно, потому, что я заболел. Я сидел в партере старого театра, в третьем ряду, на седьмом месте, как раньше, и смотрел на обитые бархатом кресла. Голова у меня была маленькая, детская, глаза сильно болели, словно хотели вырваться из глазниц на свободу. Посреди сцены стояла на

четвереньках моя мама. Она громко и раскатисто хохотала. «О-о-о, какая она очаровательная!» — пробормотал я. Я встал и помахал ей. Лица ее я не разглядел, только широко раскрытый рот, который рявкнул:

— Иди сюда, мой маленький поросеночек!

Она хрипло захохотала, словно грубая баба.

Казалось, ее голос доносился откуда-то из старого колодца. Я гордо прошел между рядами, поглаживая на ходу спинки кресел, и подошел к ней. Продолжая стоять на четвереньках, она хохотнула и показала мне одну грудь, из которой текло желтое молоко.

— Иди к маме, поросеночек!

Я нагнулся над ней. От нее пахло маслом. Я проворно схватил ее мокрую грудь и стал мять, чмокая губами, нагнулся, чтобы поцеловать сосок, и стал целовать, целовать его, гладил грудь, сосал желтое молоко и рыгал. Мне хотелось пить еще и еще. Я смеялся про себя.

— Ну вот, я задала своей сиське хорошую трепку, — довольно хмыкнула она.

И тут я заметил на ее груди красные полосы от моих пальцев и просиял от удовольствия. Я снова нагнулся и посмотрел маме в лицо.

— Ни у одной женщины в мире нет такого

потрясного фейса, как у моей мамы! — громко крикнул я.

Ее рот открывался и закрывался, словно она что-то хотела сказать. Но вместо этого только рыгала. С минуту я стоял, представляя себя новорожденным. Молоко. Грудь. Пальцы, гладящие с любовью мою маленькую голову. Внезапно, услышав сзади какие-то звуки, я обернулся и посмотрел вниз, на зрителей. Зал был полон нарядных людей. Улыбающихся лиц. Они поднялись со своих мест. Они хлопали, весь зал хлопал. Звуки аплодисментов нахлынули на меня, и я заплакал.

Проснувшись, я почувствовал легкую тошноту. Я написал это письмо, и это мне немного помогло. Однако не знаю, пошлю ли тебе его, может быть, не следует писать все что думаешь.

Не знаю, почему мне это приснилось. Не думаю, что это в самом деле была моя мама.

Какая-то женщина во сне загримировалась под Веронику и пыталась обмануть меня.

Сделаю небольшую паузу. Напишу еще что-нибудь позднее.

Снова принялся писать. За окном светло. Хол-

мы стали светло-серыми. Ветер утих, моросит дождик. У меня все еще кружится голова от этого сна. В животе урчит, я все время думаю о еде. Представляю себе пирожные с кремом, булочки с изюмом и горький миндаль. Я несколько раз вставал с постели, подходил к двери и выглядывал в коридор. Выйти я не посмел. Мне кажется, эта лестница сломает мне ноги. Хочется что-нибудь рассказать тебе, Сара, но не знаю что.

Просто жду.

Ну, я пошел.

Я вернулся. Времени у меня мало, Сара, потому расскажу коротко.

Я подошел к двери и толкнул ее. Мне так хотелось есть, что страх пропал. Дверь распахнулась, я вышел в коридор, спустился по лестнице, прошел по коридору первого этажа и увидел кухню.

В холодильнике стоял кувшин с йогуртом. Сел за длинный деревянный стол и стал есть. Я ужасно проголодался. Мне казалось, в жизни не ел ничего вкуснее этого нежного йогурта с привкусом ванили. Густая жидкость обволакивала язык, я закрыл глаза, наслаждаясь замечательным вкусом. Из-за этого йогурта я не расслышал ее шагов. Открыв глаза, я увидел светловолосую девушку.

Вздрогнул и уронил стакан на пол. Девчонка засмеялась. Я посмотрел на разлившийся йогурт. Он слегка дрожал на полу. У меня вдруг начали сильно подергиваться веки.

— Меня зовут Пиа, — сказала она сонным голосом.

Я кивнул и спрятал мокрые руки под столом, пытаясь не показывать виду, что растерялся.

Поморгал, чтобы заставить веки перестать дергаться.

У девушки короткие светлые волосы, круглое смазливое личико. Пухлые губы и зеленые глаза. На ней был комбинезон, надетый на голое тело. Руки у нее красивые, тоненькие.

— Привет.

Она таращила на меня глаза и молчала, смотрела на меня как-то загадочно. Я ломал голову, не зная, что сказать.

— Мне нравятся твои снимки.

Я в одно мгновение вытер йогурт с левой ладони и потер глаза обеими руками.

— Что?

Она продолжала пялиться на меня. В кухне стояла тишина. Веки у меня дергались.

— Фотографии.

Она улыбнулась, не зная чему:

— Ты не хочешь?..

— Чего?

— Сфотографировать меня?

Я был вынужден сказать что-нибудь кроме «чего?». Подумал и решился:

— Откуда ты знаешь, что я фотографирую?

Снова молчание. Пухлые губы. Пристальный взгляд. Загадочное лицо.

— Мне рассказал Виго. Мне нравятся фотографии.

Комната наполнилась крошечными точками, белыми и фиолетовыми, они мелькали у меня перед глазами, кружились вокруг девушки.

— Ты знаешь Виго? — спросил я.

— Я — его племянница.

Я поднял руки к лицу и снова потер глаза. Теперь я видел нормально.

Девчонка усмехнулась и тоже заморгала. Блеснул ряд белых зубов. Голос у нее был сонный, приятный.

— Не знаю, где он сейчас. Может, где-то в доме, а может, за границей. Он там часто бывает.

— За границей?

— Разумеется, он все время on-line, наблюдает за своим домом, даже находясь за границей. У него там возлюбленная, хотя точно я не знаю.

«Успокойся, успокойся!»

Я спокойно кивнул. Я не знал, о чем говорить, но молчать не мог.

— А какие снимки ты любишь? Как мне снимать тебя, что ты хочешь? — спросил я, кашлянув.

— Не скажу, пока ты не пообещаешь.

Я посмотрел на ее худенькие плечи. Она походила на одну из моих моделей.

— Вообще-то я фотомодель.

— Модель?

— В Интернете наших снимков нет.

Я сидел, вытаращив глаза, с липкими от йогурта руками, и думал, что мне не следует откровенничать с ней. Ничего хорошего этот разговор не сулил.

— Наших?

— Виго любит старинные фотографии.

Я быстро нагнулся, поднял с пола стакан и поставил его подальше от себя на стол.

Она подмигнула мне.

— Хочешь посмотреть кое-что интересное? — спросила она, улыбаясь.

Когда она отвернулась, я вытер пальцы о скатерть.

Мы пошли по коридору в студию. Пиа что-то фальшиво насвистывала. Вообще она странная

девчонка! Фотостудия — огромная белая комната. Благодаря высоким окнам здесь прекрасное естественное освещение. На длинной скамье лежали камеры и фотолампы. У торцевой стены, рядом с черным занавесом, очевидно закрывавшим вход в лабораторию, стоял архивный шкаф.

— Так ты хочешь увидеть кое-что интересное?

Она раскрыла одну папку и стала сосредоточенно перебирать снимки. Потом, уже без улыбки, протянула мне фотографию. Я долго смотрел на снимок, мой взгляд осторожно скользил по нему. На снимке она с печальным видом сидела на стуле, держа в руках фотографию, на которой, улыбаясь, стоял маленький белокурый парнишка.

Я уставился на нее.

— Это Симон, — сказала она и хохотнула.

Я кивнул, разинув рот.

— Я сразу узнала тебя, — ухмыльнулась она.

Я заставил себя не смотреть на ее сияющее лицо, Сара, и попытался говорить серьезным тоном:

— Что он рассказывал обо мне?

— Я не знала, что это ты, пока не увидела тебя в кухне.

Я подошел к скамейке и сделал вид, будто раз-

глядываю камеры.

— Ты давно познакомился с Виго? — спросила она.

— Недавно.

Она тихонько подошла и встала за моей спиной:

— Ведь ты не из П., не правда ли?

Я повернулся к ней.

— Почему ты так думаешь? — улыбаясь, ответил я.

Она пожала плечами:

— Сама не знаю. Ты не похож на местного.

— Я всегда жил здесь.

Она придвинулась ко мне чуть ли не вплотную. От нее пахло лимонадом и яблоками. Мы стояли и смотрели друг на друга.

— Хочешь посмотреть другие снимки?

— Нет.

По дороге из студии я пытался обдумать ситуацию, но почему-то думал лишь о ее платье на фотографии. Такого унылого платья я еще не видел. Мне хотелось сказать ей, какой печальной она в нем выглядит, но казалось, будто все слова, которые я собираюсь произнести, уже сказаны кем-то другим.

— Между прочим, я должна дать тебе вот эту

фотографию.

— А что это за фотография?

— Это тебе от Виго.

Я взглянул на снимок: Виго Мартенс в ванне.

Пиа улыбнулась.

Я перевернул фотографию.

«Чувствуй себя как дома».

Пиа запрыгала вниз по ступенькам. Я стоял у двери в спальню с фотографией в руке. Ее хрупкое тело замелькало на винтовой лестнице. И мне показалось, будто она прошептала:

— Увидимся позднее.

Я думал про шило, когда сидел на кровати, когда лежал в постели, когда смотрел на холмы, на то, как ветер, завихряясь, гонит песок и щебень вдоль дорожки. Я думал про шило, когда лежал в шикарной ванне и ждал, что лицо Мартенса вот-вот вынырнет на экране.

Время от времени я чувствовал, как тишина дышит во мне, словно глубоководная рыба или невидимое легкое. Я замер, тишина заполнила все мое тело, я закрыл глаза и заскользил в никуда. Больше никто не говорил, никто не размышлял, никто ничего не делал. В тишине ничто

не шевелилось, я слышал лишь свое дыхание. Экран в спальне начал показывать фотографии, черно-белое порно без лиц. Каждую двадцатую секунду появлялась новая картинка. Я с тревогой смотрел на экран, думая, что вот-вот снова покажется белобрысая голова Виго Мартенса. Я сидел и бесконечно долго ждал, словно надеясь, что этот болтливый дьявол может разом положить всему конец — поездке в П. и пребыванию в этом доме. Между тем, я начал пристальнее рассматривать фотографии. На всех снимках было одно и то же тело. У этой женщины был шрам на колене, родинка на бедре и еще одна родинка на левой груди. Ее маленькие ножки что-то напомнили мне. Снимки менялись через равные промежутки времени. Увидев ее ноги в третий раз, я понял наверняка. Маленькие ноги. Тело Юлии стало неизвестным ландшафтом. Она не была самой собой. Она стала атласом. Ландшафт ее тела был помещен в атлас с черно-белыми снимками. Я не знаю, Сара, что он имел в виду, но мне было невмоготу смотреть на это.

Ноги. Руки. Бедра. Подмышки. Коленные чашечки. Живот. Груди. Зад. Затылок. Пупок. Ступни.

Но ни на одном снимке не было лица. Я поду-

мал о диафрагме, отрезавшей плоть Юлии.

На экране появилось приторно-смазливое лицо Пии.

— Думаю, тебе понравится мое предложение, — прощебетала она.

— Почему ты так решила?

Она засмеялась, но смех прозвучал как икота.

— По-моему, снимки будут отличные.

— А почему?

— Сейчас пойду наведу марафет, и ты посмотришь.

Она замолчала.

А я посмотрел на холмы.

— Чуть погодя я приду в студию, — сказала она и пошла к двери.

Я кивнул.

— Между прочим, — сказала она и снова повернулась к камере, — Виго сидит в кухне. Он хочет поговорить с тобой.

Я никогда не обдумывал, как ослеплю его, Сара, никогда не думал об этом как о чем-то реальном. Теперь я думаю, что это будет трудно.

А сейчас, Сара, я должен идти. Я сложил листки и сунул их для верности под футболку.

39

Милая Сара.

Море спокойно, качки нет. Это ты можешь видеть по моему почерку. Название корабля — «Секонда». Он бело-голубой и вовсе не похож на судно, на котором я приплыл в П. три года назад. Этот корабль намного больше. Я лежу в грузовом отсеке трейлера между ящиками с видеофильмами и журналами. Мы уже далеко в открытом море. Здесь, в трюме, стоит целый ряд трейлеров. Шоферы ходят взад-вперед между машинами, чтобы занять денег или отдохнуть в кабине. Через тридцать шесть часов корабль придет в порт Одера, а затем грузовики разъедутся по своим маршрутам. Я нашел путевой лист, когда прокрался в трюм. Я уезжаю от всего — от экранов П., от семьи Йонсен, которые понятия не имеют, куда подевался их приемный сын. Может, когда-нибудь я пошлю им открытку со словами: «Спасибо за все». В просвете между ящиками мне видна часть кабины и время от времени мелькают шоферы. Они, поди, поднимаются на первую палубу поддать в кафе, лица у них красные и опухшие. Водитель трейлера, где я прячусь, молодой парень со светлыми пушистыми волосами.

Он не знает, что везет в своем фургоне зайца, и никогда не узнает. В Одере я тут же смоюсь.

Здесь жарко. Наверное, погода, переменилась. После шторма наступила жара. Сейчас ночь. Прямо под трейлером то и дело стучит какой-то агрегат, наполняя трюм грохотом. Время 02.16, мои часы тихонько тикают. Я пишу при свете карманного фонарика, который нашел в машине. Шофер, наверное, скоро примется его искать. Вокруг темно, как в кармане.

Тебе, Сара, поди, интересно, как я попал сюда и вообще что случилось. Я не могу рассказать все подробно, потому что здесь очень тяжело писать.

Милая Сара, ты наверняка понимаешь, что я имею в виду, когда говорю: этому никогда не будет конца. Нынче ночью это приснилось мне впервые за три года. Я уже начал об этом забывать. Я каждый день думал о человеке, который убил Юлию, но не вспоминал ее, удары, кровь, бетонный пол. Думал только о нем. О том, что я сделаю с ним. Но сегодня я проснулся рано в трейлере и не мог думать ни о чем, кроме одной истории.

Эта история похожа на вымысел.

Хочешь ее послушать?

Однажды давным-давно двое детей стали свидетелями сцены, в которой участвовали человек с камерой, обнаженная фотомодель и еще один человек, наблюдавший за ними и стиравший пот со лба. Дети лежали на чердаке и подглядывали. Они смотрели на голую модель, на ее груди, на пучок рыжих волос между ляжками. Дети улыбались друг другу, чувствуя, как у них в низу живота ползают мурашки. И отчего бы это? Человек с камерой сделал много снимков, он заставлял модель проделывать странные вещи, и дети начали плакать. Но их никто не слышал. Человек с камерой был занят, он снимал голую женщину. Модель была занята, выполняя то, что ей велел фотограф. Она закрыла лицо руками, не желая показать, что ей больно. Человек, который стоял в тени, пялился на голое тело. Дети плакали. Их никто не слышал. Потом мальчик перестал плакать. А может, он вовсе и не плакал. Может, плакала только девочка. Мальчик не плакал. Он смотрел вниз на человека с камерой. Человек сделал много снимков. Модель тихо плакала. Девочка тихо плакала. Мальчик думал о человеке с камерой. Он думал о том, что это злой человек. «Зло похоже на солнце, — думал мальчик, — оно светит так же ярко, как солнце, и люди стремятся укрыться

под деревьями, в тени домов, потому что боятся обжигающих лучей. Я хочу убить солнце». Когда мужчина израсходовал пленку и модель перестала плакать, мальчик вышел из укрытия. Он стал говорить с человеком, с этим злым человеком, с солнцем. Посмотрев на большого мужчину, мальчик понял, что не сможет убить его. «Я хочу быть таким, как ты», — сказал мальчик. Мужчина улыбнулся и потрепал его по голове. «А почему ты этого хочешь?» — спросил он. «Потому, что ты сильный и делаешь страшные снимки. Потому что ты такой же сильный, как солнце». Человек с камерой улыбнулся. «Сначала ты должен потренироваться». — «Потренироваться?» — спросил мальчик. «Ты должен много лет фотографировать все, что красиво, — ответил он, — а уж потом снимать крутое». — «Я хочу снимать только крутое, — ответил мальчик, — я ненавижу все красивое». Человек с камерой покачал головой и засмеялся. «Не годится ненавидеть красивое, — сказал человек и потрепал его по голове, — там, откуда я родом, любят все красивое. Мы любим красивое так сильно, что забыли: ужасное, непристойное тоже красиво. Непристойное Бог создал, чтобы люди обнаружили красивое. Если повсюду было бы лишь прекрасное, люди не знали бы,

что такое непристойное». — «Значит, Бог создал непристойное, чтобы соблазнять слабых?» — «Не знаю», — ответил человек с камерой и пошел прочь. Но мальчик последовал за ним, потому что хотел быть таким же сильным, как солнце, и не думал больше о девочке, которая лежала и плакала.

Это сказка, которая мне приснилась, Сара.

Я целый день думал о ней и сейчас чувствую себя разбитым. Я лишь хочу вернуться в Одер к маме, к тете Элене и к тебе. Иногда мне кажется, что ты не получила мои письма и что все, кого я знаю в Одере, умерли или исчезли и это моя вина. Но стоит мне закрыть глаза, как я вижу вас перед собой и вы улыбаетесь мне.

Тебе не к чему знать то, что случилось в П. после того, как я приехал сюда. Больше это не имеет значения. Но для того, чтобы ты ничего не боялась, я объясню тебе. Мне не страшно рассказать это тебе, Сара.

Но ты должна обещать сохранить это в тайне.

Я не знаю, что у него было на уме. Думаю, он болен. Он такой худой. Кости так и выпирают из кожи. Может, он заключил пари. Наверное, если бы я не поднялся и не вошел в ванную, он сделал бы что-нибудь с девушкой, которую зовут

Пиа. Уверен в этом. Не знаю, что он задумал. Но скорее всего он предполагал, что я попытаюсь войти туда.

В кухне я нашел точно такую же фотографию Мартенса, лежащего в ванне. На оборотной стороне я прочел те же слова: *«Чувствуй себя как дома»*. Я стоял и думал о Виго и Пие, об этой странной надписи. Я знал, что Пиа мне врала, но не знал почему. В ушах у меня звенело. Я поднялся по лестнице и услышал в конце коридора шум воды. Дверь в спальню Виго была открыта. Я вошел туда. Прокрался по персидскому ковру. Из кранов лилась вода. Он лежал в ванне, лицо у него было закрыто лоскутком ткани. Я беззвучно проскользнул туда. Казалось, он лежал и ждал. У меня в руках было шило. Он тяжело дышал под мокрой тряпкой. Я определил, где находятся его глаза, и поднял шило. Оно показалось мне тяжелым как свинец. И тут я понял, что Виго видит меня сквозь ткань. Он не шевелился, и мне почудилось, что он улыбается и кротко смотрит на меня. Все замерло — и в моей голове, и во всем мире. Я не шевелился. Я держал шило в руке. Виго внимательно разглядывал меня. Все замерло, мне казалось, земля перестала вертеться и все остановилось. Ветер стих, дождь перестал

капать, остановились машины, люди и собаки, застыли волны. Но вот тишина нарушилась. Я не помню, закричал ли он, — кажется, нет. Думаю, он захныкал. Его голова окунулась в воду, и вода стала красной.

Я опустил шило в ванну, рывком вытащил пленку из кассеты и швырнул ее в воду. Я услышал легкий всплеск и увидел, как она шевелится на дне между его ногами. Потом я вышел в спальню и увидел на экране монитора лицо Пии. Половину ее лица пересекала огнестрельная рана. Гример наложил на рану тень. Получилось здорово. Я подумал, что у нее красивое лицо.

Я распахнул дверь из кухни в сад и пробрался сквозь заросли малины и изгородь из кустов сирени, между тисовыми деревьями, кустами красной смородины. Все переплелось в этой густой чаще. Наконец я добрался до забора, перепрыгнул через него и пошел по прогулочной дорожке. Она тянулась между холмами, поросшими кустарником, и терялась в сосновом бору. Я пошел по дорожке между толстыми стволами, а потом пустился бежать. Я ощущал прилив сил, чувствовал себя сильным, Сара. Мне казалось, я смогу бежать много дней подряд. Я больше не был слабаком. Я перепрыгивал через поваленные деревья, мчал-

ся по крутым склонам и ни разу не упал. Силы у меня было хоть отбавляй. Я выбежал к воде. Передо мной лежала прозрачная водная гладь. Над верхушками деревьев светила зеленая луна. Смеркалось. Дорожка тянулась по берегу озера. Я стоял неподвижно, пытаясь отдышаться. Потом побежал снова, но, огибая озеро, я споткнулся и упал между корнями деревьев и камнями у кромки воды. Во рту у меня пересохло, я наклонился и стал пить. Вода была ледяная, свежая, и от холода у меня сжало горло. На верхушке одного дерева сидела, словно замерев, птичка. Я пошел дальше в темноту мимо стволов, отмеченных крестами. На противоположном берегу озера я услышал шум мотора. Наконец я вышел на дорогу. Мимо меня проехал трейлер, а я стоял и смотрел на портрет фотомодели Яни на задней стенке трейлера вместе с рекламой молока. Я пошел по дороге. Через несколько минут я оказался на автобусной остановке и вошел под навес отдохнуть. Там сидела маленькая светловолосая девчонка. На ней была корона принцессы и голубое шелковое платье с золотыми звездами и блестками. Запыхавшись, я остановился и посмотрел на нее. Корона сидела у нее на голове немножко криво.

— Привет! — сказал я.

Она взглянула на меня подозрительно. Я сел на скамейку рядом с ней и спросил, ждет ли она автобуса. Она кивнула и посмотрела на дорогу.

— Какая ты нарядная, — сказал я.

— Я была на конкурсе принцесс.

— В школе?

— Нет, в другом месте.

— Понятно.

— Это такой центр.

— Центр принцесс?

— Нет, конкурсный центр. Там организуют разные конкурсы.

— И ты выиграла?

— Нет.

Вид у нее был печальный. Корона съехала набок, а в платье с блестками она казалась бледной и одинокой.

— Я чуть не выиграла.

— Главное не в том, чтобы выиграть, — попытался я успокоить ее.

Она посмотрела на меня:

— Почему ты дрожишь?

Я взглянул на свои руки и увидел, что они в самом деле дрожат. Руки так и тряслись у меня на коленях. Я улыбнулся ей:

— Я очень долго шел и замерз.

Она поморщилась:

— Но ведь вовсе не холодно.

Я закрыл лицо руками.

— Ты чем-то огорчен?

— Я пытаюсь унять дрожь. У тебя никогда не стучали зубы?

— Бывало такое.

Я отнял руки от лица. Девчонка уставилась на меня. И в ее ясном и гордом взгляде было что-то, что раздражало меня.

— Почему ты сидишь здесь одна?

Она встала со скамейки и вышла на дорогу посмотреть, не идет ли автобус.

— Он сейчас должен подъехать, — сказала она.

Я тоже поднялся, подошел к ней и поправил корону. Она улыбнулась. На вершине холма показался автобус. Его фары освещали дорогу. Девочка вышла на середину шоссе и подняла руку. Замигала фара, указывающая направление, и автобус подкатил к остановке. Девочка достала кошелек. Потом повернулась ко мне:

— А ты не поедешь?

Я покачал головой.

— Ну пока.

Она вошла в автобус и подала монету улыбающемуся шоферу. Я стоял перед навесом и смотрел

вслед автобусу, который катил в сторону города. Потом вернулся под навес, лег на скамейку и закрыл глаза, мне захотелось уснуть и увидеть прекрасный сон. Но перед моими глазами возникло лишь улыбающееся под тряпкой лицо Мартенса, и я услышал его голос: «Молодец, Симон». Я пошел по дороге по направлению к городу. Темнота, ночь, лес, асфальт и фонарные столбы, реклама пепси, дизельного масла, портреты светловолосых фотомоделей, проезжающие мимо легковушки и автобусы — все внезапно оказалось где-то далеко, словно между мной и остальным миром возникла невидимая пленка. Я шел по дороге, и плакал, мне было ужасно жаль себя, я чувствовал себя самым одиноким человеком на свете. И все из-за мертвого полицейского. И тут я понял: это не я отомстил ему. Виго смотрел на меня сквозь мокрую тряпку и кротко улыбался. Он этого хотел, Сара, чтобы я стоял там с шилом в руке, чтобы я ослепил его. И я подумал про себя: «Он хочет, чтобы ты шел по этой дороге и плакал, и думал о том же, о чем тогда думал он, чтобы твоя голова медленно наполнялась мыслями, которые раньше принадлежали ему».

Я пришел в город ночью. Были видны только неоновая реклама и экраны. Я шел по торговым

улицам к гавани, и мой взгляд скользил по великолепным телам. Какой-то мужчина вышел из красной будки со счастливым фей-сом. Я остановил его и спросил, который час. В гавани возле здания таможни горел фонарь. В проходах между кранами дул мягкий соленый летний ветер. Я лег на картонный ящик, накрылся с головой курткой и уснул.

Проснувшись, я уставился на кран, поднимающий болтающийся контейнер. Поодаль два человека грузили ящики в трейлер. Я смотрел, как они работают, и решил, что мне тоже нужно начать носить ящики в трейлер и попасть на борт судна. Я восхищался движениями мужчин, их мускулами и терпением. Руки, ящики, причал, ящики, руки, трейлер, пристань. Работа шла все быстрее и быстрее. Как в динамичном фильме. Я решил, что у меня наверняка не все ладно с глазами, и отвернулся. Но когда я направился к судну, вроде бы все стало опять в порядке. Ведь ты сама знаешь, Сара: все, что ты видишь, связано с миром невидимыми нитями, но рано или поздно эти нити развяжутся, и мы поплывем к облакам.

Это мое последнее письмо тебе, Сара. Ведь теперь, хотя и не очень скоро, я смогу увидеть тебя собственными глазами.

С.

40

Первое, что он разглядел в проемы между ящиками, был туман. Сквозь туман виднелась гавань с судами и рядами контейнеров с грузчиками в оранжевых комбинезонах, кранами и кривыми вывесками экспедиционных фирм. Шофер завел мотор, и через пару минут машина оказалась на берегу. Он лежал, прижавшись лицом к ящику, и смотрел на гавань, на туман, на машины и краны, на таможенников, которые махали, подавая знак, чтобы трейлер отошел в сторону. Машина остановилась. Шофер открыл дверцу и вышел, держа в руках бумаги, и пошел с таможенником в их контору.

Он спрыгнул со ступеньки, ноги у него вдруг ослабели, голова стала странно легкой, и он чуть не рухнул на асфальт.

Он сидел в автобусе, прижав лицо к стеклу, и вглядывался в туман, но различал лишь силуэты города. На мгновение он испугался. Город. Маркусгатен, мать, тетя Элена и Сара. Все заволокла дымка, все заглотила темная пасть, которую Симон однажды нарисовал.

Чуть позже он уже шел по центру Одера Вокруг были новые заведения, новые рекламные щиты, новые фотомодели и новые будки на перекрестках. Но он их не замечал, он смотрел прямо перед собой, на свои ноги, на асфальт, на улицу. Еще через десять минут он оказался на Маркусгатен. Здесь была квартира Вероники и Элены.

Он пошел медленно. Подошвы прилипали к асфальту. Он волочил ноги, словно они были чугунными. Он чувствовал ужасную усталость и был вынужден остановиться. В горле у него пересохло. Увидев какой-то дешевый ресторанчик с полузасохшими растениями в витрине и неоновой вывеской над входом, он вошел внутрь и велел толстой хозяйке принести ему лимонад. Она посмотрела на него и плотоядно улыбнулась. Ее жирные губы искривились. Он вдруг понял, что заказал лимонад на своем родном языке, и она приняла вежливую интонацию за приглашение к флирту. Он схватил стакан, что-то пробормотал и уселся в угол. Он провел там больше получаса, глядя исподволь на пожилую пару, которая тихо беседовала в другом конце зала. На голове у женщины был черный платок, а мужчина с непроницаемым лицом курил дешевые сигары и пускал дым перед собой. Симон выпил лимонад

и поспешил проскользнуть мимо стойки бара.

— Заходи еще, красавчик! — крикнула ему хозяйка.

Ее слова он услышал, уже выскочив на улицу.

Теперь он зашагал по Маркусгатен быстрее. Небо над ним было в серо-лиловых разводах. Пройдя мимо дома номер сто, он остановился и огляделся. «Этого здесь раньше не было», — подумал он. И тут он заметил на земле монетку, нагнулся, поднял ее и повертел в руке. На противоположной стороне улицы в окне второго этажа отодвинулась занавеска. Симон увидел в окне детское лицо. Ребенок уставился на него. Лицо исчезло, и чуть погодя через дорогу перебежал рыжий мальчуган. Мальчишке некогда было завязывать шнурки, он наступил на них и чуть не растянулся посреди улицы, но ухитрился догнать Симона и попытался вырвать у него монету.

— Это моя монетка! — крикнул мальчуган, и его маленькое лицо злобно искривилось.

Он посмотрел на нижнюю челюсть мальчишки, на пятна грязи на щеках, растертые кулаками, и блестящие глаза.

— Отдай монетку, она моя!

Симон взглянул на монетку и спрятал её в кулаке.

— А ты можешь это доказать?

Мальчишка выругался.

— Это моя монетка, я потерял ее сегодня. Отдай!

Симон пошел дальше, сжимая монету в кулаке. Мальчишка орал ему вслед, но он спокойно продолжал идти.

— Вор!

Из арки вышла женщина с корзинкой. Она подозрительно посмотрела на него. Он прибавил шагу.

Возле старой ярмарочной площади стояла телефонная будка. Он вошел в нее, закрыл дверь и фазу почувствовал запах абрикосов. На аппарате стоял бумажный пакетик. «Удача», — подумал он с усмешкой и взял пакетик. Абрикосы были сочные, сладкие, с привкусом меда. Он жадно съел два абрикоса. Потом нашел в порванном каталоге фамилию и номер телефона матери. Он вспомнил, что раньше никогда не звонил ей, и посмотрел на ржавую монету, которую сжимал в руке. Набрал номер.

— Алло.

— Кто это? — раздался низкий голос матери.

— Это я.

— Кто?

— Это я, Симон.

На мгновение на другом конце линии воцарилась тишина, затем раздался гудок. Несколько секунд он стоял, прислушиваясь к телефонному гудку, потом повесил трубку, повернулся и вышел из желтой будки и только тогда заметил, что всё еще держит во рту абрикосовую косточку. Он вынул ее изо рта указательным и средним пальцами и с силой швырнул, косточка со стуком упала на асфальт.

Подойдя к дому номер двадцать четыре, он остановился и уставился на узор оконной решетки квартиры полуподвального этажа, его взгляд скользнул по арке, по облупившемуся фасаду доходного дома. Он посмотрел на карнизы и окна, на гардины за оконным стеклом на третьем этаже. В комнате Вероники на окне стоял кактус.

Он нагнулся над решеткой полуподвального этажа квартиры справа от арки и сквозь запыленное стекло увидел, что в комнате сидят двое. Он отшатнулся. Раньше он представлял себе, как мать обнимает его и целует, как Сара смотрит на него с несказанным любопытством, но теперь, когда он на самом деле стоял перед своим домом и видел близких, это ошеломило его. Он снова медленно наклонился к решетке и стал вглядываться

в полутемную квартиру. На старом синем диване лежала девушка, она слушала радио. На носу у нее были очки, волосы она собрала в слегка растрепанный узел на макушке. Перед ней лежала книга. Ее глаза блестели за стеклами очков. Рядом с ней сидел мужчина в мятом халате и смотрел на экран телевизора. Девушка подняла голову и сказала что-то мужчине, скорчив гримасу.

Он шмыгнул под арку, в нос ему ударил кислый, тошнотворный запах окурков и пыли. Во дворе ничего не изменилось — засохшая груша, заброшенный садик, скамейка, загаженная голубями, велосипедный штатив. Он осторожно сел на скамейку, словно боялся, что она сломается под ним. В окне кухни зажегся свет и показалась голова. Чья-то рука сняла что-то с полки со специями. Элена наклонилась и открыла окно. На руке у нее была красная сыпь. Он услышал голос Элены: «Где мускатные орехи?» И снова наступила тишина. Она прислушалась и снова крикнула, еще громче. Он подумал о вкусе мускатных орехов.

41

Трое ухажеров, три парня из первого класса гимназии, ворвались во двор на мопеде, держась друг за друга, и резко затормозили возле вело-

сипедного штатива. На Симона они не обратили внимания, не удостоили его даже взглядом. Все трое были навеселе. Ребята соскочили с мопеда в облаке паров бензина и рванули к входной двери подъезда, откуда был ход в полуподвальную квартиру.

В мгновение ока он оказался у двери и уставился на стоявших на нижней площадке парней. Они, хихикая, привели себя в порядок и нажали кнопку звонка. Чуть погодя человек в халате открыл дверь. Он смерил парней взглядом с головы до ног, пожал плечами и крикнул:

— Сара! Тут три лоботряса хотят поговорить с тобой! Думаю, они не лотерейные билеты пришли продавать. — И он снова смерил их взглядом.

Себастиан повернулся к ним спиной. Три лоботряса с усмешкой посмотрели на торчащие из-под халата волосатые ноги. В дверях показалась Сара. Она взглянула на лоботрясов сияющими глазами:

— В чем дело?

— Ни в чем.

— Никак вы напились?

— Хочешь прокатиться с нами?

— А куда вы собрались?

— На вечеринку. Там всего навалом.

— Чего «всего»?

— Вина залейся.

— Не могу.

— Почему?

— Я обещала матери помочь, когда она придет домой.

— Ну тебе же хуже. Мы сваливаем.

— А кто там?

— Где там?

— Кто стоит наверху?

— Понятия не имеем. Эй, кто ты там, черт побери?

— Не орите, мой дядя не в духе.

— А чего этот парень там стоит?

— Почем я знаю, я думала, он пришел с вами.

— Эй, ты! Чего пялишься? Ты что, живешь здесь?

— Жил раньше.

Лоботрясы поднялись по лестнице и протиснулись мимо Симона, скорчив ему рожи.

— Желаем тебе классно провести вечер, Сара!

Она вышла за дверь и посмотрела вверх, в его сторону.

— Когда именно? — спросила она.

— Что?

— Когда ты жил здесь?

— Три года назад.

Он побежал вниз по лестнице, но тут на него упала тень стены, и он остановился. Тень походила на холодный мешок, и он подумал, что ему никогда не удастся избежать этого: темноты, страха, мешка.

Она отодвинула носком соринку на полу. Симон вышел из тени. Он хотел что-то сказать, но сумел только кашлянуть. Она взглянула на него и тихонько сказала:

— Я тоже жила здесь три года назад.

— Знаю.

Снова молчание.

— Откуда мне знать, что ты говоришь правду?

— Мою мать зовут Вероника.

— Тебе мог это кто-нибудь сказать.

Он покачал головой.

— Почему я должна верить тебе? Я о тебе ничего не знаю. Почему я должна верить твоим словам?

— Я помню многое.

— Что ты помнишь?

— Разное.

— Что, например?

— Твой телескоп. — Он посмотрел на нее и добавил: — Черные дыры.

Ее взгляд заскользил по его лицу.

— Ты рассказывала мне про звездные туманности и черные дыры.

— Ты, наверное, с кем-то говорил.

— Я ни с кем не говорил, кроме тебя, Сара.

— Я не верю тебе, — сказала она и попятилась к двери, прислонилась к косяку, и теперь, при падающем из квартиры свете, он отчетливее разглядел ее лицо.

— Ты получила письма? — спросил он.

И она закрыла глаза.

42

— Вот я положу руки тебе на глаза.

— Да.

— Теперь тебе лучше?

— Да.

— Точно?

— Да. Теперь мне совсем хорошо.

— Теперь ты видишь ее?

— Что вижу?

— Звездную туманность.

Он кашлянул и улыбнулся:

— Кажется, вижу.

— Вот и хорошо.

Она наклонилась и поцеловала его в щеку, и ее поцелуй расползся горячей сыпью по коже,

обжигая ее. Он встал.

— Что это?

Она лежала на кровати, положив руки под голову. Ее свитер был коротковат и обнажил белую полоску кожи между краем свитера и поясом брюк. Пупок: темный глаз.

— Ничего, — ответил он и закрыл глаза.

Он медленно придвинул лицо близко к ее телу. Он услышал, как она тихонько засмеялась.

— Теперь я вижу ее, — сказал он.

— Что?

— Звездную туманность.

— Ты видишь ее?

— Да.

— А сейчас?

— Вижу ее все лучше и лучше.

Он осторожно придвинулся ближе к ней.

— А сейчас?

Симон почувствовал, что она прильнула лицом к его лицу. Разгоряченный от ее запаха, от дрожи во всем теле и в голове, он придвинулся к ней еще ближе. Он весь горел. Кончик его носа ощутил тепло щеки Сары.

текст задней обложки

STYLORUM

Фробениус — современная классика…

L'Hebdo Litteraire

Очередной потрясающий роман мирового масштаба от Николая Фробениуса..

Dagens Nøringsliv

Выдающаяся философская вещь, ничуть не слабее «Каталога Латура».

Figaro

Бескомпромиссный, жесткий, захватывающий роман… Книга, которую невозможно отложить.

Nice-Matin

Николай Фробениус (р. 1965), популярный норвежский писатель, драматург и сценарист, дебютировал сборником «Водоворот» (1986),

удостоился единодушной похвалы критиков за первый роман «Прославленная любовь молодого Вильгельма Оксеншерны» (1989). После оглушительного всемирного успеха, выпавшего на долю романа «Каталог Латура. или Лакей маркиза де Сада» (1996), публика и критика ожидали продолжения. И оно последовало в 1999 году в виде романа «Застенчивый порнограф». Герои попадают в загадочный город Порнополис, где человеческие переживания выражаются потоком порноизображений — симуляций чувственного опыта. И если «Каталог Латура» строился вокруг поиска болевого центра, то здесь сюжет связан с поиском центра чувственности.

BIBLIOTHECA

STYLORUM

Фробениус — современная классика...
L'Hebdo Littéraire

Очередной потрясающий роман мирового масштаба от Николая Фробениуса...
Dagens Nøringsliv

...Выдающаяся философская вещь, ничуть не слабее «Каталога Латура».
Figaro

Бескомпромиссный, жесткий, захватывающий роман... Книга, которую невозможно отложить...
Nice-Matin

Николай Фробениус (р. 1965), популярный норвежский писатель, драматург и сценарист, дебютировал сборником «Водоворот» (1986), удостоился единодушной похвалы критиков за первый роман «Прославленная любовь молодого Вильгельма Оксеншерны» (1989). После оглушительного всемирного успеха, выпавшего на долю романа «Каталог Латура, или Лакей маркиза де Сада» (1996), публика и критика ожидали продолжения. И оно последовало в 1999 году в виде романа «Застенчивый порнограф». Герои попадают в загадочный город Порнополис, где человеческие переживания выражаются потоком порноизображений — симуляций чувственного опыта. И если «Каталог Латура» строился вокруг поиска болевого центра, то здесь сюжет связан с поиском центра чувственности.

www.azbooka.ru

ISBN 5-267-00477-4

9 785267 004770

АЗБУКА